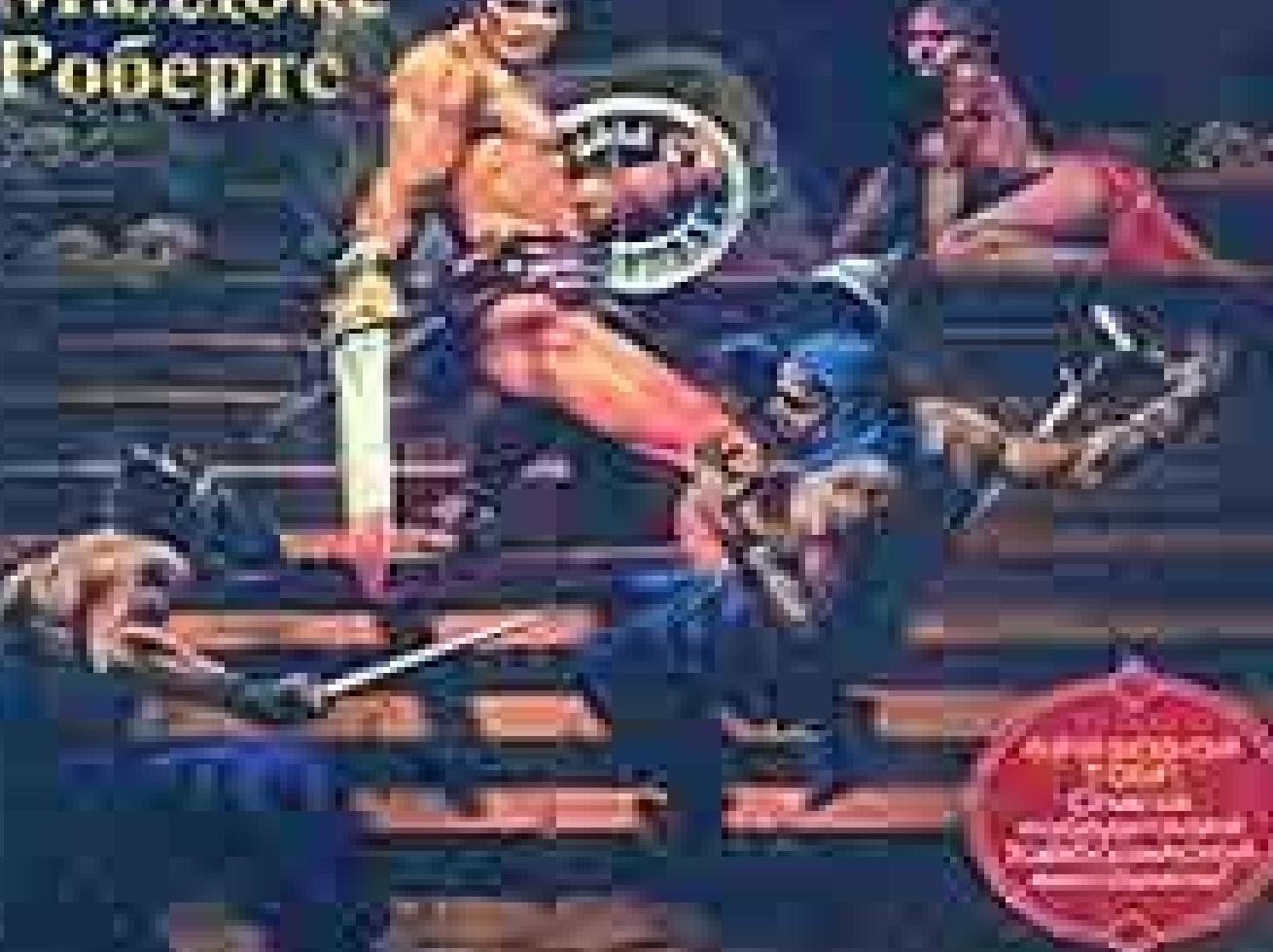

КОНАН

СОЛДАТ УДАЧИ

Джон
Майлз
Робертс

Annotation

Гирканийская орда гуляет по степи. Талантливый военачальник каган Бартатуйя желает завоевать мир и желательно, весь. Его первая цель – город Согария. Конан, полусотник его войска, обращает на себя внимание кагана, но на него клевещет наложница Бартатуйи Лакшми, желающая с помощью злого мага Хондемира подчинить кагана своей воле...

Мечи, стрелы, маги, вендики-колдуны и весь набор дежурных приключений.

Мир, кстати, завоеван не был...

- [Джон Мэддокс Робертс](#)

- [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
-

Джон Мэддокс Робертс

Дикая орда

ГЛАВА 1

Позади были холмы. Их даже можно было назвать горами, если сравнить с жалкими бугорками Запада. А за холмами вздымались уже настоящие горные хребты. Покрытые вечными снегами кряжи громоздились ярус за ярусом, казалось, они простираются без конца – до высочайшей точки мира, горы Пайярам, Столпа Богов.

Впереди же раскинулась степь. Безбрежное раздолье трав тянется от моря Вилайет до легендарного Кхитая и от северной границы Вендии до сосновых лесов на далеком Севере. Рек здесь немного, и летом они по большей части пересыхают. Сухой сезон в степи длится мучительно долго – в эту пору достаточно удара молнии или беспечной неосторожности случайного путника, чтобы увядшие, жухлые травы превратились в океан пламени. Кроме кочевников, мало кто забредал в степные просторы, однако на юге равнину пересекали древние караванные пути, связывающие западные и восточные страны. А на перекрестьях старинных дорог, там, где всегда найдется вдосталь воды, протянули к небу узорчатые башни и сверкающие золотом купола великие торговые города: Лакаш, город Серебряных Врат, славный золотых и серебряных дел мастерами; Маликта, где торговали драгоценными камнями, жемчугом и нефритом; Бахроша – город благовоний и пряностей; блистательная Согария, где кхитайские шелковые нити окрашивали красками из Вендии и с далеких островов Восточного Моря, а после ткали из них чудесные ткани.

Не спеша продвигаясь по бескрайней степи на запад, Конан-киммериец как раз размышлял о всяческих сокровищах и соблазнах, что скрываются за высокими стенами богатых городов. Великое множество раз жадный до всего нового и необычного варвар слушал сказки о прославленных степных твердынях – у козацких костров, в пещерах хималейских горцев и на залитых звездным светом палубах стремительных галер Красного Братства. Наверняка все эти разношерстные бандюги, рубаки и головорезы только и мечтали, чтобы пограбить сонные твердыни разжиревших торгаши. Но степь так широка, что лишь опытные караванщики, хорошо подготовившись к походу, могли лелеять надежду преодолеть огромные расстояния между городами. А о том, чтобы после такого пути еще и вести осаду, и речи быть не могло.

Однако неугомонный киммериец, влекомый неукротимой жаждой странствий и приключений, варварским своим нутром чуял – он еще попадет в роскошные степные города и хорошенъко тряхнет их, А пока что он собирался назад, в западные королевства. Он достаточно пожил в горах среди свирепых дикарей, теперь его манили разноязыкие, многолюдные города Гипербореи. Наверняка какие-нибудь из них ведут сейчас войну, а значит, опытный боец вроде него без дела не останется.

Как обычно, киммериец путешествовал верхом и налегке. На широком, с серебряными заклепками поясе висел ильбарский клинок, прямой, длинный, острый как бритва, в искусно сработанных ножнах из дубленой кожи, со стершейся от времени костяной рукоятью. Короткий кривой кинжал заткнут за пояс. Могучий торс и широченные плечи варвара защищала кольчуга легкой туранской стали, покрытая серебром, чтоб не ржавела. Щитки из такой же стали прикрывали шею, а на свою густую черную шевелюру Конан нахлобучил рифленый шлем. Таскать по степной жаре тяжелые сапоги и плотные кожаные штаны смысла не имело. Поэтому киммериец ограничился простой набедренной повязкой и сандалиями. В притороченном к седлу колчане был короткий лук из дерева и рога и стрелы с

оперением из орлиных перьев.

Конан на ходу обдумывал маршрут. Через несколько дней он достигнет южных берегов моря Вилайет – этот край никак не поделят Туран и Иранистан. Там он встретит своих старых друзей – козаков, и отдохнет в их шатрах у костров. Потом предстоит пересечь земли Турана, где киммерийцу отнюдь не улыбалось попасть под горячую руку стражникам царя Ездигерда. Впрочем, бояться нечего. Человеку, правившему племенами афголов, не составит труда уйти от не слишком многочисленных и довольно неуклюжих туранских всадников.

Размышая примерно таким образом, Конан час за часом продвигался на запад. К задней луке седла у него были привязаны завернутые в плащ запас провианта на несколько дней, нехитрое походное снаряжение и огниво. В основном же киммериец добывал пищу охотой. Одно его тревожило – он лишился запасной лошади. Второй скакун пал от укуса ядовитой змеи в самом начале странствия. Пеший же путник обречен в степи на мучительную смерть. Но, привыкший к невзгодам и тяготам бродячей жизни, киммериец не унывал – он постараётся сохранить лошадь, пока не добудет еще одну. А случись что по дороге – ну что ж, небольшое расстояние он сумеет проторопать и пешком.

На рассвете шестого дня пути Конан проснулся с первым лучом солнца, собрал пожитки и затоптал угли небольшого костра.

Киммериец вознамерился было уже вскочить в седло, но тут его орлиный взгляд уловил еле заметное движение на далекой линии горизонта. Глаза не такие зоркие, как у киммерийца, никогда не разглядели бы крохотные темные силуэты пяти всадников на фоне багрового щита восходящего солнца. Рядом со всадниками остроглазый варвар разглядел группу свободных лошадей. Степные воины всегда так поступают: отправляясь в набег, берут с собой сменных скакунов. Прежде чем тронуться в путь, Конан предусмотрительно натянул на лук тетиву и развязал на колчане крепкие тесемки, чтобы оружие можно было легко выхватить в любой момент. Может, пришельцы ничего худого не замышляли. Но настоящий воин каждое мгновение должен быть готов к схватке, иначе долго он на свете не протянет. Конан спокойно направил коня по намеченному давеча маршруту – на запад. Удирать теперь уже не имело смысла: незнакомцы заметили его, и, если они пустятся в погоню, уйти все равно не удастся. Его конь скоро устанет, а враги пересядут на свежих лошадей...

Солнце медленно катилось по голубой небесной тверди. Конан время от времени останавливался, чтобы дать коню передохнуть, а заодно оглядеться и понаблюдать, что там поделяют преследователи. К полудню всадники стали вдвое ближе, но, когда Конан в очередной раз остановился, незнакомцы пропали из виду. Конан пожал плечами, подумав, что, может, загадочные наездники вовсе не за ним гнались. Однако же тетивы с лука не снял.

Когда же солнце стало клониться к закату, Конан приметил по левой руке от себя какое-то движение. Он обернулся: двое всадников приближались к нему. Конан развернул было коня вправо, но увидел, что и с этой стороны к нему скачут трое. Оставалось двигаться прямо вперед. Стаясь уйти от преследователей, он дал коню шпоры и пустил его резвой рысью.

Как это им удалось так ловко обойти его с флангов? Этот вопрос вертелся у киммерийца в голове, пока он судорожно пытался оторваться от погони. Наверное, им хорошо знакома эта часть степи. Земля здесь совершенно ровная, но с небольшим уклоном. Должно быть, они прятались за невысокими откосами, пока не подобрались вплотную. А теперь они гнали жертву вверх по склону. Скоро конь устанет, и тогда... С кем это довелось столкнуться? Когда преследователи приблизились, Конан увидел, что трое из них одеты в кожаные доспехи, а на

других нет ничего, кроме набедренных повязок и войлочных сапог до колен. Позади у каждого воина висела кривая сабля, а к седлам были приторочены луки, гораздо большие по размеру, нежели у Конана.

Гирканийцы! Судя по высоким остроконечным шапкам со свисающими полями, они принадлежали к одному из западных племен. Прямо на глазах у киммерийца один из всадников легко и непринужденно перепрыгнул с уставшей лошади на свежую, прихватив с собою лук и колчан со стрелами. Говорили, что гирканийцы – лучшие в мире наездники, и только сейчас Конан по-настоящему убедился в этом.

Теперь он знал, от кого удирает. Да что толку? Вряд ли степняки стали бы терять целый день ради одного уставшего коня. Поживиться у Конана нечем это они могли бы заметить. Значит, просто любопытство, охота забавы ради? Ладно, пусть теперь догоняют, они дорого заплатят за эту забаву.

Когда бока у скакуна стали раздуваться, как кузнечные меха, а с губ полетели клочья пены, Конан решил, что не стоит загонять бедное животное до смерти. Иначе потом придется тащиться пешком. Оглянувшись, он не нашел поблизости никакого мало-мальски пригодного укрытия. Конан понял, что настала пора действовать. Он достал лук, как можно сильнее натянул тетиву и, развернувшись в седле, пустил стрелу в ближайшего из преследователей.

У степняка имелся небольшой щит вендиjsкой стали, на гирканийский манер отделанный по краям каким-то мехом. Но пока стрела Конана летела к цели, кочевник, особо не торопясь, поднял щит и успел отразить выстрел.

Киммериец прицелился еще раз – во всадника без доспехов. Степняк с такой же презрительной легкостью уклонился от стрелы. Блеснув, стрела полетела еще в одного, но он просто пригнулся, пропуская ее мимо.

– Кром! – прорычал Конан. По сравнению с этими парнями его старые приятели-козаки в конном бою выглядели бы просто детьми. Но почему гирканийцы сами не бьют стрелами? Все ясно: Конан нужен им живым. Киммериец мрачно усмехнулся. Прежде чем они притащат его на какой-нибудь невольничий рынок, он оставит им на память парочку хороших зарубок! Конан придержал коня и вытащил меч. Какими бы непревзойденными наездниками и прославленными лучниками степняки ни были, про их успехи в рукопашной схватке киммерийцу слышать что-то не доводилось.

– Подходите, потолкуем один на один! – крикнул Конан. Он попробовал пальцем лезвие ильбарского клинка. – Вот этой штукой я вам мозги-то прочищу!

Всадники быстро окружили киммерийца, впрочем держась пока на почтительном расстоянии. Кочевники крутили в руках какие-то странные штуковины, – крутили так быстро, что нельзя было толком рассмотреть. Конан не стал терять времени, разгадывая маневры противника. Если кто-то из них подберется поближе, он все равно увидит, какую именно пакость степняки подготовили. Во всяком случае, одно преимущество у Конана было: гирканийцы хотели взять его живым. У киммерийца же в отношении врага такие милосердные намерения отсутствовали.

Один из всадников издал гортанный крик. Что-то длинное и тонкое просвистело у Конана перед глазами и накрепко обвилось вокруг рук и груди. Теперь понятно – это аркан! Конан повел могучими плечами, ожидая, что аркан лопнет, но он только сильнее врезался в мышцы прямо под короткими рукавами кольчуги.

Киммериец неловко попытался перерезать веревку ножом, но другой всадник

молниеносно выхватил длинную плеть и с размаху ударил Конана по правому запястью. А в это время остальные степняки набросили еще несколько петель. Глубоко вздохнув, Конан попытался вырвать ручку кнута из седельной сумки, но тут еще одна петля захлестнула шею. Глаза у варвара налились кровью – он последний раз попытался порвать путы. Увы, веревки были не толще мизинца, но покрепче любого каната. Три вражеских коня одновременно рванулись, и Конан грохнулся наземь. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание, была кривая ухмылка под вислыми усами на роже одного из гирканийцев.

Конан очнулся в сумерках, когда последние бледные лучи солнца мерцали на горизонте. Варвар обнаружил, что лежит на левом боку и левая рука изрядно затекла. В голове звенело, будто где-то рядом лупили в вендийский боевой гонг. В глотке пересохло так, что трудно было дышать. Он попытался слегкотнуть слюну, но не смог – горло распухло. Конан попробовал пошевелиться, но это оказалось непросто – он лежал со связанными вместе запястьями. Узел был тугой, но не настолько, чтобы нарушилось кровообращение. Эти бандюги понимали, что никто не купит безрукого и безногого раба.

Конан неуклюже сел. И увидел, что степняки не удосужились связать ему ноги. Понятно: куда бы он ушел в степи? Из одежды на Конане остались лишь набедренная повязка и сандалии. Это тоже вполне понятно... Вдруг где-то сзади послышались голоса. Конан обернулся, чтобы рассмотреть говоривших.

Четверо гирканийцев сидели у костра и жарили на вертелах мясо. В нескольких шагах от каждого была привязана лошадь. Пятый гирканиец, наверное, караулил остальных скакунов, а может быть, повел их на водопой. Степняки тихо переговаривались, временами негромко смеялись, не обращая на пленника ни малейшего внимания. Конан почувствовал соблазнительный запах жаркого, и в животе у него заурчало.

– Эй, ты! – крикнул Конан. Язык, на котором говорили степняки, отдалено напоминал иранистанский. Конан подумал, что они, может быть, поймут наречие приграничных торговцев. – Ты, папаша длинноусый, у тебя детишки в кого пошли, в деревенского шамана? Ты меня кормить-то собираешься или надеешься с барышом продать мой скелет?

К киммерийцу сразу повернулись четыре бандитские рожи. Конан заметил, что кожа у степняков изначально белая, только сильно потемнела на солнце да продубилась на горячем ветру. У двоих кочевников были голубые глаза. Рыжеволосый степняк, который теперь снял доспехи, встал и подошел к киммерийцу. Кривые нот и косолапая походка выдавали в нем человека, всю жизнь просидевшего в седле. На нем был плащ из тонкого войлока и неизменная шапка, из-под которой сзади свисали тонкие косы ниже плеч.

– Не дело, чтобы неповоротливая вендийская обезьяна так разговаривала с благородными всадниками Гиркании. Заткнись, трахаль волосатых баб, которые лазают по деревьям. Может, завтра я кину тебе обглоданную кость. – Он пнул Конана ногой в челюсть. Киммериец повалился на спину.

Кочевник засмеялся смехом и не заметил, как Конан подтянул ноги к груди, откатываясь назад. Потом перекатился вперед, резко распрямил ноги и изо всех сил ударил гирканийца в живот. Тот с присвистом охнул и, перекувырнувшись, покатился по земле, сшибая все на своем пути. Степняки только хотели над нездачей своего приятеля, убирая с его пути свою снедь.

Гирканиец с трудом поднялся на четвереньки, хрипло дыша и схватившись за живот. Он бросил на Конана дикий, бешеный взгляд. Отдышавшись, кочевник выпрямился и заковылял к Конану, на ходу доставая зловещего вида кривой нож.

— Из тебя и раба-то стоящего не выйдет, — ухмыляясь, произнес он. — А может, с тебя шкуру снять? Мне как раз нужны уздечка и седло.

Конан посмотрел гирканийцу прямо в глаза:

— А ты перережь веревки, тогда посмотрим, кто кого. Горная жаба будет попроворнее тебя!

— Веревки перерезать? — искренне изумился гирканиец. — Да какой же дурак будет давать преимущество тому, кого хочет убить?

— Видно, правду говорят — у гирканийцев ни чести, ни мужества, что уж с ними говорить! — отозвался Конан. Он копил силы для нового прыжка. По крайней мере успеет перегрызть глотку этому дикарю, прежде чем подоспят остальные.

— Убери нож, Торгут, — послышался чей-то голос.

Гирканиец отступил на шаг и тотчас спрятал клинок в ножны. Конан скосил глаза на сидящих у огня, чтобы посмотреть, кто остановил разгневанного бандита. Это был явно человек, привыкший, чтобы ему беспрекословно повиновались. Мужчина с черными усами и жидкой бородкой поднялся с места и подошел к киммерийцу. На вид он мало отличался от остальных степняков, но Конан заметил, как блестят его золотые кольца и браслеты. Войлочный плащ кочевника украшал орнамент с изображением каких-то сказочных чудовищ. Должно быть, он из младших командиров своего клана, а в этой шайке — главный. Он без опаски присел на корточки перед Конаном. Два раза один и тот же прием не сработает.

— Откуда ты, раб?

Конан с вызовомглянул на гирканийца:

— Что-то я не вижу здесь рабов. Ты к кому обращаешься — к этим бабуинам у костра или к тому простофилю с больным брюхом, что прячется у тебя за спиной?

Командир нетерпеливо оборвал его:

— Парень, не надо показывать свой норов. Мы им уже полюбовались. Не испытывай мое терпение. Так откуда ты?

— Из Киммерии, — говорчал Конан. Он уже показал степнякам, на что способен. Теперь они могут его убить, но пытаться унизить больше не посмеют.

— Никогда не слыхал, — удивился вождь, — твое оружие и доспехи из Вендии и Турана или с пограничных холмов.

Конан взглянул на груду доспехов у костра, рядом с тем местом, где только что сидел черноусый командир.

— А вы откуда — из Кхитая или Иранистана?

— Слушай внимательно, — голубые глаза степняка пристально смотрели на Конана, — мы гирканийцы. Мы — воины из славной орды ашкузов. Идем навстречу верховному вождю Бартатуе. Он собирает кланы и малые отряды для похода, которого свет еще не видел. Бартатуя разослал приказы: всем, кто придет для похода, привести с собой пленников из низших народов. Уж не знаю зачем. Может, он дарует им жизнь — тогда и ты выживешь. Но если будешь вести себя так, как сегодня, — точно не выживешь.

Конан пожал плечами и сказал, как будто делая одолжение:

— Ну хорошо, я пойду с вами. Я воин, это мое ремесло. Может, ваш Бартатуя найдет мне применение получше, чем рабский труд.

Гирканийцы разразились резким, пронзительным смехом.

— Ты держишься в седле хуже десятилетнего ребенка, — проговорил тот, кому досталось от Конана. — А стреляешь и того хуже.

Конан чуть не зарычал от обиды, вспомнив, как легко эти разбойники догнали и пленили его.

— Если б мы схватились на мечах, я изрубил бы вас на корм шакалам, прощедил он. — Есть и другие приемы боя, кроме стрельбы из лука в конном строго.

— Нам эти глупости ни к чему, — ответил степняк, — мы это уже проходили. Против нас выступали целые армии городских псов. Они строились прямыми рядами или колоннами и пытались подобраться поближе, чтобы достать нас копьями и мечами. Мы только смеялись им в лицо и стреляли, а потом подходили, чтобы вынуть стрелы из мертвых тел.

— Но если вы такие могучие и непобедимые, отчего вы до сих пор не завоевали весь мир?

Кочевник пожал плечами:

— Зачем нам мир? У нас есть безбрежная степь и Предвечное Небо, — Он молитвенно сложил руки, и все остальные кочевники последовали его примеру, Конан понял, что командир только что назвал имя их божества.

— Города? — продолжал черноусый. — Их хорошо грабить. Какая еще от них польза? Мы — свободные люди. Что нам за радость собирать налоги или дни напролет следить за селянами, погоняющими волов, чтобы не дать им обвести нас вокруг пальца? — Он скривился от отвращения. — Ни за что! В страхе и ужасе держат наши непобедимые орды князей мира. Брать с них дань — наше исконное право. Они дают нам золото, шелка, благовония, а мы до них охочи. И это правильно, что презренные городские крысы трудятся, чтобы дать нам все это. Потому что хозяева мира — мы!

Остальные гирканийцы встретили слова команда одобрительным гулом.

— Дайте мне коня, — прервал восторги степняков Конан, — луна не успеет смениться, как я стану лучшим наездником, чем любой из вас. Дайте мне ваш лук, и я за то же время заткну за пояс любого гирканийца. Нет такого воинского искусства, которым бы я не овладел. Не придумали еще!

Кочевник поднялся и холодно глянул на киммерийца:

— Мы прибудем к Бартатуе через несколько дней. У тебя будет время показать свои способности. Как тебя зовут, чужестранец?

— Конан.

— Знай, что я — Бория из клана Голубого Оленя племени ашкузов. Я полусотник, и в пути я тебя испытаю. Если все, что ты здесь наболтал, не пустые слова, я узнаю это прежде, чем мы прибудем к Бартатуе. Я с удовольствием замолвлю за тебя словечко. А уж там — как каган решит, так и будет.

— Глупости, — фыркнул тот, кого называли Торгутом, — какой толк великому Бартатуе от этой городской обезьяны и свиноеда? — Степняк бранился, стараясь при этом держаться подальше от ног Конана.

— Не твоего ума дело, Торгут, — отрезал Бория, — помыслы великого кагана недоступны простому всаднику. Уж не вздумал ли ты оспаривать мое решение?

Торгут коснулся лба тыльной стороной ладони:

— Я не хотел проявить непочтительность, командир. — Он взглянул на Конана с неприкрытоей ненавистью.

— Смотри у меня! — Бория повернулся к воинам, сидевшим у огня: — Дайте пленнику сущеного мяса из его седельной сумки.

Затем он вновь обратился к киммерийцу:

— Мы выходим завтра на рассвете. Путь предстоит нелегкий. Ты его, может, и не переживешь. Мне дела нет. Когда мы вернемся в лагерь, я буду знать о тебе больше.

Командир гирканийцев отошел, и один из воинов, от плеч до колен покрытый татуировкой всевозможных страшилищ, бросил Конану несколько полосок сущеного мяса. Киммерийцу пришлось потянуться и ухватить мясо зубами. Бория назвал его пленником, а не рабом. Может, это и добрый знак... Конан отбросил прочь досужие вымыслы и с жадностью принял рвать жесткое мясо.

— Воды, — попросил он, расправившись с едой, Кочевники не обратили на просьбу никакого внимания. Бория закончил обгладывать кость и что-то проговорил степняку, щеголявшему замысловатой татуировкой. Тот порылся в седельной сумке, вытащил мелкую чашу, плеснул в нее из бурдюка и подал Конану. Киммериец чуть поморщился от мерзкого запаха, но привередничать было не в его правилах. На долю отважного варвара выпадали и не такие испытания.

В чаше оказалась не вода, а кислое молоко, овечье, конское, коровье или козье — Конан не знал, да и не желал знать. Степняки жили в основном за счет своих стад и доили самок любых домашних животных. Киммериец заметил, что чаша сделана из верхней части человеческого черепа. Неуклюже скорчившись, он опустошил этот жуткий сосуд. Стянутые петлей руки нещадно болели, но, когда опустилась ночь, Конан все же попытался уснуть. Его беспокойный сон то и дело прерывали укусы насекомых, но все равно рассвет настал слишком быстро.

— Не будем нагружать коня твоей тушей, — усмехнулся Бория, затягивая аркан вокруг шеи Конана. — Вы, городские и деревенские крысы, привыкли ходить пешком. Так что не зевай, а то упадешь, и тебя поволокут по земле.

Гирканийцы вскочили в седла и рысью пустили коней на восток. Конан бежал рядом с запасными лошадьми и старался не отставать, подстраиваясь к шагу самого медлительного скакуна. Если высокомерные всадники рассчитывают увидеть, как он, задыхаясь, волочится по земле, долго им придется ждать! Как истинный киммериец, Конан был неутомим в беге и легко мог поспеть за лошадью.

Все утро гирканийцы время от времени обворачивались и каждый раз таращили глаза при виде Конана, бегущего рысью вровень с лошадьми: аркан не натянут, дыхание свободное. Для степняков, которые никогда не проходили пешком более нескольких шагов, кроме как по крайней нужде, казалось невероятным, что человек может быть таким неутомимым. Конан же способен был бежать легкой рысью хоть целый день: для киммерийского горца бегать так же естественно, как дышать.

Но когда Торгут сам взял аркан у другого всадника, Конан понял, что его ждут тяжелые минуты.

— Кажись, нашему пленнику наскучило так медленно бежать. Пусть поупражняется — это его развлечет. — С этими словами гирканийец пришпорил коня, и тот перешел на галоп.

Аркан натянулся. Конан побежал во всю мочь. Он был готов к чему-нибудь в таком роде. Рысью он мог бежать, как конь. Но при такой скорости... Когда гирканийец погнал коня быстрым галопом, Конану пришлось напрячь все свои силы, чтобы не упасть. Пот заливал глаза, варвар тяжело дышал. Он еще не выдохся, но это могло случиться в любое мгновение.

Остальные всадники ехали вровень с ними, со смехом и криками одобрения наблюдая за забавным состязанием. Сквозь мелькающую перед лицом высокую траву Конан поймал холодный, оценивающий взгляд Бории... Дотянуться до аркана и попытаться перегрызть его?

Вряд ли получится – никогда прежде не встречал киммериец таких тонких и вместе с тем прочных веревок. И потом, тогда ему просто накинут на шею еще одну петлю.

Торгут оглянулся и увидел, что Конан не отстает. Кочевника аж перекосило от злости. Он хлестнул своего коня короткой плетью. Конан сделал глубокий вдох и побежал на пределе сил – лишь бы аркан не натянулся и не повалил его на землю. Со связанными руками трудно поддерживать равновесие, даже при всей невероятной ловкости варвара. Земля здесь неровная; если он упадет – в лучшем случае обдерется, а вернее всего, либо задохнется, либо сломает шею. Бория, возможно, будет недоволен, но Торгут явно воспыпал к киммерийцу ненавистью. Что для такого дикаря выволочка от командира в сравнении с радостью мести!

Теперь у Конана появилась цель. Он искал камень, бугор, дерево – что угодно – в качестве точки опоры. Если уж суждено ему умереть, он хотел доставить себе последнее удовольствие, прихватив с собой Торгута. И вот киммериец заметил то, что искал. Совсем рядом замаячило дерево – большая редкость в степи. Низкорослое, сучковатое, согнутое ветром, чуть побольше куста. Но Конан знал, что ствол его, иссущенный, устоявший на степных ветрах, необыкновенно крепок. И еще он почуял, что удача на его стороне, за день пути по степи попадается не более четырех-пяти чахлых деревьев.

Когда они приблизились, Конан увидел, что Торгут собирается обехать дерево справа. Киммериец свернулся влево, чтобы обогнуть дерево с другой стороны, – тогда аркан зацепится за ствол, и... Бория, скакавший следом, крикнул: "Торгут! " – но было уже поздно. Конан обежал дерево кругом, веревка обмоталась вокруг ствола.

Торгут только успел, что оглянулся. Аркан, обмотанный вокруг запястья, круто дернулся, и кочевник на полном ходу вылетел из седла. Он со смачным хрустом шлепнулся на землю, воздух со свистом вылетел из глотки. Усмехаясь, Конан обогнул дерево и направился к степняку. Остальные гирканийцы сдержали коней и развернулись, но им было не нагнать Конана. Киммериец молниеносно, как рассерженный барс, подскочил к Торгуту и обеими ногами ударил степняка в грудь. Тот замычал от страшной боли. Конан упал на колени. Торгут сдавленно хрюкнул. Ребра у него жалобно всхлипнули.

Конан вскочил на ноги и собирался прыгнуть Торгуту на лицо, когда сзади подъехал Бория. В руке у командира был ненатянутый лук. Тяжелым, гибким оружием из дерева и рога он с размаху, изо всей своей недюжинной силы, ударил Конана по макушке. Это было все равно что шарахнуть увесистым молотком. Кровавая вспышка мелькнула перед взором киммерийца, и поверженный варвар повалился поперек бесчувственного врага.

ГЛАВА 2

Двое всадников остановились на вершине земляного вала. Отсюда открывался вид на небольшую плодородную равнину, где, словно драгоценность на подушке из зеленого шелка, лежала великолепная Согария. Вокруг расстилалась высохшая степь, но здесь вода творила свое великое чудо: маленькая долина цвела. Множество караванов сходились сюда: ведь эти места издавна славились шелком, который в Согарии был так же дешев, как в Вендии хлопок или в западных королевствах – лен.

– Скоро ударят в гонг, моя госпожа, – проговорил человек, в котором по плоскому лицу и узким глазам можно было узнать гирканийца из восточных племен, известных своими ужасными набегами на Кхитай. – Они закроют ворота на ночь. – Он сплюнул на землю. – Они всегда так поступают, эти горожане. Мало что со страху обнесли себя стенами, так еще и запираются на все засовы, что даже свежий воздух не проходит. Тебе не попасть туда до утра.

– Я знаю, как выглядят города, Баязет, – нетерпеливо заметила женщина, – и найду куда войти. Не будем терять времени.

Они направили коней вниз, с насыпи. Не было нужды понукать усталых животных. Наоборот, их приходилось удерживать от неосторожных шагов на крутой тропе: скакунам не терпелось спуститься туда, где они уже учゅяли воду.

Мужчина был облачен в обычную одежду степного кочевника, хотя сейчас, из-за летней жары, он снял с себя все, кроме широких штанов и высоких мягких сапог. За поясом у него торчал кинжал. Пика, лук и меч – приторочены к седлу. Для гирканийского воина все равно, сам он несет оружие или его конь.

Женщина с головы до лодыжек укутана в сплошное черное покрывало, в котором была лишь пара отверстий для рук и узкая прорезь для глаз. Но и эту небольшую прорезь прикрывала тонкая сетка, так что лица вообще не разглядеть. Башмаки и перчатки скрывали то, что не было упрятано под покрывалом.

Приближаясь к городу, всадники проехали мимо загонов, где содержались верблюды, лошади и быки прибывающих караванов. Ближе к воротам раскинулись лагеря самих караванщиков, которые либо прибыли уже после закрытия городских ворот, либо просто предпочли переночевать за стенами города. Вокруг дымных костров звучали языки разных народов: караванщики в вечерней прохладе беседовали и рассказывали истории, то и дело обмахиваясь веточками от ночных насекомых. Женщина спешилась и протянула поводья Баязету.

– Я вернусь за час до рассвета. Возьми коней и отведи их попить воды и пощипать травки. И смотри не налакайся – слабость степняков к горячительным напиткам вошла в легенду.

– Как прикажешь, госпожа.

Баязет увел лошадей, а женщина побрела вдоль костров. Караванщики не обращали на нее ни малейшего внимания, словно она была невидимой. Женщина под покрывалом – просто собственность какого-то мужчины, ничего более.

Между кострами расхаживали и другие женщины, а также мальчики, да и взрослые мужчины, явно пришедшие не с караванами. Женщины по большей части были без покрывал и промышляли торговлей. Торговали всем на свете: едой, вином, безделушками, а иногда и собой. Были здесь гадалки, писцы, музыканты, скоморохи, и все они наперебой предлагали

утомленным караванщикам товары и развлечения, а также некоторые услуги, запрещенные в стенах города.

Женщина двинулась к истоку этой красочной реки, а именно к небольшой, размером с обычную дверь, калитке, прорезанной в огромных деревянных городских воротах. Под маленьким фонарем сидел, опираясь на копье, одинокий страж. Он пропускал в город всякого, кто показывал ему свинцовую печать с особой отметкой. Женщина под покрывалом подошла к воину, как только поблизости не оказалось свидетелей.

Страж обратился к ней, не скрывая любопытства:

- Могу ли я помочь тебе, госпожа?
- Мне нужно войти в город, – ответила она.
- У тебя есть пропуск?

В руке у женщины появился пропуск, открывающий любые врата: в свете фонаря блеснуло золото. Стражник быстро осмотрелся по сторонам, удостоверившись, что рядом никого нет. Золотой исчез у воина в кошельке. Резкий кивок головы указал на город. Женщина шагнула в ворота и растворилась в темноте.

Хондемир стоял на своем высоком балконе, изучая звезды. На мраморных перилах было установлено замысловатое устройство из хрусталя и бронзы.

Маг пристально смотрел в длинную, обращенную к небу трубу, настраивая прибор тонкими, гибкими пальцами. Наконец он выпрямился и перешел к столу, где окунул перо в чернильницу и отметил на тонком пергаменте точный день и час, когда кровавая планета войдет в Дом Змея.

Тут его внимание привлек какой-то звук, донесшийся снаружи, и чародей выглянул на улицу, перегнувшись через перила. Здесь, в самой богатой части города, где жил Хондемир, редко разгуливали по ночам. В свете фонарей, которые свисали с шестов через каждые несколько шагов, он увидел фигуру, закутанную в плащ и приближающуюся к воротам его дома. Хондемир узнал ночного путника по уверенной легкой поступи. Чародей дернулся за шнурок звонка, и сразу же появился слуга.

– Там, за воротами, госпожа. Впусти ее и сразу же проводи сюда. Потом принеси вино и что-нибудь закусить.

Слуга отвесил глубокий поклон и удалился. Спустя несколько минут в дверь постучали.
– Входи!

Слуга с поклоном впустил женщину и ушел. Как только дверь закрылась, женщина дернула за кайму своего покрывала и скинула его, распустив по обнаженным плечам гравюру густых черных волос.

- Я думала, задохнусь в этой штуке, – сказала она. – Приветствую тебя, Хондемир.
- Приветствую тебя, Лакшми, – ответил маг.

Женщина чертами лица была похожа на северную вендийку из высших каст. Ее фигура, несмотря на малый рост, таила в себе ту сладострастную грацию, которой пронизаны храмовые скульптуры загадочной Венции. Когда покрывало скользнуло на пол, стало видно, что на Лакшми ничего нет, кроме узкой шелковой набедренной повязки и сапог до колен. Красота молодой женщины была ослепительна, но особенно поражала совершенная, с оттенком слоновой кости белизна кожи, постоянно и тщательно защищаемой от солнца и ветра и смягчаемой душистыми маслами.

– У меня мало времени, – проговорила Лакшми, стягивая перчатки. Великая орда Бартатуи выходит в ближайшее время, до новолуния.

— Я это уже знаю, — важно заметил Хондемир. — Все предсказали звезды. А также духи, с которыми я беседую.

Прекрасные глаза вендики взглянули на мага с нескрываемым цинизмом.

— Вы, волшебники, всегда пытаетесь представить все так, как будто вам открыто далекое будущее. Но я бы побилась об заклад, что от твоих шпионов из плоти и крови больше толку, чем от духов. А иначе зачем тебе я?

Уголки тонких губ Хондемира дрогнули в еле заметной улыбке.

— Видишь ли, мои посланцы приносят некоторую пользу, подтверждая то, что мне уже известно. А тебе ведь можно найти и другое применение... — Он сделал шаг вперед и обнял ее.

Лакши положила руку чародею на грудь и насмешливо взглянула на него:

— А разве твои мудрейшие наставники не учили тебя, что если ты будешь потакать похоти, то сильно истощишь волшебные силы?

— Говорили, — ответил он, — это один из немногих предметов, в которых они плохо разбираются. — Тут колдун отпустил женщину: скрип осторожно открываемой двери оповестил о появлении слуги. Лакши спряталась за дверную створку; слуга поставил на низкий столик поднос с корзиной и вышел.

Вендика взяла кубок, протянутый Хондемиром, и медленно обошла комнату, любуясь обстановкой. Она не стеснялась своей наготы — совсем как младенец.

— Хорошо снова оказаться в приличном месте, — промурлыкала ока. — У гирканийцев совсем нет вкуса к роскошной жизни. Все, что им нужно, — хорошие кони и вино в непомерных количествах. — Лакши потрогала шкатулку из душистого сандалового дерева, выложенную изнутри мамонтовой костью.

— Некоторые из них, — заметил Хондемир, — знают толк в прекрасных женщинах.

Она пожала гладкими плечами, и ее алебастровые груди соблазнительно качнулись.

— Женщины для них только боевые трофеи. Бартатуя ценит меня лишь потому, что силой отобрал у Кухлага, своего злейшего врага. Когда его люди смотрят на меня, они вспоминают, что великий Бартатуя собственными руками убил Кухлага и захватил его жену. — Она собрала в горсть вышитую занавеску и поднесла ее к лицу, вдыхая аромат пропитавших ее благовоний. Потом она принялась наматывать на себя ткань. — Ты не представляешь, что это значит — жить среди убогих шатров и обходиться без самых простых радостей жизни. — Она уронила портфель и, подойдя к подносу, выбрала жареное мясо на вертеле, щедро приправленное пряностями и обернутое виноградными листьями.

Лакши читала по глазам и дыханию Хондемира точнее, чем маг — по звездам.

— Первой жертвой Бартатуи должна стать Согария, из-за ее важного стратегического положения между Востоком и Западом. Вокруг нет других городов, чтобы прийти на помощь, а сама Согария давно изнежилась и разжирела. Целое поколение не ведало войн.

— Но у города крепкие стены. И амбары полны зерна. Даже если дикарь объединит племена, как смогут люди, которые только и умеют, что стрелять из лука на полном скаку, победить такой город?

— Да, он дикарь, — ответила Лакши, бросив пустой вертел и взяв засахаренный финик, — но отнюдь не дурак. У него есть на сей счет кое- какие планы. Победа над Согарией послужит для войска степняков хорошей школой. Сам же Бартатуя собирается стать покорителем стран и народов.

— Турана, например? — спросил Хондемир.

— Сначала он хочет покорить Кхитай, потом — повернуть на запад. Подведенные угольком глаза женщины внимательно следили за выражением лица чародея.

— Орда двинется на Туран, — прошептал Хондемир. — Не сойти мне с этого места!

Лакшми подошла к нему и острым ноготком провела по вышитому на мантии колдуна золотому дракону.

— Пока это не входит в планы Бартатуи, — лукаво проговорила вендийка.

— А об этом позаботимся мы с тобой. — Хондемир вновь попытался обнять красотку. На этот раз она с силой оттолкнула его.

— Не так быстро, колдун. Бартатуя прикончил моего прежнего хозяина, чтобы завладеть мной. Ты должен сделать то же самое. Я буду принадлежать победителю, не меньше. Если хочешь, чтобы я была твоей, убей Бартатую и подчини себе его войско.

Хондемир глубоко, прерывисто вздохнул:

— Ты высоко себя ценишь, женщина. Радуйся, что ты нужна мне для воплощения моих планов! — У чародея закружилась голова от гнева и вожделения одновременно.

— Мне надо идти, — бросила Лакшми, подбиравая покрывало и перчатки, Бартатуя верит, что я каждые шесть лун на десять дней ухожу из лагеря, чтобы совершить кое-какие религиозные обряды. Я должна вернуться в его шатер не позже, чем через пять дней. А не то мне придется отвечать на некоторые неприятные вопросы... Теперь быстро объясни мне, что я должна для тебя сделать.

Когда роскошное тело молодой прелестницы скрылось под покрывалом, чародей почувствовал, что снова может собрать разбежавшиеся мысли.

— Чтобы добиться настоящей победы, я прежде всего должен завладеть душой и помыслами Бартатуи. Для этого, как минимум, необходимы... гм... частицы, недавно взятые с его тела. Они укажут подвластным мне духам... дорогу.

— Какие такие частицы?

— Волосы, ногти, кусочки кожи и... — чародей замялся — ну, то, что легче всего собрать его наложнице.

— Ладно, ты это получишь, — ответила Лакшми так просто, будто маг просил принести овощей с рынка. — А теперь мне пора! Мы встретимся вновь уже на Курганах Спящих. Прощай. — Лакшми вышла, прошуршав по полу покрывалом.

Хондемир налил себе еще кубок вина. Он думал о том, как опасна была бы эта женщина, если бы он, одержав победу, действительно приблизил ее к себе. Но с подобным безумным шагом можно повременить. Скоро он ее получит. И что куда важнее, скоро он подчинит себе Бартатую и его орду и поведет степняков на Туран, против царя Ездигерда. Мысль о долгожданном отмщении оправдывала в глазах чародея все опасности: игра стоила свеч.

Возвращаясь к городским воротам по тихим ночным улочкам, Лакшми думала вовсе не о том, как совладать с похотливым колдуном. Она всегда удивлялась, насколько легко мужчины позволяют управлять и играть собой. Если женщина красива, умна и безжалостна, то она может подчинить своей воле самого могущественного мужчину в мире. Как просто убедить могучего воина, что, завоевав красотку, он становится героем вне сравнения! Даже дети и то умнее.

С того дня, как обнищавшие, голодные родичи продали ее бродячему торговцу, Лакшми постигла искусство превращения своей беспомощности в могущество. Когда из худенького ребенка Лакшми превратилась в прекрасную женщину, она осознала сущность своего превосходства над блудливыми мужиками.

Торговец баловал ее, доставал ей самые дорогие украшения и посыпал к опытным куртизанкам учиться искусству доставлять мужчинам блаженство. Ее, правда, куда больше занимали их рассказы о тех безрассудствах, на которые пускались сильные и могущественные мужи, теряя волю от одного присутствия умелых обольстительниц.

Торговец мечтал, что Лакшми принесет ему счастье. Когда-нибудь он привезет ее в один из великих городов и продаст богатому господину, а может, и самому царю. Когда торговец решил, что время настало и Лакшми достигла расцвета своей красоты и привлекательности, он посадил ее в закрытый паланкин, водрузил его на спину верблюда и снарядил караван в летний дворец царя в прекрасной северной долине Кангра.

Совсем еще юная Лакшми быстро заскучала в душном ящике, качающемся в такт мерной походке верблюда. Однажды днем, услышав тревожный шум снаружи, красавица отодвинула занавеску – поглядеть, что случилось. Она оказалась лицом к лицу с начальником стражи каравана – свирепым гирканийским воином. Его узкие глаза округлились при виде молодой богини.

В тот же вечер она услышала голоса спорящих мужчин. Один из них принадлежал торговцу. Он то и дело переходил на отчаянный крик, который внезапно оборвался хриплым стоном. Лакшми испугалась, когда занавеска резко отдернулась и из-за нее показался гирканиец. Он был на коне. Сильные руки кочевника вытащили девушку из паланкина и перебросили через седло. Когда степняк поскакал прочь, Лакшми успела увидеть торговца. Он лежал в луже крови, слепо уставясь в небо.

О смерти глупого торговца она не горевала. Для него девушка была лишь чем-то вроде домашнего животного, породистой лошади. Однако красавица получила ценный урок: мужчины убивают друг друга, чтобы обладать ею. Грубая сила гирканийского воина ее не привлекала. Ей нужен был человек, командующий тысячами таких воинов.

Месяца не прошло, как предводитель отряда из двадцати кочевников убил ее похитителя и взял Лакшми себе. Она быстро выучила язык степняков и вскоре убедила этого мелкого вождя – как убеждала и всех последующих своих хозяев, – как важно беречь ее красоту от разрушительного действия степного ветра. Жены и старшие наложницы вдруг обнаруживали, что их выселили из лучших шатров. У Лакшми появились враги, но недолог был их век. Среди искусств, которым обучили Лакшми старые куртизанки, было приготовление настоев, вызывающих страсть, дрему... или смерть. Когда лагерь степняков навещали жрецы или философы, Лакшми беседовала с ними сквозь тонкий занавес. Так узнавала она о владетельных особых, о войнах и браках, изменяющих границы и заново перераспределяющих могущество стран и народов. Но когда проповедники или философы говорили о таких вещах, как сострадание, милосердие или совесть, тщеславная красотка пропускала эти пустопорожние бредни мимо ушей.

Всякий раз, когда вождь более высокого ранга посещал ее очередного хозяина, Лакшми находила повод показаться гостю на глаза. Ни один гирканиец не отдаст своей женщины другому, кем бы тот ни был. Так что бой был неизбежен. И Лакшми уходила к новому господину, потихоньку уже присматривая следующего.

Конец третьего года странствий по степи Лакшми встретила в шатре Кухлага, безмозглого и жестокого степняка, предводителя таких же кровожадных дикарей. И вот однажды Кухлага навестил Бартатуя.

Бартатуя был вождем небольшого племени ашкузов. Лакшми знала его историю, знала, как еще мальчишкой он возглавил свое племя после смерти отца и собрал все разбросанные

семьи ашкузов в единое войско. Силой и послами он убедил более мелкие племена присоединиться к своей орде. Стоило Лакшми лишь раз увидеть молодого, крепко сбитого вождя ашкузов, как она поняла, что перед ней человек могущественный и удачливый.

Чтобы завоевать Бартатую, красотка превзошла саму себя в хитрости и бесстыдстве. Весь вечер Лакшми слушала, как Бартатая пытался убедить Кухлага вступить с ним в союз и создать великую орду, пред которой никто не устоит. Кухлаг лишь высокомерно рассмеялся и назвал молодого вождя выскочкой. Он снизошел бы до того, чтобы принять на себя роль верховного правителя, а Бартатая мог бы стать младшим вождем – после того как Кухлаг выделит лучшие места своим сыновьям и племянникам. В гневе Бартатая выскочил из шатра.

Лакшми выяснила, куда Бартатая поведет коней на водопой, и пробралась туда чуть загодя. Гирканийцы моются лишь в парных банях, их поверья запрещают осквернять реки и ручьи. Но на вендицев этот запрет не распространяется. Так что когда Бартатая подошел к реке, он был как громом поражен, увидев Лакшми по колено в воде, прикрытую только ниспадающими черными волосами. Притворившись удивленной и смущенной, плутовка постаралась выдать ему свое имя и имя человека, которому принадлежит.

В эту ночь спор между Кухлагом и Бартатуей перешел в драку. Желая показать свое дружелюбие, Бартатая пришел безоружным. Не переставая кричать на него, Кухлаг схватил меч и выгнал молодого вождя из шатра; Бартатая бросился к своему гнедому. Людей Бартатуи было гораздо меньше, чем воинов Кухлага, но ни один гирканиец не вмешается в смертельный поединок между вождями. Разрешив Кухлагу посопротивляться ровно столько, чтобы все убедились, что старый вождь не был немощным и слабым, Бартатая вырвал у него меч и голыми руками сломал старику шею.

Все видели, что бой вышел честным, и совет младших вождей племени Кухлага согласился перейти под начало Бартатуи. Ближайшие родственники убитого вождя разбежались, радуясь, что остались живы. И главное, Лакшми обрела мужчину, о котором мечтала. Он был жесток и безгранично щеславен. Но при этом достаточно умен, чтобы выслушивать добрые советы, пусть даже от своей наложницы. За год она стала руководить им почти во всех делах, знала все его далеко идущие планы. И главное – Лакшми солгала Хондемиру о тех чувствах, что питал к ней Бартатая. Вождь ашкузов без памяти любил очаровательную вендижку.

ГЛАВА 3

Небольшой отряд под началом Бории подъехал к огромному лагерю кочевников на пятый день после стычки с киммерийцем. Конан был крепко привязан к седлу, но по крайней мере теперь ехал на коне, а не бежал с арканом на шее. Могучие руки великанаварвара были намертво прикрученены к туловищу, а лодыжки плотно стянуты под конским брюхом. Озверевший от крепкой киммерийской трепки, Торгут всю дорогу требовал, чтобы Конану перерезали глотку и выпустили кишki, но Бория наотрез отказался убивать ценного раба. Может, Торгут и смог бы каким-нибудь образом привести свои угрозы в исполнение, но богатырь варвар так основательно помял степняка, что тому оставалось лишь бросать на киммерийца злобные взгляды. Да морщиться от боли в сломанных ребрах, с трудом удерживаясь в седле и баюкая на перевязи поврежденную руку.

— В нашем лагере вольготная жизнь у тебя кончится, горная обезьяна, шипел от бессильной ненависти Торгут, содрогаясь всем телом: даже говорить степняку было трудно.

Конан, пропустив мимо ушей злобствования кочевника, тем временем оглядывал опытным взором лагерь. Воинский бивак гирканийцев протянулся вдоль небольшой речки на много лиг и разделен был на два примерно равных крыла: верхнее и нижнее. В верхнем крыле пестрели горбатые шатры гирканийцев. Ниже располагались огромные загоны для лошадей другого домашнего скота. Конан заметил, что овец и коров в загонах немного, всего лишь столько, чтоб хватило на прокорм войска. Остальные стада скорей всего гуляли по летним пастбищам, где за ними приглядывали женщины и мальчишки. А здесь, у реки, расположились основные боевые силы гирканийцев.

Отряд миновал большую группу степняков, упражнявшихся в стрельбе из лука по неправдоподобно далеким мишеням. Некоторые воины были пешими, но большинство сидело верхом. Наиболее умелые метали стрелы на полном скаку, а некоторые даже вполоборота. Конан, увидя искусных лучников, ругал самого себя самыми грязными словами, припомнив, как бахвалился давеча у костра, обещая за месяц выучиться орудовать луком не хуже воинов-кочевников.

Киммериец весьма приблизительно был осведомлен о нравах и обычаях гирканийских племен, но люди, собравшиеся сейчас в лагере, мало походили друг на друга. Кочевники, одетые кто по-китайски, кто на турецкий или иранистанский манер, очевидно, обитали близ границ тех стран, у которых переняли манеру одеваться. Сами степняки особым процветанием ремесел похвастаться не могли. Умели разве что делать грубые стеганые одежды из кожи, меха и войлока, чтобы спасаться от зимних холодов. Роскошные же ткани, предметы из металла, даже луки и седла — все это сработано мастерами из пограничных со степью городов и селений.

Выходцы из западных земель отличались в основном светлыми шевелюрами, голубыми глазами и затейливой, густой татуировкой по всему телу. Кочевники с Востока — коренастые, с плоскими лицами, раскосыми глазами и жиidenькими бородками. Гирканийцы ценили силу, но, в отличие от других народов, высокий рост у них не был в чести. Степняки считали, что всадник в любом случае великан по сравнению с пешим, как бы высок тот ни был.

Бория приостановил коня и что-то спросил у проходящих мимо воинов. Те указали кудато вверх по течению реки. Бория дал команду двигаться дальше, и вскоре отряд подъехал к огороженный яме, вырытой в самом центре гирканийского бивака. Яма была футов двадцати

в глубину, с ровными стенами и узким скатом для спуска. Вокруг ямы медленно разъезжали всадники с натянутыми луками, лениво переговариваясь. На дне ямы было полно народу, Бория подтолкнул Конан к стражнику со щамом, стоявшему рядом с писцом-кхитайцем. Писец сидел за складным столиком, заваленным перьями, кубиками сухих чернил и свитками бумаги.

— Будь осторожен с этим парнем, — предупредил Бория, — для деревенщины он очень крутой.

Воин посмотрел на Конана с подозрением:

— Здесь и не с таких крутизну сбивали. А этот, видать, строптив, — он оценивающе оглядел стягивающие Конана веревки, — вы его так скрутили, что хватило бы и на троих.

Бория с помощью своих воинов осторожно освободил Конана от пут. Веревки глубоко впились в тело. Киммериец, с трудом подавив стон, вытянул онемевшие руки, чтобы восстановить кровообращение. Потом заглянул в яму, посмотрел на копошащихся внизу людей и повернулся к стражнику:

— Не теряйте напрасно время, этот свинарник не для меня. Ведите лучше прямо к Бартатеу.

Стражник в изумлении вытаращился на киммерийца, затем обернулся к Бории:

— Надо было предупреждать, что он не только бешеный, но и чокнутый.

— Ты надсмотрщик, — ответил Бория, ухмыляясь, — делай с ним что хочешь. Только не советую поворачиваться к парню спиной. — Тут все воины Бории (кроме Торгута, разумеется) засмеялись, развернули коней и поспешили на поиски соплеменников.

Надсмотрщик нахмурился и покачал головой.

— Все они там, на Западе, чокнутые. — Он покосился на Конана: — Скажи писцу, кто ты и откуда, раб.

— Я Конан из Киммерии.

Бритоголовый кхитаец взял перо, послюнил его и потер о кубик сухих чернил.

— Для меня твое имя — пустой звук. И о стране такой я ни разу не слыхал. — Кхитаец двумя быстрыми росчерками записал какие-то непонятные слова.

— Что это означает? — спросил Конан.

— На моем языке это значит: высокий черноволосый инородец. Зачем рабам, жизнь которых так коротка, вообще нужны имена?

— А ну-ка в яму, раб! — рявкнул стражник, ударив Конана по руке витым хлыстом. Киммериец обернулся и посмотрел на степняка так, что воин попятился назад, а рука его потянулась к рукояти меча.

"Прикончить кочевника, что ли? — пронеслось в голове у киммерийца. Лошадей здесь полно. Выхватить у надсмотрщика меч и прирезать гада его же собственным оружием! Плевое дело..."

Если бы Конан находился сейчас в плена где-нибудь в другом месте великой Хайбории — он так бы и поступил. Но сейчас это не имело смысла. Степняки нашпигают его стрелами прежде, чем он покинет пределы лагеря. "Я стану похож на дохлого дикобраза, а лошадь меткие кочевники оставят невредимой", — подумал Конан, развернулся и нехотя побрел к спуску в яму.

Киммерийцу уже случалось бывать в загонах для пленных, и он по горькому опыту знал, что ждет его там, на дне. Когда рослый варвар спустился вниз, всего несколько лиц обернулось навстречу новоприбывшему невольнику. На физиономиях пленников застыло

выражение беспредельной подавленности и тупой покорности коварной судьбе. Происходящее вокруг, казалось, никак не заботило этих людей. Большинство безмолвно сидело или лежало, уставившись в землю. Будь это беспомощные женщины или дети, гордый киммериец, может, и пожалел бы их. Но в невольничью дыру угодили здоровые, сильные мужики! И никто из них не то что не пытался вырваться, но даже не возмущался своей незавидной долей. Таких, с позволения сказать, "смельчаков" Конан вообще не считал за людей.

Хотя, кто знает, здесь могут оказаться парни и покрепче духом. Наверняка в каком-нибудь углу собрались ребята, в ком еще не окончательно угасла жажда вольной жизни... Конан принял внимательно осматривать огромную яму, пока не разглядел небольшую группу мужиков, о чем-то оживленно, размахивая руками, беседующих. Если люди спорят, значит, они еще живы. В тени одной из высоких земляных стен сгрудилось около сотни крепко сбитых мужчин. Когда киммериец подобрался к ним поближе, они повернули головы, чтобы рассмотреть новичка. Конан увидел, что пленники принадлежат к самым разным племенам и народам. В некоторых физиономиях угадывались знакомые Конану черты, другие выглядели чуждыми и дикими.

— Я — Конан, киммериец по рождению и воин по духу. Кто из вас знает, зачем гирканийским псам понадобилось столько пленных?

Вперед выступил огромный дородный детина. На его бандитской роже явственно были написаны презрение и вызов. Особой сообразительности тут не потребовалось, ясно и так — у громилы чешутся кулаки. Когда на людей надевают рабское ярмо и долго втаптывают в грязь, они волей-неволей сбиваются в стаи, как гиены. И, точь-в-точь как в стае гиен, незваный пришелец должен прежде всего разобраться, кто тут вожак.

— Чего это ты наезжаешь с идиотскими вопросами, чужестранец? — прорычал хмурый здоровяк Конану. Громила был одет в бурье домотканые лохмотья, и Конан признал в нем селянина из Иранистана. Наверняка бывший раб. Сбежал от хозяина в горы Я приился к какой-нибудь шайке разбойников.

Киммериец упер огромные кулаки в бока, откинулся назад и впервые за много дней от всей души расхохотался.

— Чужестранец? Да я не вижу здесь и дюжины людей одного племени. Кто здесь не чужестранец?

Как и другие наглые мордовороты, привыкшие измыватьсь над слабыми, иранистанец не мог снести откровенной насмешки. С нечленораздельным воем он протянул к киммерийцу свои волосатые ручищи.

Конан хладнокровно шагнул навстречу и резко ткнул противника левым кулаком в живот, а правым молниеносным ударом залепил в челюсть. Громила рухнул на землю, как вол на бойне.

Конан спокойно перешагнул через неподвижное тело и как ни в чем не бывало произнес:

— Теперь, ребята, расскажите мне, зачем этим гирканийским жеребцам понадобилось столько рабов?

— Точно не известно, — подал голос вендиец, у которого уши еще кровоточили в тех местах, откуда жадные степняки с мясом вырвали золотые серьги, — но говорят, эти собаки задумали осаждать город, а мы должны будем копать землю и таскать лестницы.

— Ну тогда понятно! — кивнул Конан. — А иначе на что им столько крепких мужчин?

Теперь киммерийцу стало понятно стремление кочевников нахватать как можно больше невольников. Степнякам было не свойственно содержать большое количество рабов, но раз они вознамерились воевать, да еще вести осады, тогда другое дело. Конан уже успел повидать за свою достаточно короткую жизнь немало великих штурмов и осад и поэтому прекрасно представлял, какие требуются усилия для этой нелегкой воинской работы. Надо рыть землю, вести подкопы, тесать дерево и камень, ворочать тяжести. Такие занятия не для благородных всадников-стрелков, до этого они никогда не снизойдут. И потом, любой затяжной штурм уносит сотни жизней, Только в некоторых, самых цивилизованных армиях осадные работы поручают специально обученным воинам, защищенным особым снаряжением, щитами и доспехами. В основном же полководцы гонят на неприступные стены толпы рабов или селян. Пусть уж гибнут низкорожденные, никчемные людшки, трудясь над осадными башнями или таская длинные лестницы.

— Да, на такой работе виды на будущее невеселые, — проговорил Конан, хорошо, если выживет сютая часть. А поскольку мы гирканийцам больше ни для чего не нужны, оставшихся перебьют, чтобы не кормить зря.

Утвердительное мычание большинства собравшихся доказало Конану, что не ему первому открылась безрадостная перспектива предстоящей бойни.

— Твоя правда, — буркнул мужик с лихим козачьим чубом. — Гирканийцам не нужны нерабы. Они берут в плен разве что несмышленых детишек, чтоб воспитать их, перекроив на свой лад. Иногда степняки берут хорошеных девок — в наложницы. Но взрослых мужчин, особенно воинов, они попросту убивают. Кочевникам без надобности покоренные народы, им нужны только новые пастища для стад.

Конан поскреб щетину на подбородке: киммерийцу уже несколько дней не доводилось бриться.

— Этот Бартатуя действует наперекор обычаям степняков. Он собирается захватить город, и, наверное, большой, поскольку согнал столько рабов для осады. Если бы ему нужна была только дань, он просто обхеял бы разок вокруг городских стен и изложил свои требования. Но он готовится воевать всерьез. Думаю, двинется в поход не позже чем через месяц.

— С чего это ты взял? — удивился вендиец.

— Пока меня вели сюда, я ушами-то не хлопал, а хорошенько осмотрел лагерь. Собралась огромная орда, по крайней мере по пять лошадей на каждого воина, А у знати — побьюсь об заклад — скакунов по двадцать у каждого. Травы не так много, лето было засушливое. Кочевники должны вот-вот выступить, а не то среди коней начнется падеж.

— А ты не врешь, что ты воин? — спросил козак. Он поднялся с того места, где сидел на корточках, что-то рисуя на земле. — Я — Рустуф, из днерских Козаков. — Он протянул шершавую грязную ладонь, и Конан пожал ее. Козак усмехнулся, показав дыру от выбитого зуба — в дюйм шириной. На козаке красовался широкий, отделанный металлом кожаный пояс и лохмотья, оставшиеся от мешковатых шаровар. Обувка отсутствовала, козак расхаживал босиком.

— Я хорошо знаком с запорожцами. Случилось даже быть у них гетманом.

— Запорожцы — трусливые собаки, — усмехнулся Рустуф, — но все же самый захудалый козак лучше, чем все хайборийские племена, вместе взятые.

Конан знал, что козаки — это не клан и не племя в истинном смысле. Скорее многоязычный сброд, состоящий из конных отрядов беглых каторжников, воров и прочих отбросов общества, объединенных храбростью, любовью к странствиям и свирепым,

независимым нравом. Козачьи ватаги различались по названиям рек и прибрежных островов моря Вилайет, где разбивали на зиму лагерь. Занимались козаки в основном лихими разбойничими набегами, а порой и служили в регулярных конных войсках под флагами различных королевств и княжеств.

— Скажи-ка, козак, — поспешил сменить тему Конан, — прикидывал ли кто из вас хотя бы примерный план побега?

Рустуф скривился, как от зубной боли:

— Интересно, куда ж нам бежать? Гирканийцы соорудили этот свинарник лишь для пущей остроты! Ну выберемся мы, к примеру, отсюда — и окажемся в голой степи, где нас в два счета накроют. Даже если б нам и удалось захватить лошадей и оружие — посмотри на этот сброд! — Он широким жестом обвел толпу безразличных ко всему невольников. — Тупые скоты, да и только! Будь на их месте настоящие мужчины, еще оставалась бы какая-то надежда. Из пяти сотен кому-нибудь и повезло бы... А эти шакалы... Большинство из них и в седле-то сидеть как следует не умеет. Куда с ними в побег рваться!

— Так я и думал, — разочарованно вздохнул Конан, — Но выход все равно должен быть... В одиночку, ночью...

В это мгновение раздался барабанный бой, и рабы лениво поднялись на ноги. У края ямы появились степняки с большими кожаными мешками; мешки перевалили через край — в яму. Пленники, внезапно оживившись, резво столпились вокруг отвратительных куч объедков. И сразу же пошла отчаянная дележка и грязная ругань из-за лучших кусков.

Конан и Рустуф подошли к ближайшей куче и оттолкнули сцепившихся в драке пленников. Конан поднял огрызок плоской круглой лепешки из грубой муки пополам с мякиной — пища для самого занюханного раба. Конан с трудом заставил себя проглотить кусок.

— А вода здесь есть? — осведомился он.

— Перед заходом солнца нас поведут к реке небольшими группами, под охраной, — откликнулся Рустуф. — Там можно будет лечь на брюхо и лакать прямо из реки, как корова.

— Тогда вся надежда лишь на то, что поход не за горами, — заметил Конан, — иначе мы здесь все пердохнем на таких харчах.

Козак отвел киммерийца в относительно свободный угол загона, и они вдвоем уселись на землю — доедать всухомятку отвратительные черствые лепешки.

— Есть один способ уйти отсюда... — после долгого молчания проговорил Рустуф.

— Ну-ка продолжай! — вскинулся киммериец.

— Бартатую любит устраивать на своих пирах состязания. Он заставляет пленных воинов развлекать гостей.

Перед Конаном мгновенно забрезжила призрачная тень надежды.

— Борьба? Кулечный бой? Или с оружием?

— По-всякому, — ответил козак, — хозяин любит поглязеть на хорошую драку. И считает, что его командирам тоже полезно понаблюдать да поучиться.

— А боятся до смерти?

— Дерутся, пока один не победит. А жив или нет побежденный — это Бартатую не заботит. — Рустуф выковырял из своей лепешки небольшой камешек и отшвырнул его в сторону. — Я хотел было вызваться для таких боев. Случалось уже, что особо отличившихся в поединке Бартатую зачислял в свое воинство. Лучше уж быть солдатом, чем рабом. И сражаться под началом такого человека не стыдно. Завоеватель есть завоеватель, даже если

это и гирканийский пес.

— Ну так почему же ты на это не решился? — искренне удивился Конан.

— Есть одна загвоздка, — нехотя буркнул козак, — от этого даже такому воину, как я, становится не по себе.

— Что же именно?

— Я разговаривал с рабами, которым разрешено прислуживать на пирах. Бартатуя обычно устраивает потеху, когда к нему присоединяется какой-нибудь новый союзник. Часто, если кто-то заслуженно побеждает в таком поединке на радость зрителям, они желают продлить удовольствие и заставляют биться вновь...

— И выставляют против него нового противника, — закончил фразу Конан.

— Точно! Иногда смельчака ждет пять-шесть схваток подряд. Даже величайшего бойца может одолеть посредственный, но полный свежих сил воин.

— Это, между прочим, — заметил киммериец, — еще и способ убрать из толпы невольников возможных бунтарей.

Рустуф, усмехнувшись, кивнул:

— Вот и мне так кажется... Пока, во всяком случае, очень мало кто удостоился чести быть принятым в гирканийскую орду.

— Да, шансы не велики, — подытожил Конан, — но это все же лучше, чем постыдное ярмо. Кстати, как отбирают людей для поединков?

Козак рассмеялся:

— Да ты, я вижу, не трус! Подожди, вечером нас поведут на водопой — к тому времени мы все и выясним.

— А если нас поставят друг против друга? — неожиданно спросил Конан.

— Ну тогда посмотрим, кто из нас лучше бьется, — ответил Рустуф, хлопнув киммерийца по плечу.

Конан лежал на животе, впервые за этот трудный, бесконечно долгий день уголяя жажду. Невольников подвели к реке чуть ниже по течению от лагеря. Но принимать выгодное положение в расчет смысла не имело — все равно на много лиг вокруг другого источника живительной влаги не отыскать. Напившись досыта, киммериец присоединился к толпе рабов, подживающих, когда за ними явятся стражники. Конан расположился позади Рустуфа с таким видом, будто никогда в жизни даже словом не обмолвился с козаком.

— Марш в конуру, собаки! — рявкнул степняк-надсмотрщик, щелкнув бичом. — Живее шевелите лапами! Другие тоже хотят пить!

Рабы побрали обратно к яме. Конан и Рустуф остались стоять. Когда надсмотрщик грозно двинулся в их сторону, Рустуф неожиданно поскользнулся на ровном месте, споткнулся и сильно толкнул киммерийца. Тот рухнул прямо на подошедшего степняка. Гирканиец что-то невнятно прорычал и хлестнул Конана бичом:

— Смотри себе под ноги, падаль!

— Еще никто не посмел безнаказанно хлестать меня бичом, — грозно воскликнул киммериец. И прежде чем пораженный надсмотрщик пришел в себя от удивления и гнева, Конан прыгнул и схватил кочевника за горло. Вырвав у гирканийца бич, киммериец что есть силы вмазал тяжелой рукояткой степняку по башке. Бил Конан с дьявольским расчетом: стальные мышцы варвара могли развалить котелок кочевника, как гнилую тыкву, но сейчас Конан лишь оглушил гирканийца. Убить стражника — значит навлечь на себя праведную ярость остальных степняков.

Надсмотрщик, точно куль с мукой, повалился к ногам киммерийца. Тут на помощь поверженному товарищу поспешили еще несколько степняков, на ходу обнажая мечи.

Когда первый гирканиец, размахивая клинком, подлетел к месту стычки, Рустуф играючи выставил свою босую, заскорузлую от грязи лапу, и... стражник проехался носом по земле. Козак вырвал у поверженного врага оружие и легонько тюкнул гирканийца эфесом в затылок. Следующий кочевник, вне себя от ярости, попытался полоснуть Конана кривой саблей по шее. Киммериец мгновенно перехватил на подлете руку противника, неуловимым движением подцепил воина за пояс, вскинул над головой и мощным броском отшвырнул подальше. Потом спокойно поднял выбитую из рук кочевника саблю. Вот теперь можно встретить остальных гирканийцев доброй сталью!

Противник ждать себя долго не заставил – слева, с мечами наголо, спешили двое кочевников. Конан с радостным азартом прыгнул им навстречу. Степняки, конечно, бесподобные лучники, но рубиться в пешем бою они как следует не умели. Ловкий варвар уже успел это заметить. Он без труда парировал неуклюжие атаки степняков и уже уложил одного ударом плашмя в висок. Другой с бранью попытался подступить к киммерийцу вплотную и дотянувшись до глотки строптивого варвара. Но Конан метко пнул кочевника ногой в солнечное сплетение. Раскрыв рот, как рыба на воздухе, незадачливый воин согнулся пополам от боли. Киммериец в полсилы рубанул противника ребром ладони по шее.

Затем Конан обернулся и посмотрел, каковы успехи Рустуфа. Козак боролся еще с двоими стражниками. Киммериец бросился козаку на помощь, взяв на себя одного степняка. Но схватка продолжалась недолго: их окружил целый отряд всадников.

– Ваять! – крикнул командир отряда. Сражавшиеся подались назад и опустили оружие. Конан видел, что в него нацелена дюжина стрел, луки натянуты до предела.

– Бросай оружие! – приказал командир гирканийцев. Пленники угрюмо подчинились. Суровый кочевник подъехал поближе.

– Значит, любите подраться? Ну так мы подыщем для вас кое-что поинтереснее рабского загона. – Он обернулся к лучникам: – Отведите их к Большой Ограде.

Парочку распоясавшихся невольников погнали в центр бивака. Там находился большой участок, огороженный огромным занавесом, который защищал от резких, горячих степных ветров. Занавес в пятнадцать футов высотой был украшен замысловатым орнаментом. Над ним на шестах возвышались штандарты гирканийских вождей: рога, конские хвосты и черепа животных. Властный гирканиец толкнул пленников за ограду. Внутри огороженного пространства расположилось около двадцати больших шатров; у входа в каждый виднелся особый штандарт. Перед самым большим из шатров торчал особенно приметный, высокий шест. Его венчали рога яка, а вниз свешивалось девять конских хвостов. "Должно быть, это и есть шатер Бартатуи", – решил Конан.

Поодаль от шатров, возле самой ограды, степняки соорудили нечто вроде решетчатого загона. Внутри этой странной клетки в землю было вкопано множество крепких столбов, и на каждом висела шестифутовая цепь, заканчивающаяся ошейником, Конан насчитал двадцать пять человек, уже прикованных к столbam; оставалось еще несколько свободных ошейников.

– Хорошо, что вам так не терпится подраться, – заметил надсмотрщик. – У нашего вождя сегодня вечером большой пир, а гости уж сильно любят смотреть на поединки. Топайте сюда!

Выбора у пленников не было. Сзади застыли конные лучники, готовые пустить в дело свое смертоносное оружие. Только когда ошейники намертво сомкнулись на шеях Конана и

Рустуфа, стражи опустили луки и отправились по своим делам.

— Итак, пока нам везет, — отдохнувшись, проговорил Рустуф, — хотя цепь с ошейником не многим лучше, чем яма для рабов.

Конан подергал цепь — крепкая. Богатырь варвар подошел к столбу и навалился изо всех сил. Столб стоял крепко. Он был не только глубоко вкопан, но и закреплен у основания крестовиной. Даже у такого силача, как Конан, кишечка тонка вырвать столб из земли.

— Кстати, компания подобралась тоже подходящая, — кисло усмехнулся Рустуф.

Конан с интересом посмотрел на соседей. Это были сплошь дюжие мужики, все в шрамах, но, видать, бывшие разбойники и пираты. Из них так и перла наружу свирепая сила и тупая самоуверенность. И ничего больше!

Прикованный к ближайшему столбу детина явно принадлежал к какому-то неизвестному Конану племени. Может быть, он с Востока?

— Кто ты? — спросил Конан пленника на языке кочевников.

— Смерть твоя, вот кто, шакал!

Да, парень слов зря не тратил! Конан оставил попытки поговорить с тупоголовым, злобным невольником. Киммериец присел на землю и прислонился спиной к столбу. Надо использовать отпущенное время и как следует отдохнуть. Сегодня вечером предстоит тяжелая работа...

ГЛАВА 4

Хондемир всматривался в магическое зеркало, наблюдая там картины, растолковать которые по плечу лишь одному колдуна. Загадочные, нечеловеческие лица появлялись и говорили с чародеем, не издавая при этом ни звука. Наконец Хондемир взмахнул рукой, как бы отпуская диковинных собеседников. Зеркало прояснилось, и маг положил его на место, в сундук.

Из башни неподалеку послышался крик часового, возвещающий, что через час городские ворота закроются. Как раз в этот время колдуна предстояла одна важная встреча. Надо успеть подготовиться! Хондемир облачился в свою лучшую мантию, надел лучший воротник, расшитый золотом и драгоценными камнями. Потом расчесал свою раздвоенную бороду и водрузил на голову высокий шелковый тюрбан, усыпанный драгоценными камнями. Надо было отдать должное чародею он был высок и хорошо сложен. Черты лица явственно выдавали в нем чистокровного турецкого аристократа. Такой человек всегда займет подобающее место при любом дворе хайборийских царств.

Хондемир слегка потянулся за шнурок звонка. Тут же появился слуга.

— Пусть паланкин ждет меня у ворот через полчаса, — распорядился чародей. Слуга поклонился и выскользнул исполнять приказание. Хондемир не стал брать с собой никаких магических инструментов. Отцы города и так хорошо знают его могущество.

Пока паланкин несли по шумным улицам, маг любовался красотами большого торгового города. Согария и впрямь великолепна. Общественные здания сплошь из белого мрамора, а жилые дома — немногим хуже. Мало кто из горожан был по-настоящему беден: основу согарийского благоденствия составляла караванная торговля, а не урожай из поместий зажиточной знати.

С балконов и плоских крыш спускались ветви плюща: как и другие жители жарких южных стран, согарийцы высоко ценили зелень. Здесь было вдоволь цветов, а пестреющие на солнце богатые ткани только добавляли городу красок. Улицы Согарии вымощены тесанным камнем, на каждом шагу плещутся фонтаны.

Дворец князя Амира Джелайра стоял на вершине холма и был окружен садами. В тенистых, прохладных рощицах на все лады щебетали заморские птицы. Блеск их роскошного оперения затмевал даже красоту ярких, неувядающих цветов. Хондемиру нравилось все это великолепие. Но еще больше грела ему душу мысль, что скоро у него самого будут точно такие же сады и дворцы.

Носильщики опустили паланкин на гладкие камни широкого двора, где рассыпал сверкающие брызги большой фонтан; вода в источнике была подкрашена и сметана с благовониями. Офицер дворцовой стражи низко поклонился Хондемиру и провел колдуна в просторный княжеский зал.

У стен на подушках восседали знатнейшие люди Согарии. Высокие окна свободно пропускали свет и воздух, а пол был покрыт великолепным мозаичным изображением географической карты: торговые города обозначались драгоценными камнями, а названия окрестных земель выложены обсидиановыми буквами.

Хондемир занял свое место к хранил молчание, пока другие негромко совещались. Он знал, что среди этих людей есть и судьи, и чиновники, и военные. Некоторых из присутствующих он не узнал, — ничего странного, ведь он не так давно живет в городе и круг

его знакомых пока довольно узок.

Когда вошел Амир Джелайр, все собравшиеся земно поклонились. Князь дородный мужчина средних лет – явно был чем-то обеспокоен. Коротко ответив на приветствие, он присел на невысокую скамью.

– Я собрал вас здесь, – без предисловий начал князь, – поскольку беда, которую мы давно предвидели, может вскоре подкатиться к стенам города. Я желаю, чтобы все услышали речь великого мага Хондемира. Он явился к нам из Турана и желает помочь нам в этот тревожный час.

Джелайр подал знак, и Хондемир поднялся.

– Ваше высочество, досточтимые господа! Большинство из вас меня знает. Вы любезно оказали мне гостеприимство, когда я был изгнан из своего отечества узурпатором, царем Ездигердом. Я считаю Согарию своим городом, и нависшая над ним угроза беспокоит меня так же глубоко, как вас.

Искушенный в придворной жизни не меньше, чем в магии, Хондемир понимал, как важно подсластить слова медом лести.

– Когда ваш князь впервые заподозрил, что гирканийские дикари замыслили что-то против Согарии, он призвал меня сюда, чтобы я мог предоставить в ваше распоряжение магические силы. Я к вашим услугам, достопочтенные господа! Слушатели вежливо зааплодировали колдуна. – Мои источники из потустороннего мира подтвердили самые худшие опасения. Дикарь Бартатуя собрал такие полчища кочевников, каких еще свет не видывал. Не пройдет и тридцати дней, как орда подкатит к городу.

При этих словах присутствующие заволновались. Один из них, по одежде военачальник, поднялся и произнес:

– Может ли мы доверять вашим предсказаниям? Пока у нас нет никаких точных сведений, кроме рассказов бродячих торговцев. Они подтверждают только, что орда действительно собирается. А уж пойти кочевники могут и на Маликту, и на Бахрошу.

Многие присутствующие в княжеском зале согласились с доводами военачальника.

– Блистательный воитель, – с притворным смирением ответствовал Хондемир, – я должен искренне заверить, что мои источники несравненно надежнее каких-то бродячих оборванцев.

– А какая разница? – заявил вельможа с регалиями судейского чиновника. Тюбан вельможи украшала жемчужина величиной с детский кулак. – Если этот дикарь захватит один торговый город – рано или поздно он возьмет все. Первыми мы будем или последними, роли не играет! Степняки все равно доберутся до Согарии.

Туранец поклонился судье:

– Именно так, мудрейший. Когда гирканийцы седлают коней, лучше не ждать набега. Если уж они пустят коней галопом, то не остановятся. Они окажутся у городских стен прежде, чем вы получите первые вести с пограничных рубежей.

Амир Джелайр повернулся к придворному, очень похожему на него самого чертами лица, только помоложе:

– Брат мой, как комендант города, ты должен проследить, чтобы склады были полны зерна и чтоб в Согарию пригнали вдосталь скота.

Затем князь обратился к другому сановнику:

– А ты, главный оружейник, проследи, чтобы все оружие было в порядке и мы могли раздать его горожанам, если возникнет нужда.

Хондемир подавил мрачную усмешку, представив, как разжиревшие купцы и неповоротливые ремесленники сражаются против воинов Бартатуи.

— Все эти приготовления благородны и уместны, государь мой, — произнес колдун, — но в моем распоряжении имеется оружие, которое принесет вам гораздо большую пользу. Простите мне эти слова, — он поклонился в ту сторону, где сидели военные, — но ваши воины хоть и храбры, как львы, но провели всю свою жизнь охраняя город и гоняясь за разбойниками в долине. Со времени правления вашего отца Согария не ведала настоящих войн.

— Я твердо верю в твою великую силу, — сказал Амир Джелайр. — Поведай же нам о своих планах.

— На что нам колдовство? — вметался рослый военачальник в золотой кирасе. — Разве стены Согарии обветшали? Разве эта неумытая нелюдь и раньше сюда не являлась? Стрелами великую крепость не возьмешь! Мы будем потешаться над степняками, стоя на стенах, а они там внизу пусть брызнут от злобы слюной, пока не сдохнут. В конце концов они найдут какую-нибудь жертву послабее — пойдут грабить небольшие селения да беззащитные караваны.

— Вождь Бартатуя разбирается в военном деле гораздо лучше, чем его предшественники. — Заметил Хондемир. — Он собрал великое множество рабов для осадных работ. Ваши стены подкопают, валы возьмут приступом с помощью осадных башен. Даже если штурм не увенчается успехом, вашу землю разграбят, прилежащие села разорят. Вы лишитесь постоянного дохода, ибо караваны будут обходить Согарию стороной. Городу долгие годы не оправиться после столкновения с ордой.

— Мудрые речи, — согласился князь. — Что же ты предлагаешь?

— Я знаю способ повернуть орду в другую сторону. А затем, когда она окажется далеко от Согарии, л заманю ее в ловушку и вызову самого могущественного из демонов. И он сотрет степняков с лица земли.

— Ты и вправду можешь это сделать? — В голосе князя прозвучал легкий испуг и одновременно благоговение.

— Я не терял бы здесь времени, — откликнулся турец, — если б полностью не посвятил себя колдовским искусствам. Много часов провел я в городских архивах, роясь в древних рукописях, повествующих о степных племенах. В одной из них я нашел любопытную притчу.

В княжеском зале повисла напряженная тишина. Все внимали Хондемиру, затаив дыхание, как дети на ярмарочной площади слушают искусственного сказителя.

— Столетий пять назад, когда Согария входила в состав Ильбарской Твердыни, город также страдал от набегов кочевых племен. В это время Ильбарской Твердыней правил царь Карун, воинственный властелин. Он собрал огромное войско и пустился в погоню за кочевниками. Много дней он преследовал неуловимых всадников, но те ускользали от царя, лишь дразня властелина. Иногда всадники поворачивали назад, приближались на один полет стрелы, поднимали луки и осыпали преследователей градом смертоносных жал. А потом опять мчались вперед, далеко в степь. И царь Карун не мог их настигнуть.

Наконец Карун окончательно разгневался и отправил к гирканийцам посланца. Тот передал степнякам слова царя: "Почему вы, гирканийцы, убегаете от меня? Вернитесь и сразитесь с нами, мы вас не боимся. Дайте нам бой, дабы весь мир не потешался над вашей трусостью".

Предводитель кочевников ответил так: "Зачем нам сражаться сейчас для твоего

удовольствия? Это нужно тебе, царь, а не нам. Мы и так уже разграбили вашу страну, захватили ваши сокровища и ваших женщин. Если ты хочешь почувствовать всю силу гирканийской ярости, можешь найти могилы наших предков – они здесь, поблизости. Только тронь их, и мы сразу же примчимся и сразимся с тобой, вот увидишь".

Но, – продолжал Хондемир, – царю и его войску не хватало воды и съестных припасов. Вместо того чтобы искать затерянные в степи могильники, ильбарситы благоразумно повернули к дому.

Колдун как бы случайно прошелся по мозаичному полу, шагая прямо по торговым городам и продвигаясь в степь, к северу.

– Я считаю эту историю весьма важной вот почему. Из нее следует, что у этих неутомимых степных всадников есть одно место, которое они считают неприкосновенным. Это могильники. Для степняков они священны, и, чтобы защитить их, они бросят любое дело, прервут любой набег. Я специально вызвал бесплотных духов степей и повелел им найти гирканийские могильники. И сегодня они принесли мне весть о том, что поиски увенчались успехом. Духи нашли святилище степняков... здесь. – Колдун указал на пол рядом с туфлей. Этот участок мозаики был выложен ровным желтым топазом.

Амир Джелайр наклонился, чтобы рассмотреть получше.

– Голодная Степь! Да там наверняка ничего нет, кроме человеческих костей, побелевших от солнца.

– И все же... Именно там обрели вечный покой предки Бартатуи и его племени. Это место они зовут Курганами Спящих. Дайте мне кавалерийский полк и еще кое-что, и я заманю туда орду. А уж там мрачные чудовища, коих я призову на помощь из глубин Мироздания, разорвут жалких степняков в клочья. Даже само имя Бартатуи забудется навсегда!

– Кавалерийский полк, – задумчиво проговорил воин, который и прежде сомневался в предложениях колдуна. – Глупо отсыпало столько людей из города, когда мы так в них нуждаемся.

– Но если Хондемир прав, – возразил князь, – может, нам и не понадобится защищать город.

– Ты сказал, что это место свящеенно для Бартатуи, – подал голос брат князя, – но пойдут ли другие племена и кланы вслед за ним на защиту могильников?

– Не важно, – махнул рукой Хондемир. – Главное, что сам Бартатуя поспешит вместе со своими ашкузами. Без него остальное войско развалится на небольшие отряды и станет не так опасно. Племенные вожди не настолько тщеславны, чтобы замахнуться на большую осаду без руководства верховного владыки.

– Тысячу воинов я, может, и смогу выделить, – произнес Амир Джелайр, но это плохая защита от целого гирканийского войска.

– Более чем достаточно, государь, – заверил князя Хондемир. – Дело в том, что я выяснил еще кое-какие обстоятельства. К тому времени как кочевники нас догонят, мы подойдем уже к самим Курганам Спящих. А у дикарей полно странных суеверий. Например, им запрещено ездить верхом близ Курганов. Более того, на могильниках они не смеют стрелять из лука. Пешие, вооруженные лишь мечами и пиками, эти варвары – все равно что необученный сброд. Дайте мне хороших бойцов под началом опытного командира, и степняки нам не страшны, сколько бы их ни было.

– Звучит разумно. Что скажете, советники?

Многие вельможи охотно согласились, другие – лишь скептически качали головами.

Неожиданно князь кое о чем вспомнил:

– Добрый Хондемир, ты упоминал, что тебе понадобится еще нечто помимо кавалеристов. Что именно?

– О, совсем немного. Что может понадобиться в пути? Шатер, в котором я мог бы заниматься на остановках своим искусством, кое-какая утварь... ну и еще одна мелочь.

– Что же? – спросил князь.

– Видишь ли, государь, вызвать потусторонне существо – это не то что воина или слугу нанять. Нужно выполнить очень сложные обряды. Поскольку весь ритуал будет вестися от твоего имени, хорошо бы присутствовать лично тебе. – Князь посмотрел на колдуна с тревогой, но Хондемир упредил возражения, сделав успокаивающий жест: – Конечно, я не собираюсь просить тебя покинуть город в разгар подготовки к осаде. Подойдет любой твой родич. Лучше всего – кто-то из твоих детей.

Амир Джелайр побледнел и приподнялся со скамьи:

– Один из моих сыновей? Да разве я могу перенести разлуку с кем-то из них?

– Я не сказал "сын", государь. Сойдет и дочь. Князь, успокоившись, уселся на место.

– Дочь? Это другое дело. У меня их несколько. Ишкала – старшая. У нее трудный характер. Я давно уже утратил надежду найти для нее подходящего мужа. Можешь взять ее с собой.

– Прекрасно, государь. Если в дороге ничего не случится, дочь вернется к тебе цела и невредима, А теперь, повелитель, коль скоро вы приняли мой план, твои воины и твоя дочь должны быть готовы к походу на рассвете десятого дня, считая от сегодняшнего.

– Да будет так! – громко возвестил князь. – Что ж, с делами мы разобрались, теперь можно и отобедать.

Поздно вечером, когда Хондемира доставили в его особняк, он мысленно праздновал победу. Князь оказался человеком легковерным, да и не привык Джелайр к таким сложным вопросам. А впрочем, будь он тверже и недоверчивее, Хондемиру все равно скорее всего удалось бы склонить его на свою сторону. Ведь план и в самом деле был хороший, и говорил чародей правду... Кроме одной небольшой детали: чем он на самом деле собирался заняться, достигнув Курганов Спящих.

А в это время, пока Хондемира несли домой с роскошного княжеского пира, в другом уголке Согарии еще одно веселое, шумное застолье не собиралось заканчиваться. В одной из харчевен, окружавших городской базар, гуляла компания молодых людей. Обычно базарные харчевни обслуживали заезжих торговцев, но эту облюбовали для себя городские повесы: не сумевшие разбогатеть мастера-ремесленники, художники, ученики писцов и звездочетов, а также самые отпетые сынки согарийской знати.

За одним столиком в этот поздний час было особенно шумно. Люди, сидевшие за ним, были очень молоды. Кувшин с вином уже обошел стол не один круг, и его не раз уже доливали. В компании особенно выделялся один юноша. Говорил он очень красноречиво, несмотря на то что язык у него уже порядком заплетался.

– Друзья, мы живем во времена упадка, – вешал восторженный юнец. Людям нашего времени ни до чего нет дела, кроме денег. Они покупают дворцы и драгоценные побрякушки, обжираются и пьют вино...

– Что же плохого в деньгах, Мансур? – со смехом спросил его товарищ. Что худого в дворцах и в изящных творениях ювелиров?

— И что плохого в том, чтобы есть и пить вино? — подхватил другой гуляка. — А сам ты сейчас чем занимаешься? — Все за столом захохотали.

— Есть вещи более важные, — ответил тот, кого звали Мансуром. Он был едва ли не самым молодым в компании — за плечами у него вряд ли наберется и восемнадцать безоблачных лет. Одежды у юноши особой роскошью и изяществом не отличалась, не в пример его компаньонам, однако и в лице, и в повадках сквозило явно благородное происхождение. Был он строен, высок и хорош собою. На щеках пробивалась каштановая бородка. Трактирные служанки нет-нет да и бросали на юношу лукавые взгляды. Но Мансур, казалось, не обращал на откровенные призывы девиц никакого внимания.

— Какие же вещи важнее, а, Мансур? — воскликнул один из парней. По тону его было понятно, что такие шутливые перепалки — не редкость между сбутыльниками.

— Слава! И приключения! И вечная любовь! Где в наше спокойное время услышишь звон мечей, свист стрел, воинственные кличи доблестных воинов?

— Ну, если слухи правдивы, этого мы скоро дождемся, — заметил тот, что был постарше. Но Мансур не обратил внимания на эти слова.

— Как доказать своим друзьям и своей возлюбленной, что ты мужчина, если не великими подвигами? — настаивал он.

— Давай-ка поподробней! — одновременно воскликнули его друзья.

— Так получилось, — продолжал юноша, — что у меня с собой кое-какие стихи, которые я сочинил именно по этому поводу, — он порылся за пазухой, постойте, где же они, должны быть тут. — Наконец Мансур обнаружил у себя за поясом футляр, в котором писцы обычно таскают свои нехитрые инструменты. Однако футляр был пуст.

— О боги, мы обречены, — воскликнул один из парней. — Мансур собирается читать нам свои стихи! — Послышались стоны и проклятия.

— Перед таким испытанием нужно подкрепиться! — провозгласил другой, в очередной раз наполняя кубок.

— Есть вещи, которые человеку не вынести, — заметил юноша в манишке без рукавов: такие носят подмастерья зодчих. Он выхватил из-за пояса кинжал и приставил острие к груди, будто собираясь покончить с собой.

Мансур не обращал на приятелей внимания. Он извлек свиток со стихами из-за голенища сапога.

— Вот они где! Слушайте меня внимательно, друзья! Когда-нибудь вы будете рассказывать своим детям, что вам читал стихи сам Мансур Альяша.

Прижав одну руку к сердцу, а другой держа свиток, Мансур начал декламировать:

Где вы, времена отцов могучих,
Боевые кличи, звон мечей,
Где герои — не бывает лучших
Доблестней, храбрее, горячей?

Ваши мышцы — из отборной стали,
Взором — соколы, душою — львы,
А сегодня мы другими стали,
Нет сегодня подвигов, увы!

Вас страшились гордые туранцы
И свирепые сыны степей,
Жалкие отродья – бухрошанцы
Вас запомнят до скончанья дней...

Товарищи Мансура откинулись в изнеможении, словно их одолела неизлечимая хворь. А тот, что изображал самоубийцу, дернул вдохновенного поэта за рукав.

– Мансур, твои стихи прекрасны, но мы-то хотим, чтобы ты рассказал нам о своей возлюбленной.

– Ах, – вздохнул юноша, – она прекрасна. Но ее божественное имя не смеет сорваться с моих уст. Оно не предназначено для чужих ушей. – Мансур снова свернул рукопись и отложил ее в сторону.

– Что за тайна вокруг какой-то девчонки? – удивленно спросил юноша в тюрбане звездочета. – Уже две недели ты стонешь и плачешь по ней, а мы так ничего и не знаем. Может быть, девчонка вообще не стоит таких страданий. Он наполнил кубок Мансура, надеясь, что вино развязет влюбленному поэту язык, хотя едва ли в этом была необходимость.

– Я дал клятву, – доверительно сообщил Мансур, – что никогда не открою ее имени. Иначе последствия будут ужасны для нас обоих.

– Ха-ха! – засмеялся "самоубийца". – Кажется, я оказался прав! Она замужем! Жена какого-нибудь толстопузого купца развлекает Мансура в роскошных покоях, пока муженек подсчитывает барышни. Обычная история!

– Берегись! – крикнул поэт, схватившись за меч у пояса. – Ты оскорбляешь имя моей госпожи!

– Мы ничего не можем сделать с ее именем, потому как оно нам неизвестно!

Мансур успокоился.

– Увы, оно должно оставаться тайной моего сердца. Она слишком высокородна, чтобы подобные мне даже глаза на нее поднимали. Один лишь я и осмелился. Мы поклялись друг другу в любви, но наша любовь обречена из-за разницы в положении.

Друзья были в восторге: наконец-то Мансур заговорил о таинственной незнакомке.

– А ты ее опиши, Мансур, – лукаво попросил один из них. – Любой талантливый поэт сумеет так описать свою возлюбленную, что остальные легко смогут ее представить, даже не зная имени.

– Волосы ее, друзья мои, черны, как полуночное небо...

– Да вряд ли во всей Согарии найдутся волосы другого цвета, разочарованно протянул лукавый собутыльник Мансура.

– Кожа ее бела, как восходящая луна...

– А поточнее нельзя, Мансур? – попросил "самоубийца". Вдруг поэта словно осенило:

– Подождите! Я знаю, как рассказать вам о ее несравненных качествах.

Он потянулся к другому сапогу и извлек скатанные в трубку бумажки.

– Как раз сегодня я посвятил ей стихи. Эта безделица, пока еще черновик, всего-то двести девяносто семь строк. Я...

Мансур поднял взгляд и увидел, как последние из его друзей спешно – кто в дверь, кто в окно – выскакивают из харчевни. Юноша смущенно оглядел опустевший стол. Потом сел и с

горя осушил полную чашу вина.

— В наше время не осталось ни мужества, ни чести, — пробормотал он, ни любви к поэзии. — Тут он огляделся, ища поддержки, как раз вовремя, чтобы заметить хозяина. Судя по всему, трактирщик вознамерился получить плату. Мансур понял, что настало время спешно уносить ноги.

Вылетев на улицу, он резвой рысью направился в сторону княжеского дворца, по пути размышая о превратностях своей судьбы. Как всякий поэт и философ, он понимал, что обречен всю жизнь сносить насмешки товарищей. И в любви ему тоже не на что было рассчитывать, поскольку лишь самая необыкновенная, самая прекрасная дама могла тронуть его сердце. И Мансур нашел такую, нашел в своем родном городе. Но она, как и следовало ожидать, принадлежала к очень высокому роду; юноше из бедной рыцарской семьи нечего и мечтать о подобной возлюбленной.

Как и все честолюбивые юнцы, Мансур был слишком горд, чтобы служить при дворе мальчиком на побегушках, и слишком беден, чтобы иметь какие-нибудь выгодные связи. Кое-как он зарабатывал уроками фехтования в школе мастера Накшафа. Дело это нехитрое — учить балбесов-переростков основам боя. Однако все, что связано с оружием, Мансур считал чуть ли не священным. Сейчас юноша мог гордиться своим мастерством. Он еще мальчиком упросил отдать его в фехтовальную школу. Сначала старый учитель пренебрегал им, но потом принял, а принял — высоко оценил. В конце концов стариk сделал Мансура своим помощником и даже намекал, что, может быть, когда-нибудь способный молодой боец займет его место.

Мансур на ходу вытащил клинок и провел сложную атаку, — провел безупречно, хоть пребывал сильно под хмельком. Вооружен был юноша туранской саблей, с одной стороны острой как бритва и слегка искривленной. Тонкий и легкий туранский клинок в умелых руках превращался в смертоносную молнию. Мастер Накшад заставил Мансура освоить в совершенстве все известные типы клинков, но эту легкую саблю юноша полюбил больше всего.

Он направился к задней стене дворца и отработанным движением спрятал саблю в ножны. Мансур разыскал место, где по стене вилась старая виноградная лоза, кривая, толстая и шишковатая. Юноша оглянулся; переулок, по которому он шел, был пуст. Ни один караульный не показывался на стене. Довольный, что его не видят, Мансур принял карабкаться наверх.

"Вот еще одна примета упадка, — думал он, — подобной живой "лестнице" позволяют расти прямо на дворцовой стене". То, что это упущение дворцовой стражи как раз и позволяет ему видеться с возлюбленной, отнюдь не уменьшало праведный гнев Мансура. Взобравшись наверх, он спрыгнул в маленький дворик. Было тихо. Он прошел мимо бассейна в середине дворика и вышел на террасу — на таких в жаркое время прячутся от солнца знатные дамы. Осторожно ступая по покрытому замысловатым орнаментом мрамору, юноша еще раз огляделся и страстным шепотом позвал: "Ишкала! ". Он ждал затаив дыхание. Каждый раз, когда Мансур проникал сюда, он понимал: в один прекрасный день вместо возлюбленной может появиться десяток свирепых княжеских воинов.

— Мансур? — стройная фигурка появилась в дверях, расположенных за мраморной оградой. Мансур, не помня себя от радости, бросился вперед и обнял возлюбленную.

— Госпожа моя, любимая моя, как я тосковал по тебе с тех пор...

— Мансур! Ты опять пьянствовал со своими дружками! От тебя несет, как будто ты

ночевал в винной бочке.

— Мне нужно было выпить, чтобы забыться, любовь моя, а иначе мысли о тебе затмевают все на свете. И если бы долг чести повелел мне обнажить меч, я бы...

— Прекрати эту болтовню, — прошептала девушка, — случилось нечто ужасное.

Мансур мгновеннопротрезвел.

— Тебя с кем-то обручили?

— Немногим лучше. Этот страшный турецкий колдун сегодня вечером был при дворе. Я, как обычно, спряталась за троном, чтобы послушать, о чем они говорят. Скоро начнется война!

— Война! — В голове у Мансура тут же возникли сияющие картины великих сражений, где он покроет себя неувядающей славой.

— Колдун Хондемир говорит, что может предотвратить войну.

— Какая жалость, — разочаровано протянул Мансур.

— Он собирается отправиться в поход в далекую пустыню и там сотворить какое-то ужасное колдовство, дабы уничтожить кочевников.

— Из-за этих колдунов мы окончательно утратили воинскую честь, возмущенно фыркнул Мансур.

— Все намного хуже. Хондемир сказал, что для этих чар ему нужна я.

— Ты? Может, лучше объяснишь все с самого начала? Княжна поведала влюбленному поэту о том, что услышала из своего укрытия.

— Сегодня вечером, — рассказывала девушка, — ко мне подошел командир дворцовой стражи и объяснил, что я должна подготовиться к долгому походу. Нас будут сопровождать Красные Орлы. Колдун обещал, что мне от его чар ничего не сделается, но я не так доверчива, как мой отец. Я сердцем чую проклятый турецкий хочет обрушить на город злобные силы.

— Я этого не позволю, — вскинулся разгневанный Мансур. — Я потребую у князя аудиенции.

— Любимый, дворцовая стража тебя даже на порог не пустит, — вздохнула княжна. — Я должна подчиняться отцу, даже если он поступает глупо.

— Я не могу остаться в стороне! — воскликнул в отчаянии Мансур. — С тех пор как мое сердце бьется в такт с твоим... с той минуты, как рука судьбы толкнула меня перелезть через дворцовую стену и найти тебя... когда глаза мои... — Мансур еще некоторое время продолжал в том же духе.

По правде говоря, дело обстояло несколько прозаичнее. Просто в один прекрасный день, несколькими неделями раньше, юноша гулял с дружками поблизости от дворца. Приятели-то и подбили Мансура взобраться на стену. Он принял вызов, залез наверх, цепляясь за виноградную лозу, и только повернулся, чтобы отвесить поклон, как вдруг потерял равновесие и упал во внутренний двор, прямо на цветущий душистый куст. Когда у юного смельчака перестало кружиться в глазах, он обнаружил, что перед его взором стоит чудесное видение, настолько прекрасное, что он и вообразить ничего подобного был не в силах. Но сейчас Мансур уже подзабыл далеко не героические подробности знакомства с княжной, сам поверив в ту сказку, что придумал для своей возлюбленной.

— Ты должен уйти, — втолковывала юноше Ишкала. — Охранники-евнухи сейчас начнут обход. Ты должен обо мне забыть. Если я вернусь из похода хорошо. Если нет, найди другую подругу. — Последние слова девушка произнесла уже сквозь слезы.

— Я придумаю что-нибудь, любимая, — пообещал Мансур. — Не знаю пока что, но обязательно придумаю. И буду всегда рядом с тобой!

В глубине двора послышался размеренный лязг доспехов — это шел стражник. Влюбленные бросились бежать. На прощание поцеловав княжну, Мансур подбежал к стене и на этот раз спустился не по виноградным ветвям, а по обычной лестнице.

Потом он уныло бродил по саду рядом с дворцом. Как ему исхитриться, чтобы оказаться рядом с любимой? Ведь он так нужен ей в этот трудный час. Мансур решил было пойти к дому Хондемира и вызвать мага на поединок. Но куда там! Несомненно, этот негодяй прибегнет к каким-нибудь бесчестным колдовским приемам... Мансур бросил взгляд на серебристый лунный серп, видневшийся меж двух высоких деревьев. Бедный страдальц решил сочинить стихи в честь Ишканы, сравнив ее красоту с красотой луны. Эта мысль показалась ему весьма оригинальной...

Утром несчастный поэт очнулся от жуткой головной боли и страшного звона в ушах — шумело, словно он лежал на берегу бурного моря. Мансур со стоном сел и увидел, что несколько работников сосредоточенно подстригают живую изгородь, не обращая ни малейшего внимания на растянувшегося в кустах пьячужку. Он попытался припомнить события последней ночи. Сначала кто-то непочтительно отозвался о его стихах. Потом — Ишканы! Ее слова пронеслись в памяти огненным смерчем. Что-то надо делать! И зачем он вчера так налипался! Мансур с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, вышел из сада.

Когда юноша очутился в городских кварталах, в глаза ему сразу бросились столь непривычные для Согарин тревога и напряжение. Люди сновали туда-сюда, чиновники сообщали какие-то важные новости, повсюду маршировали вооруженные солдаты. Город готовился к войне. В любое другое время Мансур бросился бы в самую гущу событий, ведь именно об этом он мечтал долгие годы! Но теперь он мог думать только об Ишкане и той ужасной судьбе, которая ей грозила. Мимо проскакал эскадрон ярко одетых кавалеристов, и тут в голову Мансуру пришла замечательная мысль. Не потрудившись даже зайти домой, чтобы умыться, он поспешил к южным воротам. Там, за городскими стенами, огромное пространство было занято загонами для боевых лошадей и казармами согарийского гарнизона.

Несколько раз спросив дорогу у спешащих куда-то солдат, Мансур наконец добрался до широкого плаца. Там упражнялись несколько боевых отрядов. Судя по выправке, это настоящие профессионалы. Их остроконечные шлемы венчали воинственные пломажи из красных перьев. Мансур безошибочно узнал прославленных Красных Орлов, отборную княжескую кавалерию. Юноша отыскал взглядом наблюдающего за маневрами офицера и подбежал к нему.

— Я — Мансур Альяша, сударь. Желаю вступить в ряды Красных Орлов.

Офицер только усмехнулся в усы.

— Теперь, когда война на носу, многие захотят вступить в войско. С какой это стати мне принимать тебя в лучшее кавалерийское подразделение Согарии? Судя по одежде, едва ли кто-то из знатных людей окажет тебе протекцию.

— Да, у меня нет связей при дворе, — гордо проговорил Мансур, — но я отлично владею клинком. — Он выхватил саблю и молниеносно провел несколько сложных фигур.

— Неплохо, парень! — заметил явно изумленный офицер. — Я вижу, ты долго и успешно учился. Только вот незадача — всадники не пользуются легким оружием. А вот удержишь ли ты настоящий боевой клинок? — Он извлек свой собственный меч и протянул Мансуру.

Оружие было длинным и широким, лезвие загнуто сильнее, чем сабля Мансура. Длина и вес таковы, что мечом можно рубиться сидя в седле.

Мансур возблагодарил богов за то, что старый Накшад научил его обращаться и с таким оружием. Он знал, как рубить кавалерийской саблей: проще и мощнее, чем легким мечом.

– Отменно! – похвалил офицер. – А верхом ездить умеешь?

– Умею, – уверено ответил Мансур. Он и впрямь неплохо ездил верхом, хотя специальных кавалерийских навыков ему недоставало.

– Ну так иди вон туда, там собираются салажата. Набирают новое войско для защиты города, и, коли успеешь, тебе достанется конь.

– Нет, – настаивал Мансур, – я хочу быть Красным Орлом.

– Послушай, парень, – нахмурился офицер, – в Красные Орлы так просто не попасть. Многие готовы были служить простыми солдатами, но их не брали, хотя это были опытные воины. Принимают только самых достойных. Иди послужи где-нибудь в другом месте. Через несколько лет наберешься боевого опыта, тогда и приходи к нам.

Мансур повернулся и ушел. Все надежды рухнули. Оставалось найти какой-то другой способ последовать за Ишкалой в Голодную Степь.

ГЛАВА 5

На закате прикованным к столбам пленникам принесли поесть. Раб поставил деревянную тарелку и кувшин с водой между Конаном и Рустуфом. Козах и киммериец с жадностью набросились на еду. Им дали хлеб, не такой мерзкий, как днем, сыр, а главное – вдоволь копченого мяса.

– По крайней мере, с едой здесь получше, чем в яме, – заметил Рустуф. Он подхватил кость с приличным шматом мяса и аж заурчал от удовольствия.

Конан тоже принялся поглощать пищу, хотя и не так остервенело, как козак. Впервые за много дней великану варвару наконец довелось как следует набить желудок.

– Что ж, перед казнью всегда хорошо кормят. Но смотри не увлекайся. С переполненным брюхом какой из тебя боец? – С этими словами киммериец поднял кувшин и отхлебнул. Там оказалось вполне сносное вино, чуть разбавленное водой.

– Э-хе! – прошамкал Рустуф с полным ртом баранины. – Наши-то товарищи не так осторожны!

Действительно, остальные невольники хватали пищу, как голодные шакалы, ссорясь из-за лакомых кусков, и уже давно бы передрались, если б не цепи.

Когда трапеза подошла к концу, в загон проскользнул нежданный посетитель. Это была женщина, так задрапированная покрывалом, что виден был лишь краешек ее лица. Сопровождал незнакомку главный надсмотрщик. На пленных женщины глядела, как смотрит на скотину рыночный барыга. Каждый, к кому она приближалась, вставал, давая рассмотреть свое тело.

Лишь Конан сделал вид, что не заметил ее, когда она подошла.

– Ты! – крикнул надсмотрщик. – Встань перед госпожой! Конан стряхнул прилипшие к губам крошки.

– Он что, глухой? – спросила женщина. – Или не знает нашего языка?

– Да все он понимает, – ответил надсмотрщик. – Просто строптив не в меру. Воин, который привел его сюда, говорил: этот парень и связанный ведет себя так гордо, как иным свободным не снилось. – Он похлопал Конана по плечу плетью: – Встань, герой! Сегодня вечером у тебя будет где показать свою храбрость.

Конан медленно поднялся во весь богатырский рост. Женщина придирчиво оглядела киммерийца: скользнула взглядом по мощным, будто свитым из дубовых корневищ, ногам, по широченной груди, по стальным буфам мускулов. Потом странная незнакомка обошла Конана вокруг, отмечая тихими вздохами многочисленные шрамы киммерийца и восхищаясь его могучей статью. Она ткнула Конана в солнечное сплетение своим маленьким пальчиком. Палец так и отскочил, будто угодил не в тело человека, а в ствол дерева. Наконец женщина посмотрела киммерийцу прямо в лицо.

– Умыть и хорошо выбрать, – бросила она властно надсмотрщику, – должно получиться очень прилично. – Затем обратилась к Конану: – Как ты сражаешься, чужестранец?

– Лучше всего мечом, но могу и любым другим оружием – секирой, палицей, пикой, кинжалом. Я – воин.

– Должно быть, твои соплеменники тебя таковым и почитают... А голыми руками драться можешь?

– В кулачном бою мне далеко еще до совершенства, – просто ответил варвар.

Конану хватило и небольшой прорехи в балахоне женщины, чтобы понять перед ним несравненная красотка. А по уверенной, грациозной походке можно было догадаться о ее фигуре.

— А ты забавный, раб, — заметила лукаво незнакомка, — вечером будешь еще забавнее. — Она обернулась к надсмотрщику: — Дай ему все, что нужно для мытья и бритья. Он первым выйдет сражаться на глазах у моего господина. — С этими словами женщина отправилась дальше.

Рустуф ухмыльнулся Конану:

— Да, ты уже привлек к себе внимание! Только к добру ли это? Может, тебе предстоит самая длинная ночь. Д может, и самая короткая...

Бартатуя пировал в роскошном шатре. Сегодня в лагерь прибыли два вождя-союзника со своими воинами и многочисленными рабами. Бартатуя угостил гостей диковинными, непривычными для кочевников лакомствами — заморскими винами и пряностями, птицей, которая не водится в степи, даже рыбой из барабских водоемов: посыльный доставил ее, еще живую, в кожаных бурдюках с водой. Надо показать суровым степным каганам неведомые для них радости жизни, чтобы вдохновить их перед походом на богатые города.

— Слухи о твоем гостеприимстве не преувеличены, вождь ашкузов, говорил каган с обветренным, похожим на старый пергамент лицом. Узкие глаза степняка неотрывно наблюдали за десятю вендижками, что прикрывали наготу лишь бусами с драгоценными каменьями. Прелестные наложницы исполняли перед гостями гирканийского предводителя один из тех сладострастных танцев, которыми так славится далекая Вендия.

— Мне приятно разделить с друзьями все, что у меня есть, — отвечал Бартатуя. — Если что-то здесь тебе понравилось, скажи мне, и это будет твоим. Хочешь взять к себе в шатер одну из этих танцовщиц? Бери. Их специально отбирала и обучала мол собственная наложница, которую я с боем взял у Кухлага. — Он с умыслом напомнил важным гостям, как убил великого вождя голыми руками на глазах у его всадников. Такие подвиги только укрепляли репутацию воинственного честолюбца.

— Щедрость твоя известна, — подал голос другой вождь, помоложе. — Но нам непонятна твоя затея со штурмом Согарии. Зачем такая толпа рабов? Что нам с ними делать?

— Да! — воскликнул старый вождь с продубленным степными ветрами лицом. — В чистом поле мы всегда побеждали городских крыс. Но когда они запираются в свои каменные стены, мы плюем на них и уходим. В чем наше преимущество? Скорость и несравненные луки. А если мы потащим за собой рабов, нам придется плестись шагом...

— Слушайте же меня, я вам объясню.

Каган ашкузов был очень высокого для гирканийца роста; у него были длинные руки и широкие плечи лучника. Родом Бартатуя происходил из западных гирканийцев — зеленоглазый, с каштановыми волосами, заплетенными во множество косичек. Лицо его, привлекательное на чисто восточный лад, от природы было светлым, только сильно загорело под жгучим степным солнцем. Завитки татуировки украшали его щеки, делая внешность еще более впечатльной и свирепой. Хотя лет кагану было не больше тридцати и он мог считаться слишком молодым, чтобы возглавлять такое огромное войско, от него исходила какая-то аура власти в могущества, как от всех подлинно великих вождей. Бартатуя отхлебнул глоток вина и начал:

— Через несколько дней мы выступаем в поход. Рабы нам не понадобятся, пока мы не приступим к осаде. Так что им необязательно идти вместе с основным войском. Их пошлют

вперед первыми, с небольшой охраной. А через несколько дней выступит конница со своими вождями. Они обгонят пеших рабов у границы согарийских земель.

Вожди закивали, соглашаясь с такой тактикой.

— Первый этап, — продолжил Бартатуя, — будет очень похож на привычные нам набеги. Небольшие отряды захватят каждый по несколько деревень или небольших крепостей. Наша задача — разорять согарийские земли и наводить страх. Но при этом важно не убивать больше, чем необходимо.

— Почему же? — спросил один из вождей, тот, что постарше. У гирканийцев издревле повелось поголовно вырезать побежденных.

— Потому что они нам нужнее живыми, нежели мертвыми. Когда селяне увидят, что их дома и укрепления в опасности, они снимутся с обжитых мест и кинутся в одном и том же направлении.

— Прямо в Согарию! — воскликнул молодой вождь.

— Совершенно верно, друг мой, — с искренним одобрением сказал Бартатуя, — мы их туда погоним, как овец. Они будут набиваться за стены, пока город не раздуется, как бурдюк с вином. Беглецы станут пожирать городские припасы, занимать место и возбуждать злобу горожан. Каждый новый беженец облегчает нашу задачу!

— Но вскоре горожане поймут, как глупо пускать столько лишних ртов, и закроют ворота. Бартатуя беззаботно махнул рукой:

— Ну так мы сами приспособим их к делу. Например, используем на осадных работах. К тому времени мы как раз окружим город, подойдут пешие рабы, и мы сможем начать штурм.

— Воистину хитроумный план! — похвалил старый воин. — На мой клан можешь рассчитывать.

Молодой вождь с жаром подхватил его слова.

Бартатуя остался доволен. Его планы простирались еще дальше, чем просто захват отдельного города, но он не хотел забивать простым вождям головы такими сложными вещами. В любом случае надо сперва один сезон побить верховным вождем отдельных племен, а потом уж вся орда признает его владыкой, Учи-Каганом. Дай только кочевникам почувствовать вкус добычи — и они сами станут требовать, чтобы Бартатуя вел их в новые походы. Тем временем он обдумает свои планы — они заходят куда дальше, чем он говорит сейчас вслух!

Да, его помыслы таковы, что эти вожди, сидящие рядом в шатре, и представить себе не могут. Еще мальчишкой Бартатуя жадно слушал рассказы странников о дальних землях, о великих городах. Он совершил набеги на приграничные области этих богатых, цивилизованных стран и видел, как слабы и медлительны чужеземные войска, какой в них царит беспорядок. Завоевать все эти державы, все без исключения, завладеть всеми сокровищами мира — вот о чем мечтал Бартатуя. Сначала он повергнет в прах великий Кхитай, потом Вендию, а после, может быть, Туран и мерцающие вдали королевства Запада. Потом — волшебную Стигию и те земли к югу от Стигии, о которых он знал лишь понаслышке. Странствующие мудрецы говорили, будто люди там черного цвета, а слоны еще больших размеров, чем в Вендии.

Бартатуя твердо верил: ничто не остановит его конных лучников, если они сплотятся под властью единого правителя. Сила воли и природный ум позволили ему свершить многое. Теперь же к его услугам была помошь и советы наложницы Лакшми — прекрасной и безжалостной женщины. План взятия Согарии был во многом делом ее рук. Да и сама мысль

о том, чтобы перекрыть торговые пути между Востоком и Западом, принадлежала ей. Со временем весь мир будет под пятой кагана, но сейчас важно прибрать к рукам все товары, а главное – все сведения, которыми обмениваются великие державы. Тогда по своей воле он сможет либо держать в страхе многочисленные княжества и царства по обе стороны торговых путей, либо, наоборот, усыпить их бдительность.

Мысли Бартатуи вернулись к происходящему в шатре. Будущее будущим, а пока надо всеми возможными средствами укрепить союз с другими каганами.

– На сегодня, – объявил Бартатуя, – у нас припасено особое развлечение. Я отобрал самых строптивых пленников, из тех, что умеют владеть оружием. Мы стравим их друг с другом. Вы позабавитесь, а заодно и поглядите, как привыкли сражаться наши враги.

Эти слова вызвали оживление. Вошли рабы и внесли большие корзины, полные оружия. Вендейские танцовщицы разбежались, звеня золотыми украшениями. Ковры, на которых вендики танцевали, свернули. В шатре установилось молчание.

– Ведите первую пару! – приказал Бартатуя.

Ввели двух мужчин в цепях. Первым шел киммериец. Вторым был тот злобный детина, с которым Конан пытался разговориться в загоне для бойцов.

– Вот этого я знаю, – сказал Бартатуя, – он победил в первом поединке несколько дней назад, А вот тебя, – обратился он к Конану, – вижу впервые. Кто ты, раб?

– Я Конан из Киммерии. Я не раб, а воин. – Он скрестил руки на широкой груди и хмуро оглядел собравшихся в шатре. Конан вновь был чисто выбрит; ведра воды и грубой тряпки хватило, чтобы смыть дорожную грязь и пот. На бронзовой коже киммерийца, специально смазанной маслом, плясали отсветы факелов.

– Не раб, говоришь? Но раз на тебе ошейник, ты – мой раб.

– Нет, – ответил Конан, – это значит, я – твой пленник. А это совсем другое дело. – Ни в свободной, гордой стати великана варвара, ни в его глазах, сверкающих голубым пламенем, как льды на горных вершинах, не было ни толики раболепного преклонения.

– У него острый язык, – проворчал один из степняков, вытаскивая кинжал, – позволь мне заколоть его, каган.

Конан смерил кочевника недобрый взглядом.

– Лучше бы ты окунул свой кинжал в чашу с соусом, воин, – произнес киммериец.

– Это еще почему, раб? – презрительно спросил тот.

– А потому, – сказал Конан, – что если ты сунешься с ним ко мне, я заставлю тебя его сожрать.

Шатер буквально затрясся от громового хохота, а воин с кинжалом бросился на Конана, и лишь повелительный жест Бартатуи сдержал степняка.

– Нет, – проговорил каган, – свободный человек не может драться на равных с рабом. Ты меня развлек, человек из Киммерии. Посмотрим, умеешь ли ты что-нибудь еще, кроме болтовни. – Он подал знак стражнику, и обоим пленным расстегнули ошейники.

– Первая схватка будет без оружия, – объявил Бартатуя. – Начинайте.

Как только прозвучал приказ, дюжий невольник с Востока ринулся вперед. Со скоростью, для его телосложения невероятной, он скользнул к Конану и провел хлесткий удар ногой в лицо. Киммериец же по-прежнему стоял, повернувшись к Бартатуе, и даже не глядел на своего противника. Любой другой после подобной сокрушительной атаки давно бы уже валялся со сломанным позвоночником. Но мускулы и нервы киммерийца сработали молниеносно: вражеская ступня просвистела в воздухе там где мгновение назад еще

находилась голова Конана. А великан варвар уже отступил на три шага в сторону. Вторая атака сразу же последовала за первой – удары будто бы слились в единое движение. Не успела правая нога врага коснуться земли левая устремилась к солнечному сплетению киммерийца. Конан мягко блокировал открытой ладонью, и потерявший равновесие противник по инерции вылетел прочь с площадки для состязаний.

И сам удар, и мастерская защита Конана были встречены одобрительным ревом. Киммериец не отрывал внимательного взгляда от столь ретивого врага. Противник застыл перед Конаном в низкой стойке, выставив вперед правую ногу и прижав кулаки к груди, как бы держа щит. Судя по всему, этот восточный боец владел каким-то сложным видом единоборства без оружия и привык с помощью своего искусства легко побеждать неопытных воинов.

Конану на все эти замысловатые стойки и приемы было наплевать. Неважно – с оружием или без. Из-за жестко заученных правил боя воин привыкает действовать по готовому шаблону и теряется в неожиданной ситуации. Сам киммериец привык полагаться только на силу, опыт и чутье.

– Подходи, чужестранец, – издевался восточный боец, – встреть свою смерть от руки Цонг Ха. Я уже прикончил десятки недоносков вот этим руками и ногами. Не бойся, я сделаю это быстро, без мучений.

Конан усмехнулся. Парень рассчитывал свалить его одним внезапным приемом, а теперь, когда фокус не прошел, ему приходилось укреплять свое пошатнувшееся мужество хвастовством.

– А я и не собираюсь мучиться, – ответил Конан, – Попляши-ка для нас еще!

Цонг Ха зарычал и кинулся вперед. Он провел ложный выпад, будто хотел поразить Конана в коленную чашечку, а на самом деле выбросил вперед, словно копье, правую руку с полусогнутыми пальцами. Такой удар мог запросто выбить глаза и сломать нос.

Враг, конечно, действовал быстро, но Конан – еще быстрее. Он успел перехватить запястье противника. Пальцы Цонг Ха были уже в дюйме от глаз киммерийца. Вывернув руку противника, Конан изо всей мочи рванул ее вниз. Лицо Цонг Ха исказила гримаса, кости затрещали, сухожилия лопнули. Он попытался дотянуться до Конана другой рукой, но варвар с легкостью отбил и этот удар. А потом сам стукнул противника локтем в висок.

Цонг Ха повалился на землю, и слугам пришлось оттащить прочь бесчувственное тело. Конан, довольный победой, позволил себе слегка расслабиться. В адрес могучего варвара сыпались лестные реплики, но вряд ли кто-нибудь из присутствующих вникал в тонкости единоборства без оружия. Получающие оружие чуть ли не с рождения, гирканийцы считали кулачные схватки детской забавой.

– Следующий поединок пусть будет с оружием, каган, – попросил вождь, щеголявший татуировкой в виде зубастых драконов.

– Выбирай любое, – Бартатуя взглянул на Конана и изящным жестом указал на стоящий рядом низкий столик. На нем все еще было полно яств и вина. Отлично дерешься, киммериец. Давай подкрепись перед следующим боем.

– Зачем? – спросил Конан – Я что, выгляжу усталым? Бартатуя хлопнул себя по бедру, весьма удивленный:

– Никогда не видел такой наглости! Ты доставляешь нам редкостное развлечение. Какое оружие ты выберешь?

– Меч, – Конан бросил взгляд на корзину, высматривая подходящий клинок.

– Ну так будешь драться пикой! – велел Бартатуя. Гирканийцы раскатом хохота встретили этот своеобразный царский юмор.

– Все едино, – пожал плечами Конан и взял тонкую вендинскую пику. Длинной в семь футов, она была сделана из упругого ясеня. С одного конца у пики десятидюймовый, острый как бритва наконечник; с другого – стальной шар величиной с детский кулак. Копьем Конан владел с ранней юности и мог даже считаться знатоком копейного боя. Но пики – не самое любимое оружие киммерийца. Да и трудно сражаться ею здесь, в шатре, на ограниченном пространстве.

Ввели второго противника – тощего и мрачного туранца.

– Выбирай оружие, – велел Бартатуя. Туранец порылся в корзине и вернулся на свое место с длинной саблей в одной руке и небольшим круглым щитом – в другой. Щит был дюймов двадцати в диаметре, с четырьмя железными чатами спереди.

– Начинайте, – приказал Бартатуя.

Туранец слегка наклонил корпус и мягким шагом стал подбираться к Конану, держа щит чуть впереди, чтобы успеть отразить выпад пики. Будь Конан вооружен мечом, туранец поднял бы щит выше, поскольку смертоносный удар клинка мог быть нацелен в непокрытую шлемом голову. Но для пики главная мишень – туловище. Туранец это прекрасно понимал.

Конан попробовал поразить противника в горло. Это был хитрый и неожиданный выпад, но туранец ловко отразил его краем щита, в ответ молниеносно рубанув саблей киммерийцу по бедру. Конан, прервав атаку, резко отпрянул назад. "Что за условия для боя!" – мелькнула у него гневная мысль. В умелых руках пика – оружие смертоносное, пригодное для самых разных приемов, но только если достаточно места для маневра. Другими словами, в бою она полезна, прежде всего, когда сражаешься целым отрядом, плечом к плечу с другими ратниками. Перед лицом сплоченного войска копьеносцев бессильна даже кавалерия.

Вдобавок туранец вооружился не только саблей, но и прихватил щит. Он мог атаковать одной рукой, а другой – защищаться. Теперь противник наступал, стараясь зацепить клинком ноги киммерийца. Щит же он по-прежнему высоко не поднимал, уверенный, наверное, что пики Конана до его головы не достанет.

Конан решил разубедить его в этом. Ухватив пику ближе к середине древка, он замахнулся, будто собирался пригвоздить ступню противника к земле, а когда тот опустил щит, обрушил тяжелый стальной шар туранцу на макушку. Туранец, однако, успел избежать удара, мгновенно вскинув щит вверх наподобие черепашьего панциря.

Оба воина двигались с большой осторожностью: каждый успел распознать манеру боя другого, понять, что перед ним – противник опытный и опасный. Правда, Конан не забывал и другого: его цель – не только выжить, но и произвести впечатление на Бартатую. Схватка обещала затянуться надолго. Конан не сомневался в своей победе, но нужно принять в расчет и публику. Кофиты, аквилонцы или отчаянные рабаки-ваниры с увлечением следили бы за поединком двух мастеров, так по-разному вооруженных, долго прощупывающих и изучающих друг друга, прежде чем сойтись в смертельной схватке. Но толпе степняков-наездников подобное зрелище скоро наскучит, а Конан этого не хотел. Поэтому он намерено сменил тактику. Пока что преимущество противника заключалось в том, что он выбрал оружие как для нападения, так и для защиты. Прошедший сотни кровавых стычек варвар знал, как с этим справиться. Когда туранец предпринял очередную атаку, киммериец отпрянул чуть назад, словно застигнутый врасплох. Затем вцепился зубами в пику примерно посередине древка и, поднажав, переломил пополам.

— Он сдается! — возмущенно заорали кочевники. — Он сдался на милость победителя и сломал свое оружие! Прикончи его!

Но Конан отнюдь не собирался сдаваться. В левой руке он сжимал часть пики с наконечником, в правой — тыльный край древка со стальным шаром. Теперь у него имелось короткое колющее копье (такие встречаются у кушитских племен) и легкая палица. Это, конечно, не настоящая булава, но ее вполне хватит, чтобы размозжить голову незащищенному шлемом противнику. Конан скользнул вперед и выбросил копье на нижнем уровне. Враг тут же отреагировал и опустил щит. Тогда Конан замахнулся, чтобы нанести туранцу удар палицей по голове. Противник явно забеспокоился. У Конана появилось неожиданное преимущество: прямо в разгар схватки он умудрился сменить и оружие, и тактику боя. Это выводило из равновесия куда сильнее, чем ранение илиувечье.

Туранец понимал, что надо спешить. Для гирканийцев в этом поединке он безусловный фаворит. Но он был опытным воином и не мог недооценивать противника. Здесь, в шатре кочевников, он встретил врага такого опасного, с какими ему прежде дело иметь не доводилось. Оставалось надеяться только на силу клинка и крепость щита.

Издав леденящий кровь воинственный клич, он ринулся в атаку и попытался одним ударом раскроить Конану череп. При этом он сознательно приоткрыл бок теперь противнику проще простого садануть ему пикой по ребрам. К таким рискованным приемам воин привык. Но Конан не воспользовался столь соблазнительной возможностью. Вместо этого он со змеиной ловкостью скользнул на колени и волчком крутанулся по земле. Туранец по инерции рванулся вперед и упал. Прежде чем он успел подняться, над ним уже возвышался великан варвар. Молниеносный удар стальным шаром в локтевой сустав парализовал руку, и туранец выронил саблю. Другой удар, в плечо, сделал бесполезным щит. Конан перекатил врага на спину и приставил копейное жало туранцу к горлу.

— Убей его, — велел Бартатуя, когда смолкли восторженные вопли.

Конан отвел оружие и дал знак своему поверженному противнику, чтобы тот убирался поскорее из шатра. Когда туранец вышел, Конан обратился к кагану ашкузов:

— Зачем?

— Как это зачем? — опешил Бартатуя. Лицо его побагровело при виде неповинования. — Какой же воин оставляет в живых побежденного врага?

— Когда на меня нападают ни с того ни с сего, — рассудительно ответил киммериец, швырнув обломки пики обратно в корзину, — я убиваю без колебаний! Но зачем убивать прекрасного фехтовальщика, который и бился-то со мной только потому, что оба мы — пленники вождя, любящего потешные поединки?

Пока ошеломленный Бартатуя приходил в себя, киммериец подошел к нему и сказал:

— А теперь я воспользуюсь твоим предложением и немного подкреплюсь. Этот бой был тяжелее, чем первый. — С этими словами он налил полный кубок вина и залпом осушил. Потом взял горсть изюма и кинул себе в рот. Гирканийцы уставились на варвара, как будто в шатре возник демон из преисподней.

Бартатуя разразился веселым смехом:

— Этот человек превзошел все ожидания. Такую дерзость прощают только придворному туту. Пойдешь к нам в шуты, Конан?

— Я — воин, — повторил киммериец. — Дай мне работу воина, и ты узнаешь, чего я стою. А шуты — те, кто использует людей не по назначению.

Несколько мгновений стояла мертвая тишина. Наконец Бартатуя промолвил:

– Хорошо... Только это еще нужно доказать, Ну, что будем делать, друзья мои?

– Он говорит, будто неплохо владеет мечом, – подал голос старший из двух вождей, сидящих по обеим сторонам от Бартатуи. – Пусть докажет это! Дай ему меч и выстави против него другого фехтовальщика.

– Да будет так! – сказал Бартатуя. – Иди и выбери себе меч, чужеземец.

Конан подчинился. В корзинах было много мечей из разных стран. Варвар предпочитал длинные прямые клинки, которыми сражаются северные племена, но кочевники принесли лишь восточные, кривые. Наконец Конан отыскал вендинский меч с прямым клинком. Рукоять, конечно, коротковата для здоровенной лапы киммерийца, но можно обхватить ее поудобнее, заведя большой палец за гарду. Клинок широкий, но легкий и немного изогнутый. В настоящей битве Конан вряд ли бы стал сражаться таким мечом. Но если теперешний противник без доспехов, вполне можно попробовать...

– Ведите следующего! – крикнул Бартатуя.

В шатер вошел Рустуф. Он не стал тратить время на цветастую брань и отборные проклятия, а сразу пошел к корзине и вернулся с кривым иранистанским мечом. Лезвие было заточено лишь по одному краю, гарда овальная и плоская. Длинную рукоять можно держать как одной, так и двумя руками.

– Начинайте, – приказал Бартатуя.

Бойцы повернулись друг к другу. Рустуф тут же повел сложную атаку, нанося удары то сверху, то снизу. Конан ловко отбивал их, потом контратаковал. Рустуф отступил, чтобы расширить пространство для боя, и отражал удары широким основанием клинка, Иранистанский меч был не слишком-то приспособлен для такой техники защиты, но хороший фехтовальщик всегда управится с любым клинком.

Конан широким шагом пошел в наступление и сделал резкий выпад – прямо в голову козаку. Рустуф успешно парировал и нацелился Конану в грудь. Киммериец уже привычно отражал выпады снизу, сам при этом атакуя по верхнему уровню. Но тут Рустуф ударили совсем низко и зацепил киммерийца по колену, пролив первую в этом сражении кровь.

– Ха! – ухмыльнулся козак. – Я не такой беспомощный пацан, как те двое, а, киммериец?

– Береги дыхание, козак, – коротко бросил Конан.

Они снова принялись за дело, и некоторое время под звон клинков двигались то в одном, то в другом направлении в пределах отведенного им пространства. Каждый из бойцов то отступал, то переходил в наступление. Один раз Рустуф прижал Конана к столу, и клинки скрестились у горла киммерийца. С нечеловеческим усилием Конан оттолкнул козака и... мечи вновь замелькали в воздухе, как языки сцепившихся насмерть змей.

Шатер наполнился одобрительными возгласами. Снаружи протиснулась еще группа степняков – поглязеть на диковинное зрелище. После обмена особенно сокрушительными ударами Рустуф отбросил свой меч и на ходу подхватил другой – предыдущий был так зазубрен, что походил на пилу.

– Готовься к смерти, киммериец! – с этим криком козак кинулся в яростную атаку.

Он теснил варвара назад, пока тот не повалился прямо на яства, фрукты и корзины с вином, стоящие перед Бартатуей. Рустуф налетел на упавшего противника, свирепо размахивая мечом. Конан поймал запястье врага и вывернул руку, отведя от себя оружие. Потом вскочил, проволок козака по шатру и сам прыгнул на него. Обеими руками он прижал свой клинок к горлу Рустуфа.

– Сдавайся, собака!

– Руби, будь ты проклят, – прорычал козак. – Я еще ни у кого не молил пощады!

Конан повернулся к Бартатуе:

– Каган, я прошу тебя сохранить жизнь этому человеку. Он замечательный фехтовальщик и пригодится тебе в твоей армии.

Бартатуя был так возбужден превосходным поединком, что как-то не вспомнил: ведь в двух предыдущих поединках Конан не спрашивал у него разрешения...

– Хорошо. Пощади его. – Гирканийцы приветствовали великодушие кагана.

Конан выпрямился, расправил могучую грудь.

– Выставиши против меня еще кого-нибудь?

– Нет. Ты сегодня и так хорошо поработал. И надо признать, отлично себя показал. Ты больше не раб и не пленник. Я назначаю тебя полусотником в моей собственной орде. Ты доволен?

– Доволен, государь, – ответил киммериец. Он оглядел шатер и увидел, что все присутствующие глазуют на него. Им понравилось, как варвар бился. Но принять чужака за равного – совсем другое дело. Конан их вполне понимал. Бартатуя – прирожденный полководец, и для него ничто не имеет значения, кроме воинской доблести. Но не для его соплеменников. Ни один чужак, как бы искусен он ни был, никогда не станет ровней гирканийцу. Придется вести себя поосторожнее!

– Чего ты хочешь от меня? – спросил Бартатуя. – У тебя будут лошади, доспехи, оружие, всего вдоволь. Что еще тебе нужно?

– Мой государь щедр. – Конан чуть склонил голову, понимая, что пора пустить в ход дипломатию. – Я хотел бы, чтобы два моих последних противника служили у меня под началом.

– Как хочешь, – ответил каган. – А еще что?

– Я попросил бы гирканийский лук. И чтобы опытный наставник научил меня им пользоваться.

– Что? – усмехнулся Бартатуя – Такой искусный боец – и до сих пор не умеет стрелять из лука?

– Я думал, что умею, – просто сказал киммериец, – пока не увидел, как стреляют твои люди.

– Вот видите, – Бартатуя всем показал на Конана, – этот человек не хвастун. Он владеет всеми боевыми приемами наших врагов, но понимает, что ему есть чему поучиться в стрельбе из лука. Хорошо бы все были так же честны. Иди, киммериец, мы продолжим разговор завтра.

Конан вежливо откланялся и удалился. Бартатуя проводил его одобрительным взглядом. Из-за возвышения, где сидел каган, вслед Конану посмотрела еще одна пара глаз. И смотрели они куда менее доброжелательно.

Снаружи Конан отыскал Рустуфа и присел рядом с ним.

– Сработало так, как мы задумали. Козак почесал небритый подбородок:

– Хорошо, что все позади. Когда ты долбанул меня на двадцать третьем выпаде, я не сумел увернуться. Клянусь Матерью Дождя, я чуть концы не отдал... А если б ты не убрал ногу в последней схватке, я бы тебе ребро до кости разрубил.

– Все сработало. Давай не будем беспокоиться о том, что могло случиться. Нам надо было, чтобы все выглядело натурально, как будто взаправду. Теперь мы – в войске у кагана,

будущее в наших руках.

— Эх, — вздохнул Рустуф, — хорошо бы оказаться на коне, да с добрым мечом у пояса, да в широкой степи. Чтобы носиться по ней где душе угодно.

— Вот слова настоящего козака! — проговорил Конан. В отличие от гирканийцев, привязанных к своим стадам и пастбищам, козаки были вольными наездниками — и ничего больше. Любому козаку, одержимому любовью к странствиям, часто приходилось разъезжать по степи в одиночку — в поисках приключений.

Потирая отбитый локоть, к нему подошел турецкий воин:

— Я слышал, ты пощадил меня, чтобы я вступил в войско кагана. Это правда?

— Если захочешь, — пожал плечами Конан, — но нерадивых воинов мне не нужно.

— Ты что думаешь, я останусь в невольничьей яме или прикованным к столбу в затоне для бойцов? Я пойду с тобой! И... спасибо тебе, — он протянул Конану руку, — меня зовут Фауд.

Появился слуга с ключом и снял с бойцов ошейники. Воины последовали за ним к новому жилищу.

ГЛАВА 6

На следующее утро Конан проснулся в шатре, который делил с Рустуфом и Фаудом. Шатер был круглым; куполообразную крышу поддерживал внутренний каркас. Не видно ни веревок, ни кольев, вбитых в землю. Однако киммериец слыхал, что такие шатры сохраняют устойчивость даже в самый сильный ветер. Конан отодвинул входной полог и вылез наружу. Как раз в это мгновение несколько степняков раскладывали на земле близ шатра груды оружия и доспехов и подводили к коновязи лошадей.

— Это для тебя и твоих товарищ, — проговорил один из воинов. — У тебя будет еще девять сменных лошадей, а у твоих людей — по пять. Когда захочешь посмотреть на них, я покажу загон, где стоят кони твоей полусотни.

Конан осмотрел трех скакунов и выбрал себе самого рослого и сильного жеребца. Седла на всех трех лошадях были одинаковые — простые толстые войлочные попоны. Широкие кожаные петли служили стременами. Доспех по росту Конан подобрать себе не смог и взял на заметку, что не худо бы отыскать Бориу и попросить назад свои кольчугу и шлем. Вендийский меч, которым киммериец сражался накануне, тоже оказался здесь. Конан повесил оружие на пояс, а кроме того, взял кинжал с широким лезвием. Еще тут было множество так любимых кочевниками войлочных шапок, прикрывающих шею и уши, но Конан их игнорировал. Зато весьма обрадовали его мягкие сапоги с загнутыми острыми носками. И еще он взял просторную рубаху с длинными рукавами.

Были здесь даже кое-какие украшения. Конан выбрал пару широких браслетов, сделанных из какого-то светлого сплава, с изображением сражающихся орлов. Убедившись, что наконец-то выглядит не как пленный оборванец, а соответственно своему новому чину, киммериец приступил к осмотру луков. Их было по два на каждого воина. Лежало оружие в расшищих цветной тесьмой колчанах. Конан вытащил один лук и принял внимательно рассматривать.

Дуга без тетивы выглядела весьма впечатительно. По устройству лук походил на те, к которым Конан привык. Лучники из Кофа, Турана и Шема пользовались почтой такими же, только этот раза в полтора толще и гораздо мощнее. Конану не терпелось взять оружие на стрельбище и испробовать, но пока имелись дела поважнее. В груде оружия Конан приметил аркан. Точно таким же киммерийца пленили степняки. Что ж, надо прихватить и аркан! Эту штуку необходимо освоить, чтобы больше не попадать в дурацкие переделки...

Конан вернулся к шатру.

— Вставайте, лентяи! Дел невпроворот!

Зевая и потягиваясь, из шатра вылезли оба сотоварища. Рустуф вытаращил глаза:

— Да ты изменился в лучшую сторону, с тех пор как я тебя в последний раз видел. — Тут он выступил глаза еще больше: — А это что? Добыча? Мы ведь только еще собираемся сражаться!

— Одевайтесь и берите оружие, — буркнул Конан. — Я хочу глянуть на своих новых подчиненных.

— Ну вот, ты уже заговорил как командир, — посетовал Рустуф, натягивая сапоги. Он выбрал иранистанскую стеганую куртку, в которую между слоями ткани вшиты стальные пластины. Стоячий воротник надежно защищал шею и затылок. Фауд тоже нашел себе оружие и доспехи по вкусу. Все трое оседлали коней.

— Как приятно снова чувствовать себя воином, — произнес Рустуф с видом человека, вновь обретшего согласие с окружающим миром.

— Не думай, что это так просто, — предупредил Конан, — Гирканийцы вообразили, будто они — властители мира. И им не по нутру придется верховодство чужеземца. Нам надо будет ежедневно доказывать, что мы не лыком шиты.

— Это не трудно, — отмахнулся Рустуф. — На самом-то деле козаки — вот кто подлинные властители мира! Я заставлю кочевников считаться с этим.

Бравые вояки последовали за слугой к одному из дальних участков близ границы гирканийского бивака. Возле небольшого костра сидело несколько степняков. Другие бродили поодаль. Воины пили и беседовали. Никто и ухом не повел, когда появились трое чужеземцев.

— Это твоя полусотня, господин, — сообщил слуга.

— Пока еще нет, — пробормотал Конан, — но будет моим. — Он спешился и подошел к гирканийцам. Зычный голос варвара ударил по барабанным перепонкам степняков, как камень, выпущенный из катапульты: — Встать, когда к вам подходят командир!

Кочевники чуть вздрогнули и посмотрели на чужака с любопытством. Один нехотя поднялся на ноги и встал лицом к лицу с Конаном.

— Почему это мы должны подчиняться чужестранцу?

— По двум причинам, — пророкотал Конан. — Во-первых, я самый сильный и самый умный из вас. Во-вторых, и это главное, такова воля великого кагана. Если вы и впрямь не хотите мне подчиняться — попробуйте убить меня. Может, некоторые из вас и останутся после этого в живых. Но тогда им придется убить еще и Бартатую, потому что он не тот человек, чтобы так просто спустить неповиновение.

Степняк, стоящий перед Конаном, отступил на шаг назад.

— Мы не хотели тебя обидеть, командир, — смутился он. И повернулся к сидящим позади: — Вы слышали, что сказал командир полусотни? Встать! — Воины поднялись, хотя и не спеша, но и без вызывающей медлительности.

— Так-то лучше, — одобрил Конан. — Слушайте меня. Я — Конан из Киммерии. Я сражался во многих битвах под знаменами разных полководцев. Я служил во всех чинах, от простого пехотинца до капитана. Я умею командовать людьми и знаю, как уберечь солдат от бессмысленной гибели. Я никогда не прикажу вам того, чего не стал бы делать сам. Я справедлив, если мне беспрекословно подчиняются. Такого командира, как я, у вас никогда не было. Вы должны стать лучшей полусотней во всей орде. Постарайтесь для меня, а я постараюсь для вас. Клянусь Кромом, богом моего племени, а также Предвечным Небом. — Тут он воспроизвел жест, который перенял от Бории. Степняки ответили Конану тем же жестом.

Киммериец расхаживал среди воинов и внимательно разглядывал их. Судя по лицам и по одежде, кочевники принадлежали к самым разным племенам. Конан спросил у степняка, который попытался вначале бросить гагу вызов:

— Какой у вас боевой порядок?

— Нас прислали сюда вчера вечером, командир, и еще не разделили на десятки. Мое имя Гаюк, я буду твоим знаменосцем, — он указал на небольшой шатер неподалеку, увенчанный конским черепом и парой расставленных в обе стороны рогов яка. Концы рогов были посеребрены, с них свисали два черных конских хвоста.

— Сегодня, — сообщил Конан, — я проверю, как каждый из вас ездит верхом и стреляет.

Потом разделяю вас на десятки – в каждой назначу командира. А сейчас сходите в загон и позаботьтесь о своих конях. Впредь я не хочу видеть вас в такое время слоняющимися без дела. С восходом солнца, после завтрака, – ухаживать за лошадьми. Потом – боевые учения. Через час я проверю ваших коней. Чтобы все были вычищены, и горе тому, кто захочет увильнуть от работы.

Воины отправились выполнять приказ. В душе степняки были возмущены, что чужестранец учит их ухаживать за лошадьми, но вслух ничего не сказали.

– А ты умеешь командовать, Конан, – заметил Рустуф, когда они остались наедине. – Думаю, у тебя вам придется попотеть.

Конан обернулся к Фауду:

– Сумеешь распорядиться отрядом всадников?

– Наверное, смогу. Если степняками вообще можно командовать, – хмуро отозвался турانец. – Они ведь не имеют и малейшего понятия об армейской дисциплине! Десятники должны следить, чтобы их люди находились на нужном месте в нужное время. Они отмечают сигналы кагана и ведут бойцов туда, куда им прикажут.

– А как подают сигналы?

– Днем – флагами, ночью – фонарями.

– Они что, сражаются по ночам?

– Редко. Но иногда приходится совершать ночные переходы, чтобы утром застать врага врасплох. Во время переходов они пускают коней в галоп, часто меняя конвой. При таких ночных маршах очень важно поддерживать порядок, поэтому впереди войска едут сигнальщики с цветными фонарями.

– В смелости гирканийцам не откажешь, – нехотя признал Рустуф.

– Давайте посмотрим, каких лошадей нам выделили – предложил Конан.

Они подъехали к загонам и обнаружили, что скакунов им каган дал первоклассных. Степняки, с постными рожами, усердно драили лошадей. Ребята явно не приучены к такой работе. Но ничего, под тяжелой рукой киммерийца быстро насобачатся...

Конан решил завернуть на стрельбище. Там киммериец приметил знакомую фигуру. Это был Бория.

– Колесо счастья крутится так, что невозможно предсказать, – обратился к Конану воин, несколько пней назад захвативший его в плен. – Ты был моим пленником, а теперь ты мне ровня. Кстати, я принес тебе это, – он вытащил из дорожной сумки кольчугу киммерийца. – Я бы вернул коня и шлем, но увы, их я уже продул в кости.

– Ничего, я и этим доволен.

– Как поживают бродяги, которых тебе выделили под начало? Ими ты тоже доволен?

– Пока не очень, – признался Конан, – но я из них сделаю кое-что путное. Скажи-ка, Бория... прошлой ночью каган сказал мне, что даст людей из своей собственной орды. Но мои воины – точно не ашкузы.

Бория рассмеялся. Конан заметил, что гирканийцы во всем находят нечто забавное.

– Каган сказал правду. Но он берет в орду всех, у кого нет другого командира. Некоторые воины изгнаны из своих племен, другие уцелели, когда их отряды были разбиты наголову.

– Впрочем, не важно, – махнул рукой Конан. – Мне доводилось командовать парнями с весьма темным прошлым. Это не значит, что из них не выйдет хороших солдат. – Киммериец расстегнул пояс и принял напояливать кольчугу. Потом вновь подпоясался.

– Скажи-ка мне, – спросил он, одернув кольчугу и удостоверившись, что она хорошо

сидит, – ждать ли мне каких-то пакостей от твоего воина, Торгута?

– Торгут очень зол и вряд ли тебя забудет, – нахмурился Бория. – Но если он нападет на тебя, то в открытую. В спину он не ударит.

– Это все, что я хотел спросить.

– Ну тогда успехов, киммериец. Вообще-то тебе повезло. Но команда досталась – не позавидуешь! – Бория с резким смешком поскакал прочь.

Конан вытащил лук и подозвал своего знаменосца:

– Гаюк, мне нужно потренироваться. Посмотри, как я стреляю, и отметь все ошибки, если таковые будут.

– Сначала, – пустился в объяснения Гаюк, – наставь тетиву. Можно сделать это одному и вручную, но лучше воспользоваться особым снарядом. Или попросить товарища помочь. Каган выделил тебе лук, рассчитанный на двух человек. Сам он справляется с луком для троих. Снаряд этот, чтобы натягивать лук, должен быть в твоем колчане. Сейчас я научу тебя им пользоваться.

– Дай-ка я сам сперва попробую, – решительно сказал Конан. Он зацепил нижний конец лука левой лодыжкой и наступил на него. Взявшись за верхний конец, киммериец прижал лук бедром и согнул оружие. Многослойное дерево, из которого был сделан лук, затрещало, когда Конан вдел тетиву в верхний паз.

Гаюк заметно удивился:

– Ты очень силен, командир. Мало кто может так легко согнуть гирканийский лук.

Конан отошел на шаг и большим пальцем тронул тетиву. Шелковый шнур затрепетал, как струна лиры. На всякий случай Конан нашел роговое кольцо и надел его на большой палец, чтобы не пораниться о тонкую и прочную жилу.

– Запомни, когда луга согнута и в нее вдета тетива, дерево очень напряжено и может треснуть. Поэтому нельзя оставлять лук натянутым больше двух часов подряд. Вот зачем у тебя всегда будут два лука. На случай тревоги всегда держи один натянутым, а другой – ослабленным. В холодную погоду всегда согревай лук, перед тем как согнуть и вдеть тетиву, а не то он потрескается.

– Гирканийцы сами мастерят себе луки? – полюбопытствовал Конан.

– Нет, мы не умеем. Дуга состоит из нескольких слоев дерева, склеенных вместе. Они должны годами выдерживаться в специальных формах. Большинство луков сделано в селениях на севере Кхитая, у границы со степью. Есть деревни, где единственное занятие жителей – изготавливать луки для кочевников. Я видел мастерские, где в огромных деревянных формах выдерживаются сотни таких луков. Мы же не можем таскать их с собой во время наших странствий. Кхитайским мастерам повезло: они у нас под защитой, ни один полководец не осмелится их потревожить.

В это время гирканийские стрелки во всю лупили по отдаленным мишням. Они закидывали стрелы так высоко, словно охотились на птиц.

– Сперва, – советовал Гаюк, – попробуй вон ту мишень, – он указал на ветошь, болтающуюся на шесте в сотне шагов от них, – на ней у нас учатся стрелять мальчишки.

Конан выбрал стрелу и положил ее на тетиву. На Востоке стрелу кладут с правой стороны лука, а на Западе – с левой. Если стрелять по-восточному, можно выиграть время, поскольку не нужно тянуться к стреле через дугу.

Конан загнал тетиву между большим пальцем, на котором было роговое кольцо, и указательным. Медленно, стараясь почувствовать напряжение лука, варвар стал натягивать

тетиву, пока оперение стрелы не коснулось его уха. Тогда он отпустил тетиву и проводил взглядом стрелу, пролетевшую высоко над мишенью.

— Ты не учтиваешь величины лука, — объяснил Гаюк. — Когда мишень так близко, надо держать оружие пониже.

Близко! Лучшие лучники на Западе гордились бы, попав с такого расстояния. Конан попробовал еще, и на сей раз стрела задела верхний край мишени. Проделав с десяток выстрелов, киммериец уже попадал точно в центр.

— Ты начинаешь чувствовать лук, — заметил Гаюк, — теперь попробуй с двухсот шагов.

К тому времени когда солнце вошло в зенит, Конан с трехсот шагов чаще попадал по мишени, чем промахивался. Гаюк был поражен столь быстрыми успехами чужестранца.

— На сегодня хватит, — проговорил наконец Конан, ослабляя лук. — Завтра я начну тренироваться в стрельбе на скаку. А теперь собирай людей, и мы разобьем их на десятки.

Следующие несколько часов Конан наблюдал, как его воины скачут верхом и показывают всевозможные приемы и трюки. Любой гирканиец мог стоять в седле на полном скаку, многие стояли на голове или на руках. Большая часть умела стрелять из-под лошадиного брюха или из-за холки, обхватив бока коня ногами. Каждый мог на полном ходу расседлать коня и перенести седло, оружие и все пожитки на другого скакуна.

По совету Гаюка Конан разделил отряд на пять десятков так, чтобы наиболее искусные в стрельбе и верховой езде равномерно распределились между отрядами. Рустуф и Фауд получили в подчинение по десятку. Еще двумя десятками назначили командовать опытных воинов. Последний же десяток Конан взял себе, назначив Гаюка своим помощником.

Когда показавшийся таким длинным день стал клониться к закату, киммериец обратился к своим воинам:

— То, как вы держитесь в седле и стреляете, мне понравилось. Но в бою приходится сталкиваться и кое с чем другим. Завтра, после учений на стрельбище, мы хорошенько потренируемся с мечом и пики. Все мои люди должны овладеть этим оружием.

Ответом послужили тоскливые взгляды, но никто не протестовал вслух. Гирканийцы не очень-то высоко ценили меч и пику: их использовали, только чтобы добивать поверженных врагов, на которых жалко тратить стрелу.

Едва киммериец отпустил своих бойцов, как невдалеке показалась одинокая фигура незнакомого всадника. Все гирканийцы были превосходными наездниками, но этот степной воин буквально сливался с конем в некое единое целое. Киммериец нисколько не удивился, признав во всаднике самого Бартатую. Каган не позабылся взять с собой охрану, да и оружия у него не было, кроме разве что кинжала за поясом.

— Приветствуешь тебя, каган, — сказал Конан.

— Приветствуешь тебя, киммериец. Слышал, ты успешно вступил в должность.

— У тебя всюду есть глаза и уши, каган, — заметил Конан. Бартатая усмехнулся:

— Слепой и глухой каган никому не нужен. Никогда нельзя об этом забывать... Приходи сегодня вечером ко мне в шатер. Я буду пировать со своими вождями. Мне нужно будет кое-что с тобой обсудить.

Каган развернулся и поскакал прочь, предоставив Конану гадать, с какой это стати могущественный властитель оказывает такую честь простому полусотнику.

Пир в тот вечер оказался поскромнее, чем накануне. Вожди расселись вокруг помоста Бартатая. Конан нашел себе местечко с краю стола; спиной он опирался о каркас шатра. Еду подавали если и не экзотическую, то во всяком случае обильную, и Конан жевал с

аппетитом. Но пил он умеренно: слишком неустойчиво пока его положение в гирканийском воинстве, чтобы позволить себе расслабиться.

Он поникал, что соседи вовсе не склонны общаться с ним, презренным чужестранцем. Впрочем, бывалому варвару не привыкать к такому положению. И Конан воспользовался вынужденным одиночеством, чтобы повнимательнее рассмотреть общество, где волей судьбы оказался.

Он заметил, что люди, схожие по облику, одежде я вооружению, держатся кучно и стараются не смешиваться друг с другом. Объединяла их, похоже, лишь верховная власть Бартатуи. Обычаи также были несходны друг с другом. В одной компании жадно набрасывались на горячее мясо, в другой – от такой пищи с отвращением отворачивались. Некоторые покрывали лицо и тело обильной татуировкой, у других такого в заводе не было.

Внимание Конана привлекла одна из таких групп. Это были степняки с длинными, заплетенными в косички волосами. Бороды они чисто брили или выщипывали. Костюмы их представляли собой удивительную смесь лохмотьев, украшений и, как киммериец с удивлением заметил, обрывков женских нарядов. Они были увешаны костями животных и амулетами. Многие принесли с собой барабаны, флейты и трещотки.

Конан без особого труда распознал, что это за братия. Наверняка шаманы, колдуны и целители, жрецы диких, темных культов. Место, которое они занимали за столом, было не самым почетным, но Конан и этому не удивился. Мало у каких народов, известных киммерийцу, между жрецами и царями не было соперничества и борьбы за власть.

Когда пир уже близился к завершению, к Конану подошел слуга и тихо сказал:

– Каган просит тебя остаться, когда другие уйдут, господин. Вскоре гости стали покидать шатер, многие нетвердо держась на ногах. Некоторых даже приходилось нести. Пьянство было настоящим бичом степных кочевников, и именно поэтому Конан считал особенно важным сохранять трезвую голову, пока находится среди них. Вскоре гости разошлись, и в шатре остались только Конан и Бартатуя.

– Подойди сюда, киммериец, – позвал каган, – садись. Конан сел на подушку рядом с вождем и взял предложенный хозяином кубок. Вдруг он заметил легкое движение позади помоста, где сидел Бартатуя. Кто-то прятался за шелковой занавеской, ведущей в покой кагана.

– Вчера вечером я увидел, что ты хороший боец. Сегодня ты показал себя еще и способным командиром. Это хорошо. У тебя сильные руки и сильная воля. Но сила разума для меня важна не меньше. Раз ты теперь мне служишь, я хочу воспользоваться и твоей головой.

– Я понял, каган, – кивнул Конан. – Что ты хочешь услышать?

– Ты много путешествовал по западным странам?

– Я побывал во всех странах Запада, забирался также и далеко на юг. Я плавал и по Морю Запада, и по морю Вилайет. С детских лет я странствую и никогда не сидел на одном месте больше нескольких месяцев. Душа моя тоскует по новым приключениям.

– Хорошо. Я хочу услышать побольше о дальних странах. Раньше мне о них рассказывали в основном бродячие торговцы. Они все знают о купле-продаже, знают, какие короли собирают самые обременительные налоги, какие чиновники больше всего склонны к мздоимству. Все это полезные сведения, но, когда я хочу выяснить, как в этих странах устроено войско, какие гарнизоны стоят в крепостях, как даются командные должности – по заслугам или за происхождение, от рассказчиков мало толку. Теперь ты знаешь, как

сражается моя орда. В каких землях на Западе это нам пригодится?

Конан на некоторое время задумался, мысленно рисуя карту знакомого ему мира. Мало кто в его время так много путешествовал.

— Страны к западу от моря Вилайет и к северу от Стикса — Коф, Шем, Коринфия, Офир и более мелкие княжества — населены в основном пастухами. Замора, Бритуния и Немедия — то же самое. Там мало рек, есть широкие равнины... В этих землях ваше боевое искусство сослужит добрую службу. Но дальше, за Немедией и Офиром, лежат Аквилония, Пуантен, Зингара и Аргос. Они перерезаны широкими реками, там много горных хребтов с глубокими долинами. Страны эти плотно заселены, там есть большие города, и в каждом своя крепость или замок. Думаю, что там твоему войску придется трудно.

— А к югу от Стикса? — спросил Бартатуя.

— Ну, во-первых, Стигия. Ни один полководец в здравом уме не станет с ней связываться. Это родина колдунов и царей-жрецов, которые поклоняются древнему богу-змею Сэту. К югу от Стигии лежат Черные Королевства. Там твои всадники станут беспомощны, как дети.

— А что, черные люди такие свирепые? — удивился Бартатуя.

— Достаточно свирепые, но их немного. И главная беда не от них. Сама земля там враждебна — дремучие джунгли, такие густые, что часто приходится ножом прорубать себе дорогу. И непрерывные дожди. Все вещи из ткани и кожи быстро гниют от избытка влаги, люди умирают один за другим, а кони и того быстрее. Если ты сунешься туда со своей ордой, через шесть месяцев лишишься половины войска и всех лошадей. Покорить эти страны можно, только набрав войско из местных жителей.

— Такие вещи полезно знать заранее, — отметил каган. — Пройдет еще некоторое время, прежде чем я пойду походом на западные страны. Но рано или поздно до этого дойдет дело. К тому времени у меня будет, кроме конницы, армия пехотинцев, набранная в покоренных странах. У меня будут самые искусные инженеры из Кхитая, со своими осадными машинами и военными хитростями. А уж когда я пойду на Черные Королевства, я соберу такое огромное войско, что даже если половина погибнет от болезней — хватит второй.

Конан отпил вина.

— Если я правильно понял, ты задумал завоевать весь мир?

— Да, я сделаю это, — просто ответил каган.

Конан внимательно вглядывался в лицо этого странного человека. Нет, в глазах Бартатуи не было безумного блеска. То, что он станет властелином мира, для него так же само собой разумелось, как ежедневный восход солнца над степью.

— Я родился в мире, где царит беспорядок. Человечество разделено на безумное множество народов и царств, которые попустуссорятся меж собой. А управляет ими глупцы. У них одно достоинство — высокое происхождение. Как будто царственность в людях можно вывести путем отбора, как ревность у лошадей или тучность у скота.

— Я тоже никогда не видел большого толку в родовой знати, — согласился Конан. — У киммерийцев все равны, И каждый мужчина — воин. Родовые вожди носят имя рода, но военным предводителем становится тот, кто отличится в деле, — будь то вождь или пастух.

— У нас почти так же. Как же можно мириться с этой бессмыслицей? Если одни Предвечные Небеса осеняют землю, то и царь над ней должен быть один, И моя судьба — стать этим царем. А тому, кто поможет мне, неплохо заживется в моем новом царстве. — Бартатуя мечтательно зажмурился, затем продолжил: Сначала мне пришлось объединить мелкие степные племена. Это была нелегкая задача. Ты же видел, какие они разные и как

недолюбливают друг друга. Одни едят конину, другие считают этот святотатством. Рыжеволосые будини величайшие в мире пьяницы, а герулы, которые покрывают себя зеленой татуировкой, говорят, людоеды. Сколько сил потребовалось, чтобы собрать таких строптивых людей в одно войско!

— По-моему, им нравится воевать под твоим началом, — вставил Конан.

— Да. Как только я дарую им большую победу и большую добычу, они будут моими и забудут свои пустяковые ссоры, потому что так повелел я. Я стану Учи-Каганом, верховным повелителем, — первым за многие поколения степных вождей.

Каган откинулся назад. На мгновение установилась тишина.

— Ну ладно, — нарушил молчание гирканиец, — перейдем к делам дня сегодняшнего. Ты умеешь читать на каких-нибудь языках Запада?

— Не велик я грамотей, — буркнул Конан. Потом добавил: — Но все же могу читать на нескольких наречиях. Лишь глупцы уверяют, будто от книг мужчина слабеет.

— Мудрые слова. Читаешь ли ты по-турански?

— Я служил в Туране в офицерском чине. А там нельзя стать офицером, не умея читать.

Каган достал из-за пазухи небольшой свиток:

— Мои воины перехватили это ранней весной у гонца, скакавшего из Хоарезма в Согарию, Гонец погиб, а никто из моих приближенных не умеет читать по-турански. Переведи.

Конан развернул документ и начал читать. Он быстро вспомнил буквы, хотя уже прошло немало времени с тех пор, как он в последний раз имел с ними дело.

— Это послание от царя Ездигерда к его восточному союзнику, князю Туранскому. В нем говорится, что царя очень беспокоит местонахождение некоего туранского колдуна, изменника и смутьяна по имени Хондемир, учинившего предательский заговор против Ездигерда и бежавшего из страны, когда мятеж провалился. Если он объявится где-то во владениях князя, то царь просит арестовать его и выдать царским посланцам, дабы они доставили его в Туран для суда и наказания. Дальше идут обычные пожелания. — Он вернул свиток Бартатуе. — Выглядит так, будто это послание по несколько раз переписывали писцы, меняя только имена адресатов и названия стран. Потом его рассылали во все соседние державы.

— Значит, Ездигерд тоже не ладит со своими жрецами, — пробормотал себе под нос каган.

Конан промолчал. Воевать под началом кагана — одно, а уж встревать в его ссору с шаманами...

— Согария — наша ближайшая цель, — громко заговорил Бартатуя. — С нее начнется завоевание мира. Ты не догадываешься, почему я выбрал именно ее, а, киммериец?

— Как и все города на караванных путях, — пожал плечами Конан, Согария очень богата, там есть чем поживиться.

— Верно, — согласился Бартатуя. — А еще? Конан призадумался:

— Такие города не привыкли к войне, их довольно легко покорить. Твоим людям придется научиться вести осаду.

— И это тоже, — кивнул Бартатуя. — А еще — это самый западный из торговых городов. Через него с Востока на Запад проходит большая часть товаров. И все сведения — тоже. Когда я двинусь походом на запад, я смогу заранее распустить там любые слухи о себе и своем войске.

Конан понимающе хмыкнул. План был удивительно глубок для простого вождя кочевников. Наверняка Бартатуя – помимо собственных недюжинных способностей – пользовался советами кого-то неопытнее в таких делах.

– Чем же я сейчас могу быть тебе полезен?

– До начала похода осталась пара дней, так что ты подтяни своих воинов. Потом я пошлю тебя с набегом в согарийские владения. Кроме самого города, там есть только деревни и маленькие крепости со своими гарнизонами. Ты должен взять несколько крепостей и устрашить население. Надо, чтобы люди из разоренных селений сползались в Согарию. У меня есть на их счет кое-какие планы.

Каган беспокойно заерзал на подушках, будто ему не терпелось приступить наконец к завоеваниям и одержать свои первые победы.

– Теперь иди. Всегда будь готов к бою. И помни, что мой глаз повсюду следит за тобой, киммериец.

Конан встал и поклонился. Уходя, он вновь заметил слабое движение ткани за спиной Бартатуи. Когда киммериец ушел, Лакшми вынырнула из-за занавеси.

– Зачем ты тратишь столько времени на простого полусотника, мой господин? – Она сбросила просторные одежды, и сейчас на ней не было ничего, кроме набедренной повязки и украшений. Лакшми села у ног Бартатуи и запустила свои пальцы в его длинные, черные как смоль волосы.

– Он забавный человек... Пришел из далекой страны, о которой я хочу узнать побольше. А еще он умен, в отличие от большинства этих грубых скотов, которыми я командую. И потом, он обязан своим положением только моей милости. Друзей у него здесь нет. Он не опасен.

– Все же тебе не стоило посвящать в свои планы простого искателя приключений. – Она повернула голову и потерлась о его руку.

– Я не делаю из них никакого секрета, – сказал каган. – Какой в этом смысл? Мудрые и осторожные цари и без того укрепляют оборону страны. А слабые дураки не обратят внимания, даже если я прямо объявию, что хочу покорить их царства. Характер человека – это его судьба. Глупец умрет глупой смертью, как бы его ни предупреждали.

– Ты мудр, господин мой, – проговорила Лакшми, – но самыми сокровенными планами тебе следует делиться только со мною.

Каган немного подумал.

– А что ты думаешь о послании Ездигерда к Амиру Джелайру – про этого колдуна... как его – Хондемира? Это может нам как-то пригодиться?

Лакшми безмятежно пожала плечами:

– Не знаю как. Мы ничего не знаем о том, как связан этот колдун с Ездигердом. Да и неизвестно, где он – в Согарии или где-то в тысяче лиг от нее.

– Значит, это бесполезно? Жаль.

– Как я уже многократно говорила тебе, господин мой, любое знание полезно. Когда-нибудь ты убедишься в этом.

– Ладно, хватят деловых разговоров, – улыбнулся Бартатуя. – Я бы сейчас занялся кое-чем поприятнее. – И он заключил наложницу в могучие объятия.

ГЛАВА 7

— Веревку, — объяснял Гаюк, — плетут из конского или же человеческого волоса. Говорят, что лучшая веревка получается из волос врага. На одном конце делают петлю и продевают сквозь нее другой конец веревки. Так получается аркан. Первое, чему надо научиться, — это управляться с арканом. А потом — забрасывать его на дальние расстояния.

Конан вполуха слушал "арканный" урок Гаюка, то и дело бросая взгляды на своих воинов, обучавшихся ратной премудрости. Половина из них под началом Рустуфа упражнялась с мечами, отрабатывая удары на здоровенных тыквах, посаженных на кол. Остальные учились у Фауда владеть пикой. Фауд когда-то служил в отряде улан туранской кавалерии, и в бою на легких пиках ему не было равных.

— Работайте, конееды, работайте! — яростно гремел Рустуф. — Незачем разрубать врага с плеч до поясницы! Рассеките на три дюйма ему глотку — и все, он мертвец. Да и потом, с вашими мечами это гораздо проще.

Конан попытался забросить аркан быстрым, незаметным движением, как учил Гаюк. Веревка скользнула в воздухе, петля расширилась и захватила намеченную киммерийцем коновязь. Крутанув запястьем, он сорвал петлю и отдернул аркан.

— Теперь попробуем движущуюся мишень, — сказал Гаюк. — Вот тот раб на коне, к примеру... — Но тут Гаюк осекся, поскольку слуга-наездник спешил к ним с каким-то срочным делом, Всадник поравнялся с Конаном, дернул поводья и крикнул:

— Каган требует тебя к себе в шатер, полусотник.

Конан направился в сторону высокого штандарта, украшенного девятью белыми конскими хвостами. Бартатуя сидел возле большого шатра, окруженный младшими командирами и полусотниками. Конан поприветствовал кагана.

— Сегодня, — объявил Бартатуя, — мы выступаем в поход. Каждому из вас выделяется укрепление или участок земли с прилегающими деревнями — они даются вам на разграбление. Помните: резни не устраивать, разве что если вам окажут стойкое сопротивление. Но и осторожничать сверх меры не надо: городские заморыши должны усвоить, что мы непобедимы. Нельзя, чтобы они считали нас трусами или неженками. Если увидите, что у них что-то на уме, убивайте без разговоров.

Каган указал на небольшую группу конников с черными перьями на шлемах, под штандартом, украшенном орлиными крыльями.

— Разведчики как раз вернулись из согарийских земель. Каждому отряду будет придан в помощь один разведчик — они поведут вас к назначенным местам. Теперь идите — получите участки действий и подробные распоряжения. Двинетесь в путь сегодня до заката.

Вернувшись к своему отряду, киммериец увидел, что воины уже подготовились к походу. Как всегда в военных лагерях, известие о начале кампании распространилось со скоростью степного ветра.

— Куда мы направляемся, капитан? — с улыбкой спросил Рустуф.

— Маленькая крепость под названием Кульм, на берегу реки, возле северной границы согарийских земель, — ответил Конан.

— Сколько с нами пойдет народу?

— Только мы одни.

— Всего пятьдесят человек на целую крепость! — невесело усмехнулся козак.

— Каган хочет испытать нас. — Конан повысил голос, обращаясь к всему отряду: — Выступаем через час. Пусть каждый соберет своих лошадей и нужный припас на дорогу.

Воины переговаривались между собой, думая, уж не сошел ли с ума их командир. Но они уже привыкли держать такие мысли при себе. Степняки упаковали все свое имущество, включая одежду, и на скорую руку подготовили еду. Когда солнце стало клониться к закату, отряд киммерийца двинулся в путь. Вместе с ним лагерь покинула половина войска. Около часа полусотни всадников шли вместе, а потом двинулись каждая к своему месту назначения. Каждый отряд вел разведчик с черным пером на шлеме.

Солнце уже готово было опуститься за горизонт, когда разведчик, ехавший впереди Конана, свернул налево, и киммериец со своими людьми последовал за ним. Несколько минут полусотня конников молча продвигалась по сумеречной степи.

Конан наконец-то почувствовал себя полностью свободным. Вот так воевать было по сердцу отважному варвару: под началом отдельная команда, он сам себе голова. Нет над ним ни надоедливых командиров, ни царедворцев, во все сующих свой нос. В регулярных армиях такое не часто встретишь!

Когда совсем стемнело, они сделали привал. Нестись галопом ночью лишний риск, каган этого не любит. Они и без этой крайней меры сумеют обрушиться на врага внезапно. Разведчик доложил, что Кульм меньше чем в двух часах пути. Гарнизон охраны не выставил. Раз никто не следил за ними, Конан разрешил развести несколько маленьких костров, чтобы приготовить ужин. Несколько воинов отправились собирать хворост, остальные расселись кругом и предались дикой игре — обычному развлечению в походах. У степняков имелись бурдюки с темным кобыльим молоком — ничего крепче киммериец не разрешал.

Конан и Рустуф сидели у костра. Воины принесли им мяса, как только оно зажарилось.

— Значит, наш каган желает стать царем всего мира? — ворчал козак. Только вот есть и другие, кто лелеет подобные планы!

— Он ближе, чем другие, к этой цели, — ответил Конан. — Только понимает ли он, как велик мир? У него много всадников, но, чтобы обскакать вокруг света, и их маловато.

Козак почесал в затылке:

— Ну, если он двинется на Запад, у него будет подмога. Козаки пойдут с ним против Турана. Коф и Шеи — тоже, а может, и Офир с Коринфиеей. Вряд ли страны Запада забудут свои распри и объединятся против гирканцийцев.

— Я тоже так думаю, — кивнул Конан. — Но каган сначала собирается завоевать Кхитай, а потом Вендию. Л эти страны так обширны, что ему потребуется лет десять, а то и больше, прежде чем он сможет начать войну на Западе. А к тому времени все может измениться. Надеюсь, что та война будет для Бартатуи счастливой, — если он, конечно, доживет.

Всадники уже часа два двигались шагом. Солнце окрасило степь предрассветным багрянцем, и разведчик-проводник остановил отряд. Он указал на небольшую возвышенность впереди.

— За холмом, — проговорил воин, — вы сразу увидите крепость.

— Ждите все здесь, — приказал Конан Гаюку.

И понесся вверх по склону холма. Потом остановил коня и спешился, не доезжая до вершины. Киммериец прошел еще десяток шагов, затем лег на землю и последние несколько ярдов прополз на животе. Прямо под холмом расположилась крепость; она была построена в изгибе мелкой речушки, скорее даже ручья. Ручей порос тростником и камышом; он огибал холм и протекал как раз мимо того места, где Конан оставил свояк людей.

На другом берегу, рядом с крепостью, проходила узкая дорога. Конан заметил облачко пыли, появившееся вдалеке и движущееся в сторону крепости. Сами укрепления выглядели не слишком-то впечатляюще; простая глиняная казарма вмещала гарнизон человек в триста. Стены футов в пятнадцать, не выше. Защитного рва и вовсе нет. Это был скорее всего не настоящий оборонительный рубеж, а просто опорная точка, чтобы высыпать вдоль границы конные патрули.

Облачко пыли тем временем отметило появление отряда конников. Ехали они без особой спешки. Было их человек пятьдесят, вооруженных массивными пиками, в золоченых латах, с разноцветными перьями. Они въехали в крепостные ворота, и те со скрипом затворились за ними.

Конан уже собирался возвращаться обратно, когда увидел другое облачко пыли, совсем маленькое, появившееся на дороге с другой стороны противоположной той, откуда прискакал вооруженный отряд. Это одинокий конник. И летит он во весь опор. Должно быть, гонец. Интересно, что за весть он несет?

Конан все так же, на животе, отполз прочь с гребня холма и прыгнул в седло. Люди его были слишком далеко, чтобы он мог позвать подмогу. Поэтому киммериец, недолго думая, на глазах у удивленных воинов во весь опор ринулся вниз по ближайшему склону. Здесь он оставался вне поля зрения защитников крепости. Рассудив, что расстояние слишком велико и нет нужды таиться, Конан перемахнул отрог холма. Теперь да был на другом склоне.

Конь киммерийца без труда перебрался через ручей. Животному хотелось сделать остановку и попить воды, но Конан направил его на дорогу. Вестник несся галопом, Конана отделяла от него сотня-другая шагов. На голове всадника было что-то вроде тюрбана, украшенного многочисленными желтыми перьями. Он поймал взгляд великана варвара, выехавшего на середину дороги и ставшего у него на пути.

— Дорогу посланцу князя! — закричал всадник, сдерживая лошадь. — Отойди в сторону, парень, или княжеский гнев падет на тебя. Становиться на дороге у княжеского посланца — за это полагается смерть!

Глаза вестника расширились, когда он понял, что перед ним чужеземный воин, вооруженный большим луком, какие носят кочевники. Пришпорив коня, он попытался проскочить мимо.

Киммериец устремился в погоню. "Охота" была недолгой — конь вестника устал. Достав из седельной сумки аркан, с которым еще вчера упражнялся, Конан сделал широкую петлю и, как учил Гаюк, кинул скользящим движением. Меткая, как стрела, петля упала вестнику на голову и затянулась у него на груди. Конан изо всей силы дернул веревку.

Гонец, как пробка из бутылки, вылетел из седла и с грохотом шлепнулся на землю. Конь незадачливого наездника пробежал несколько шагов с пустым седлом и остановился. Конан подошел к лежащему на земле пленнику: парень на пару минут вырубился, но в общем-то особо не пострадал. Хотя мог! Конан поднял сумку гонца и достал из нее цилиндрический футляр из золоченой бронзы. Вот что так спешно вез этот несчастный!

В футляре был свернутый лист пергамента. Развернув его, Конан увидел неизвестные ему письмена. Проклиная все на свете, он положил пергамент обратно в футляр, сел на коня, а лошадь вестника взял под уздцы. Самого пленника он перекинул через седло и направился обратно к отряду.

Когда Конан появился из-за холма, Рустуф встретил киммерийца довольной улыбкой;

— Хорошо, что ты жив-здоров, Конан. Гирканийцы прямо-таки обалдели от твоего

исчезновения. Пошли уже разговоры, будто ты предал кагана и переметнулся к согарийцам. Для нас с Фаудом дело могло принять дурной оборот.

— С меня хватит, если мне будут подчиняться, пока я в лагере, отмахнулся Конан. — А хранить мне верность, пока я отсутствую, — это уж слишком! Таких вещей требовать нельзя.

— Кого это ты нам приволок? Пленного?

— Гонец. Княжеский посол, — объяснил Конан. — Только вот письмо, что он вез, я прочесть не могу.

— Ну да мы и без письма разберемся, что к чему, — уверил его Рустуф.

Гирканийцы рады были видеть пленника и предвидели славную забаву.

— Прежде всего посмотрим, как будет вести себя этот человек, — приказал Конан. — Если он нам поможет, то вреда причинять ему не стоит.

Гирканийцы крайне удивились такому странному добросердечию, но им хотелось угодить своему командиру. Вскоре согариец пришел в себя. Он озирался с таким удивлением и страхом, будто вокруг собирались не люди, а некие кровожадные чудища.

— Послушай, парень, — проговорил Конан. — Ты мой пленник. Я хочу задать тебе несколько вопросов. Говори свободно и честно, и тебе не сделают ничего дурного. Будешь врать или запинаться — мои люди потолкуют с тобой. Они большие мастера развязывать языки.

Пленник тяжело вздохнул:

— Спрашивай, что тебе надо. Знаю я мало, большого толку тебе от меня не будет.

Конан усмехнулся:

— Это уж предоставь решать мне. Знаешь ли ты, какую весть нес?

— Я ехал к командиру кульмского гарнизона. Должен был сообщить ему, что степные кочевники вторглись в согарийские пределы. Только для вас это едва ли новость.

— Точно! А были особые распоряжения для командира?

— Сражаться до конца и лучше умереть, чем уступить пядь согарийской земли.

— Так всегда говорят, — хмыкнул Рустуф. — Покажите-ка мне солдата, который принимает эту блажь всерьез.

Что-то в рассказе гонца смущило Конана.

— Когда князь Согарии узнал, что кочевники идут на его страну?

— Три дня назад город стал готовиться к осаде. Меня послали предупредить о нападении три крепости. Кульм — последняя.

"Похоже, — подумал Конан, — что гирканийцы не так быстры и неуловимы, как о них говорят. А может, предатель — в самом войске кагана? Предатель, знавший, что первый удар будет нанесен именно по Согарии..." Киммериец оставил свои подозрения при себе.

— Велик ли кульмский гарнизон? — вновь обратился он к пленнику.

— Да такой же, как в других княжеских крепостях. Кавалерийский эскадрон, человек двести пятьдесят.

Конан прекрасно знал, что такие вот испуганные пленники всеми силами стараются сохранить свое достоинство. Поскольку этот парень как бы ничего и не выдал, кроме обычных сведений, он, в собственных глазах, вроде и не совершил предательства.

— А командир — опытный воин?

— Он сын придворного сановника. Впрочем, как и многие командиры в нашей армии. — Пленник сообщил об этом, как о чем-то само собой разумеющемся и незначительном.

— Свяжите его, — приказал Конан. — Я еще поговорю с ним. Во взгляде пленника

сквозило явное облегчение. Степняки покрепче скрутили согарийца.

Конан окинул взглядом ландшафт. Там, где ручей огибал левый склон холма, росли невысокие деревца. Киммериец отметил их про себя и обратился к воинам:

— Идите вон на тот склон, нарубите там коротких кольев и насобирайте несколько охапок тростника. Только осторожно, не попадитесь на глаза согарийцам. Теперь — быстрее.

Кочевники, не веря своим ушам, пошли выполнять приказ. И конечно, они опять подумали, что их чужестранец-командир — чокнутый.

В полдень гирканийцы обогнули холм и переправились через ручей. Через несколько минут они были уже возле стен крепости. Их встретили звуки горна и барабанный бой; ворота были заперты. Киммериец бесстрашно подъехал к крепости и остановился в пяти шагах от стены.

— Командир крепости! — прокричал Конан. — Вызываю вас на переговоры!

Вскоре на стене появилось несколько воинов. Один из них, в золоченых доспехах, с пышным пломажем на шлеме, крикнул:

— Кто вы? И что все это значит?

— Бартатуя, вождь ашкузов и законный государь всего мира, приветствует вас, — как можно громче заорал Конан. — Мой господин пришел занять свое законное место как правитель Согарии и других городов по караванному пути. Я капитан Конан, родом из Киммерии, предлагаю вам сдаться перед лицом превосходящих сил. Примите мои условия — и вам сохранят жизнь.

Наступило молчание. Тем временем стрелок на стене, явно недостаточно дисциплинированный, чтобы дожидаться приказа, натянул тетиву и стал целиться в Конана. Рустуф рявкнул короткую команду — произнес одно слово, и десяток кочевников вскинули луки. Согарийский стрелок свалился со стены и с глухим звуком упал в песок на глазах у защитников крепости. Десяток стрел пронзили бедолагу насквозь, будто его доспехи были сделаны из бумаги.

Конан продолжал невозмутимо восседать в седле, словно ничего не случилось.

— Жду вашего ответа.

— Неужто вы всерьез? — воскликнул командир, — Вы величаете себя капитаном, а на деле у вас под началом, я вижу, всадников пятьдесят или того меньше. Как же вы хотите, чтобы я уступил такому незначительному отряду?

Кован криво усмехнулся: он понял, что победил. Командир отнюдь не отказывался сдаться, он лишь не хотел уступать крепость малочисленному врагу.

— Это лишь моя телохранителя, — крикнул Кован. — Я пришел сюда в их сопровождения, чтобы дать вам возможность сдаться достойным образом, как подобает. Вот моя армия!

Головы всех согарийцев повернулись туда, куда указал киммериец. На холме, откуда Конан наблюдал за крепостью, можно было ясно различить нескольких всадников. Они ехали по пологому левому склону, переводили коней через высокий гребень и, спускаясь по правому отрогу, пропадали из виду в зарослях тростника на берегу ручья.

Конан видел, как шевелятся губы защитников крепости: они считали своих врагов, а тем будто конца не было — чем больше их пропадало в зарослях, тем больше появлялось на левом склоне.

— Сейчас они напоят коней и станут лагерем в условленном месте на берегу. Я это говорю, чтобы у вас было время выйти и встретить нас с боем в чистом поле, прежде чем мы подведем осадные машины. Я вижу, вы горды и все как один готовы умереть за своего князя,

хоть он и не удосужился предупредить вас об опасности. А нас короткая битва избавит от скучной работы – штурмовать вашу крохотную крепость завтра поутру.

– Не надо так торопиться, капитан! – откликнулся командир крепости. – В сущности, это ведь и не крепость в полном смысле слова. Так, опорная точка, чтобы выслеживать жалких разбойников, что бродят здесь по степи. Наше настоящее дело – защищать Согарии. Если вы позволите нам вернуться в город и участвовать в его обороне вместе с основными силами... что ж, я рассмотрю ваши условия.

– Отлично! – ухмыльнулся Конан. – Вы должны все одновременно сложить оружие. Лошади, припасы, оснастка – вес остается в крепости. Да, и дорогие вещи тоже. Каждый может взять с собой один плащ, пару штанов и пару обуви. Перед уходом всех обыщем, так что надеюсь, никто не попытается унести на себе что-нибудь лишнее. Не забудьте – я бы мог вас и вообще без одежды оставить. И еще кой без чего! Мои ребята, знаете ли, собирают на память человеческие...

– Я принимаю ваши великодушные условия, капитан Конан! – с чувством воскликнул командир. – Мы сдаемся!

Не успели спустить лестницы, а защитники крепости уже слезали со стен, натыкаясь на ходу на собственные мечи и копья. Несколько минут спустя ворота открылись, и безоружные согарийцы стали выходить поодиночке. Конан выделил десять воинов, чтобы обыскивать сдавшихся врагов. Тем временем остальные его люди сидели верхом, держа луки наготове.

– Вы одержали легкую победу, капитан, – заметил командир гарнизона, глядя, как его люди отправляются в дальний, утомительный путь к Согарии. Не думайте, что дальше будет так же просто. Согария сильна, стены ее укреплены на случай нападения степных дикарей. Сегодня мы сочли за лучшее избежать кровопролития. Но Согарии вам не взять никогда!

– Если там будут такие же воины, как вы, – я предчувствую славную битву! Доброй вам дороги. Коли поторопитесь – успеете в город, прежде чем начнется осада.

Когда последняя группа защитников крепости темной точкой пропала на горизонте, Конан кивнул Фауду, и турецкий воин дунул в свой серебряный охотничий рог. Через несколько минут появился Гаюк. Он с довольной улыбкой ехал верхом, держа под уздцы часть запасных коней. Воины бросились ловить остальных. К седлу каждой лошади было прикручено чучело – солдатский плащ, набитый тростником и вздетый на крепкую палку. На поясе такого "бойца" висел меч. Гаюк без устали водил эту процессию кругом – от вершины холма к подножию, превращая полусотню в многотысячное войско.

– Сработало, командир! – радостно воскликнул Гаюк.

– Капитан! – напомнил один из гирканийцев. – Капитан Конан! Он сам так себя назвал! Степняки радовались, как дети, будто нашли в песке разноцветный камешек.

– Пойдем посмотрим, что за добыча нам досталась, – приказал Конан.

В крепости они нашли горы оружия, добрых коней, запасы еды, полные тюки разной одежды и утвари. Комнаты коменданта были богато обставлены. Среди прочего добра незадачливый согариец оставил золотой столовый прибор и немало украшений из жемчуга.

– Ташите все во двор, – распорядился Конан.

При свете факелов кочевники погрузили добычу на захваченных лошадей.

– Делить трофеи будет каган, – объяснил Конан. – Мы сами можем воспользоваться только едой и питьем. Кто припрячет себе что-нибудь из добычи, того убью на месте.

В полночь отряд уже был готов к обратному переходу.

– Капитан, – сказал Гаюк, – мы тут захватили вдоволь вина. Может, выпьем понемногу в

честь победы?

— На обратном пути врагов не намечается, — рассудил Конан. — Выдай каждому по бурдюку вина. Но если кто нажрется так, что свалится с коня, подбирать не станем. Пусть ковыляют пешим ходом.

Конан отлично знал: сама мысль о пешем путешествии настолько пугала степняков, что они поневоле будут сдерживать свои аппетиты. Для того чтобы разрушить крепость, у киммерийца не было ни подходящих орудий, ни достаточного количества людей. Поэтому он ограничился тем, что облил маслом и поджег деревянные ворота. При свете этого небольшого костра отряд степняков двинулся в путь.

Сразу же по возвращении в лагерь Конан поспешил доложить о своем успехе. Орда двигалась к Согарии. Впереди гнали рабов. С каганом наступала примерно половина всего войска, и новость о хитрости Конана распространилась мгновенно. Лагерь сотрясался от хохота воинов, отдыхавших у костров после дневного перехода.

Бартатуя был изумлен.

— Всем бы моим командирам такую смекалку! — сказал он. — Подумать только — взяли крепость со всеми потрохами, а у нас — вообще никаких потерь?

— Один из трофейных доспехов пострадал, когда мы подстрелили лучника, поправил Конан. — И еще в десятке Рустуфа сломано три лука.

— Редко полусотник так быстро становится полутысячником, — проговорил Бартатуя.

— Да еще начальником осадных и земляных работ, — прибавил седой вождь, на лице которого была вытатуирована стилизованная фигурка орла. Все гирканийцы считали легкую победу, достигнутую ловкостью и обманом, делом почетным. Им чужды были рыцарские обычаи западных народов.

Бартатуя внезапно прервал веселье и заговорил суровым и серьезным тоном:

— Следующее поручение, Конан, будет посложнее. Сегодня твои люди отдохнут. Завтра ты возьмешь их и отправишься на юго-восток. Князь Согарии ждет подкрепления от своего родича, сатрапа Бахроши. Он просит большой отряд конников, и сатрап, уж конечно, ему поможет. Ты устроишь засаду на караванной тропе и перебьешь баҳрошцев. У тебя под началом будет, разумеется, уже пять сотен.

— А их сколько? — спросил Конан.

— Не меньше тысячи тяжеловооруженных конников.

Конан кивнул. Два к одному — плохое соотношение, когда имеешь дело с таким войском.

— Будет исполнено, каган.

На обратном пути киммериец заметил женщину под черным покрывалом, которая отбирала пленников для потешных боев. Теперь он знал, что ее зовут Лакшми и что она — наложница кагана. Женщина как будто собиралась заговорить, и Конан почтительно приветствовал ее:

— Добрый вечер, госпожа.

— Ты сделал стремительную карьеру, чужестранец, — проговорила Лакшми.

— Каган щедро вознаграждает верную службу, — сказал Конан. — Я не обману его доверия.

— Смотри же, не обмани. Мое расположение снискать не так легко. Каган человек доверчивый, он не понимает, что за покорной улыбкой может таиться измена и что верная служба порою — первый шаг к предательству.

Киммериец почувствовал, как кровь приливает к лицу, но сумел сдержать себя.

— Если кто-то замышляет зло против кагана, — сказал он, не повышая голоса, — я убью

его. Или ее.

Женщина зашипела, как стигийская змея, которой наступили на хвост. Киммериец понял, что задел ее за живое. Лакшми направилась прочь, ее черные покрывала всколыхнулись, и Конан ощутил тяжелый запах благовоний. Оказывается, не только в цивилизованных странах встречается странная особенность – чем ближе к правителью, тем больше ненависти и интриг.

ГЛАВА 8

— Не доверяй ему, господин мой, — нашептывала Лакшми. — Я доверяю человеку, показавшему свою доблесть на поле брани, — ответствовал каган. Не более того. Что он выиграет, если будет мне неверен? Кто наградит его лучше, чем я? Где он возвысится быстрее, чем на моей службе? Не мечтает же он отнять у меня власть и стать Учи-Каганом! — Он сам рассмеялся подобной мысли. — Может, кто-то из моих приспешников и подумывает об этом, но уж не Конан. Он знает — гирканийцы никогда не признают в чужестранце повелителя.

Лакшми отлично знала это. Потому-то магу Хондемиру и приходилось прибегать к таким опасным чарам, чтобы подчинить себе волю кагана. Знала наложница и другое: временами ее хозяин терял здравомыслие, и тогда можно было играть на его страстиах. Лакшми поставила перед Бартатуей столик и наполнила вином чашу. Правитель более искушенный заметил бы откровенную фальшь, сквозившую в движениях красотки. Но гирканиец видел только белое точеное тело, оплетенное жемчужными нитями и лишенное иных одежд.

— Однако есть нечто принадлежащее тебе. Он желает и может это отнять, проговорила Лакшми, подавая кагану чашу.

Бартатуя гневно свел брови:

- Что же это?
- Твоя наложница.
- Он кому-то посмел сказать...

— Конан никому ничего не говорил, — перебила она. — Но он смотрел на меня как взбесившийся жеребец: все и так было понятно.

Каган откинулся назад и отпил из чаши.

— Смотреть и хотеть дозволено каждому. Не больше. Сейчас этот человек мне нужен. Потом посмотрим.

— Твое благополучие — единственное, что заботит меня, господин мой, сказала Лакшми. Мерзавка осталась довольна: семя упало в плодородную почву и непременно прорастет.

Той же ночью, чуть попозже, вендийка незаметно выскользнула из шатра Бартатуи. Каган хралел богатырским сном, так что удрать большого труда не составило. Когда женщина добралась до границы лагеря, ее окликнул часовой.

— Это я, Баязет, — отозвалась Лакшми. Воин по имени Баязет давеча сопровождал ее в Согарию. Некогда он служил Кухлагу и в глубине души недолюбливал кагана. Лакшми исподволь привлекла его к себе ласковым обращением и подарками, и сейчас этот человек был всецело в ее власти.

— Я ненадолго уйду из лагеря. К рассвету вернусь.

— Хорошо, госпожа моя, — ответил воин и поклонился, когда вендийка вложила ему в ладонь золотое кольцо.

Лакшми осторожно двигалась в потемках, пока не расслышала глухой бой бубнов и визгливый посвист флейты. Женщина спустилась в ложбину. Там, у небольшого костерка, сгрудились шаманы и самозабвенно наяривали свою диковинную, пронзительную музыку.

Вокруг костра в безумном танце прыгали двое: один — в оленевой шкуре, в нелепой шапке с ветвистыми рогами и блестящими копытцами; другой безбородый отрок в женском платье.

Лакшми удивленно смотрела на танец, становившийся все более разнуданным и непристойным. Когда пляска закончилась, вендийка вошла в освещенный крут.

Шаман с бубном взглянул на Лакшми. Волосы у него были как спутанная паутина, а зубы – сплошь гнилые пеньки.

– Зачем ты нарушила наше таинство, госпожа?

– У меня к вам дело, – молвила Лакшми. – Есть человек, который с каждым днем все больше подчиняет кагана своей воле. Я хочу положить этому конец. Никогда бы хитрая наложница не стала напрямую интриговать против Бартатуи с этими омерзительными извращенцами, но сейчас цель требовала любых, пусть даже самых гнусных средств.

– Кто это? – спросил дряхлый шаман.

– Чужестранец, Конан. За несколько дней он из раба превратился в полусотника, а потом – в полутысячника. Его честолюбие не знает предела, и я желаю покончить с ним.

Старый шаман хмыкнул:

– Смерть – вот конец любым честолюбивым помыслам, будь ты обычный искатель приключений или сам каган.

– Ни слова о кагане, – оборвала его Лакшми. – Сейчас речь идет о киммерийце. Можете вы избавить меня от варвара?

Старик пискляво – словно птица, подавившаяся зерном, – засмеялся:

– Вряд ли найдется человек, от которого мы бы не в силах были избавиться! Мы общаемся с миром духов. Нам открыты пути грядущего, мы умеем распознавать, кто наводит злые чары. И сами наводим такие чары. Да я зашвырну этого высокочку-чужестранца во тьму, откуда он явился.

– Хорошо. Я щедро вознагражжу вас. – Лакшми повернулась и собралась уходить.

– Как ты вознаградишь нас? – шаман лукаво прищурился. Вендийка медленно обернулась:

– Золото, серебро, жемчуг...

– Железо и камни для нас ничего не значат, – с глубоким презрением поморщился шаман. Он переглянулся со своими подельниками, и Лакшми вдруг почувствовала, как от собравшихся вокруг исходит волна отвратительного, сладострастного жара.

– Что вам нужно? – твердо сказала вендийка.

– Есть таинство, – прошептал старик; голос его шелестел, как ветер в сухой траве. – Великое таинство, обновляющее наши силы. Оно свершится очень скоро. Для него нужна женщина. Такая, как ты, госпожа моя. Многие испугались бы взять на себя женскую роль в этом обряде, но ты смела, ты пойдешь на все, чтобы сохранить свою власть. – Он говорил тихим, заговорщицким голосом. Лакшми бросила взгляд на женоподобного мальчика – на его раскрашенном лице лежала печать неизбывного зла. По ту сторону костра маячил человек-олень, его странное одеяние блестело в отсветах пламени.

– Хорошо, – кивнула она. – Избавьте меня от чужестранца, и я поучаствую в вашем таинстве.

Как только Лакшми ушла, бубны и флейты вновь завели свою безумную песню. Если семя подозрения, посеянное в душе Бартатуи, не даст всходов, шаманы сделают свое дело. Проще было бы нанять обыкновенного убийцу, но Лакшми сомневалась, что удастся подговорить какого-нибудь степняка выступить один на один со свирепым, непобедимым киммерийцем. У вендийки всегда имелся запасной план на случай провала: иначе действовать слишком рискованно. План касался Конана и Бартатуи. Кстати, и Хондемира

тоже.

Конан во главе пяти сотен всадников ехал по разоренной войной земле. Каждые несколько лиг им попадались дымящиеся пепелища сожженных деревень. Дорога кишила беженцами, тащившими узлы со спасенным скарбом.

— Никогда не пойму селян, — говорил Рустуф. — Почему, когда нападают на их деревню, они хватают свое барахло и бредут невесть куда? С чего они взяли, что идут в безопасное место?

Конан объявил привал — пускай лошади отдохнут, да и дорога освободится от толпы жалких беженцев. Степняки хотели было проложить себе путь мечами, но Конан напомнил им приказ кагана — избегать резни.

— Не знаю, — откликнулся Конан на реплику козака. — Может, оттого, что мы жжем деревни.

— Да разве долго построить новую хижину? Останься они у себя — были бы живы и здоровы. Войско пройдет, и тогда в деревне можно было бы раздобыть еду. А они все как один устремились туда, где наверняка подохнут от голода или заразы: в осажденный город.

— Они боятся, что их ограбят, — заметил Фауд.

— А уж это вовсе глупость, — скривился Рустуф. — Их уже ограбили. Пока они у себя в деревне, отнять у них нечего. А так они тащатся по дорогам, несут всю свою кладь на хребте, и ее ничего не стоит поддеть на копье, даже не слезая с лошади. Они тупо ползут к тем, кто грабит их каждый день, — к местным заправилам. Деревенских дурней заставят горбатиться на оборонных работах, а когда продовольствия останется только для воинов и придворных, выгонят на все четыре стороны.

Конан пожал плечами:

— Не знаю. Селяне всегда так поступают во время войны. Я в навозе никогда не ковырялся. И не собираюсь... Ладно, пора ехать.

Гирканийцы двинулись дальше, то и дело разгоняя плетками испуганных селян. Временами мимо проходили другие отряды степняков — гирканийцы спешили огнем и мечом утвердить свое господство в согарийских землях. К вечеру отряд киммерийца миновал разоренную область — теперь Великий Путь был относительно свободен. Судя по тому, что говорили разведчики о дороге на Бахрошу и о расстоянии до этого города, Конан не ожидал появления вражеского войска раньше завтрашнего дня, а может, и послезавтрашнего. И все же многоопытный киммериец послал разведчиков — на случай, если враги появятся внезапно. На войне ничего нельзя исключать.

Сейчас, когда опустошенные земли и испуганные толпы беженцев остались позади, главной заботой Конана было найти хорошее место для засады. Переговоров не предвидится. А значит, придется действовать с удвоенной осторожностью, прибегнув к какой-нибудь уловке или обманному маневру. Конану приказано было неожиданно напасть на баюрощев и отбить у них всякую охоту впредь воевать со степняками. Как раз это киммериец и собирался сделать.

К вечеру он выбрал подходящую позицию. Великий Путь здесь начинал медленно подниматься в гору и проходил между двух остроконечных холмов, лежавших симметрично, как женские груди. Дальше дорога выходила на равнину и двадцать лиг тянулась по ней до самой Бахроши.

Конан вместе со своими десятниками и полусотниками осмотрел пространство вокруг холмов и дорогу за ними — в поисках места для битвы. Остальным воинам было приказано

разбить лагерь, держать коней наготове, чтобы по тревоге вскочить в седла. Костры разводить не стали, чтобы случайно не выдать себя.

Перед закатом все приготовления были закончены, отданы последние распоряжения на случай внезапного нападения противника. Сложных маневров не предполагалось, но строгий боевой порядок был необходим, дабы не так сильно ощущалось численное превосходство врага. Гирканийцы лишь усмехались, когда им говорили, что врагов будет больше в два раза. Что ж, презрительная усмешка бесстрашного воина лучше, чем тягостное, мрачное ожидание неуверенного в себе бойца. Все зависело от сатрапа Бахроши: от его отношения к Согарии и особенно от того, сколько войска он в силах послать на помощь соседу, когда и на его землю вот-вот нападут.

Наутро, часа через два после восхода солнца, разведчики донесли, что баҳрошская кавалерия на подходе. Через час она появится в пределах видимости.

— Вы сосчитали их? — спросил Конан.

— Нет, господин, — сказал главный разведчик. — Ты приказал нам не показываться им на глаза, поэтому мы держались на расстоянии. Могу сказать, что их наверняка больше тысячи — больше, чем ожидалось.

— Каждому из вас дан приказ, — обратился Конан к командирам, — и все вы знаете сигналы. Займите позиции и ждите врага. Может быть, их будет больше, чем мы думали. Неважно — тактика остается прежней.

С двумя сотнями воинов Конан отправился на холм, ограждавший дорогу с севера. Рустуф с другими двумя сотнями занял позицию на южном холме. Еще сотня, во главе с Фаудом, осталась на месте — в пятистах шагах от ложбины.

Два главных отряда вряд ли были заметны подступающим баҳрошам. Конан остановил коня близ вершины холма. Рядом находился Гаюк. Знаменосец держал короб, полный маленьких цветных флагов. Конан терпеливо ждал.

— Они идут, командир, — проговорил Гаюк.

Войско сатрапа приблизилось, и Конан со своей удобной позиции смог на глаз прикинуть силу врага. Киммериец едва сдержал готовое сорваться с губ проклятие, увидев, какая длинная и широкая колонна наступает на них.

— Три тысячи по меньшей мере! А нас — пятьсот. Шесть к одному, разорви их Кром!

Гаюк пожал плечами и усмехнулся:

— Какая разница, командир? Уж по шесть-то стрел у каждого из нас в колчане найдется! Конан засмеялся и похлопал знаменосца по плечу:

— Вот мы какие! Кто одолеет таких героев! Ну, приготовься и достань флагги.

В голове баҳрошской колонны, шагах в пятистах, самое большее, от основных сил, шагал отряд авангарда. Конан понял, что это — счастливый миг удачи. В армиях цивилизованных стран авангард редко отрывался от главной колонны, а когда передовые отряды наступают на таком малом расстоянии — в этом вовсе нет никакой пользы. Авантгард гирканийских всадников уходил от орды на часы, бывало, на дни пути, связываясь с ней только через разведчиков. Для действительно сильной кавалерии та засада, что затеял Конан, — что слону булавка.

Вслед за авангардом пылило войско. Конан только дивился, слушая, с каким шумом движется армия: конные барабанщики, флейтисты, горнисты, музыканты с бубнами и трещотками и даже с серебряными конскими копытцами. Лошади баҳрошев сплошь с разноцветными попонами и узорной упряжью — ребята будто на парад собирались, а не на

битву. Сатрап Баҳроши явно хотел произвести впечатление на своего собрата-правителя.

Гаюк с неподдельным изумлением взирал на вражеское войско.

— Они и впрямь стоящие воины, командир?

— Некоторые — да, — ответил Конан. — Пусть тебя не вводит в заблуждение весь этот шум и блеск. Я знал весьма сильные войска, что идут на бой с песнями и музыкой. Боссонийские горцы, например, так гремят своими трубами, что волосы дыбом встают. Или рыцари Пуантена — они берут с собой на битву парней с лютнями, и те так наяривают, будто сейчас все в пляс пустятся. Только они и дерутся не хуже, чем на лютнях брякают.

— Коли ты говоришь, значит, так и есть, — с сомнением произнес знаменосец.

Они замолчали, когда враг подошел поближе. Наконец авангард въехал в ложбину между холмами.

— Красный флагок, — приказал Конан.

Гаюк поднялся на гребень холма и резко взмахнул флагом над головой. Сотня Фауда вскочила в седла и не торопясь подъехала к дороге — на вид обычные охотники. Они подождали несколько минут и выехали на дорогу, как раз когда авангард баҳрошцев, линия за линией, потянулся из-за холмов.

Конан строго-настрого приказал не пускаться в бегство, прежде чем враги не вылезут достаточно далеко. Слишком быстрое отступление будет выглядеть подозрительно: баҳрошский полководец может заподозрить ловушку.

Тем временем противник заметил в ложбине гирканийцев. От колонны отделились два всадника и во весь опор понеслись назад — скорей всего доложить о непредвиденном препятствии. Они с трудом обогнали в узкой ложбине музыкантов и наконец пробились к человеку с пышными усами и бакенбардами, облаченному в богатые доспехи. Он отдал громогласный приказ и вскинул церемониальный жезл, украшенный жемчугами. Всадники вернулись к авангарду, который начал выстраиваться у выхода из ложбины. Конан отметил, что маневр был проведен достаточно искусно. Эти люди не пустозвоны, хоть и обставляют свое наступление с нелепой пышностью и хвастовством.

Воины под началом Фауда буквально заерзали в седлах. Беспокойство и нетерпение наездников передалось и чутким скакунам. Лошади под седоками нервно перебирали копытами, словно вот-вот готовы были сорваться вскачь. Фауд выкрикивал бессмысленные приказы, будто подстрекая готовых взбунтоваться степняков. Наконец несколько конников не удержались и пустили стрелы в подступающих баҳрошцев.

Послышилась резкая команда баҳрошского командира. Коротко завыла боевая труба. Воины передового отряда все как один сорвались с места, копыта скакунов в унисон простирали по земле. Первый ряд опустил копья. Приблизившись к гирканийцам, воины прикрылись щитами.

Степняки Фауда стояли твердо, так что Конан уже стал беспокоиться, не протянули ли они время сверх нужного. Наконец кочевники повернулись и пустились в бегство. Многие наездники на скаку оборачивались и пускали стрелы в наседающего врага. На первый взгляд эти выстрелы казались паническими и бессмысленными, но Конан заметил, что каждая стрела укладывает тяжеловооруженного баҳрошского всадника наповал.

Киммериец надеялся, что враги в погоне за бегущими гирканийцами потеряют голову, но был готов и к такому вот спокойному, планомерному преследованию. Он знал: величайшая глупость — рассчитывать на безрассудство противника. Когда враг только появился в поле зрения, Конан мог примерно определить их число по количеству боевых

знамен. По подсчетам киммерийца выходило, что ложбину миновала половина баxрошской армии.

— Черный флагок! — рявкнул Конан.

По этому сигналу цепь гирканийцев, воин за воином, обогнула холмы. Степняки расположились на склонах, в полусотне шагов выше баxрощев, и внезапно разом пустили вниз стрелы. Среди воинов сатрапа началась свалка: одни пытались прорваться вперед, другие — вернуться назад, только бы вырваться из ложбины. Некоторые попробовали подняться вверх по склону, навстречу нежданно атаковавшему врагу, но, не успев сделать и двух шагов, поймали стрелу в лоб или в брюхо.

Спустя несколько минут ложбина превратилась в кипящий котел. Гаюк, по команде Конана, вскинул желтый флагок. Гирканийцы скатились со склонов и пустились вслед за баxрощами, изо всей мочи улепетывающими из ложбины. Степные воины врезались в тыл отступающей армии и обрушили на растерянного и испуганного врага сплошной ливень стрел.

Часть степняков сумела обойти колонну противника и ударить по врагу с обоих флангов. Еще один отряд кочевников перегородил дорогу баxрошскому авангарду. Вражеских солдат, а также несчастных музыкантов перебили практически без сопротивления. К гирканийцам присоединился вернувшийся отряд Фауда. Некоторые баxрощи еще пытались контратаковать или по крайней мере прорваться на степные просторы, но все попытки были бесполезны. Стрелы сыпались градом, разили воинов и коней, пробивали доспехи, как тонкую паутину.

Гирканийцы, не теряя времени, понеслись назад, но не стали пробиваться через заваленную человеческими телами ложбину. Отряд всадников опять разделился. Они обогнули холмы и обрушились на остатки баxрошского воинства, все еще пытавшегося вырваться из западни. Конан видел, как степняки окружают баxрощев, подобно щупальцам гигантского спрута. Противник пытался перестроиться из походного порядка в боевой — это лишь увеличило сумятицу и замешательство в баxрошских рядах.

Гирканийцы пролетели вдоль вражеской колонны, осыпая беспомощных солдат градом стрел. С противника уже было довольно: по двое, по трое воины сатрапа вырывались из схватки и пускались наутек. Некоторые степняки кидались в погоню за дезертирами, немилосердно разя беглецов меткими стрелами.

— Белый флагок, — приказал Конан.

Увидев этот сигнал, конные лучники прекратили погоню и вернулись. Конан оценил положение. Победа получилась воистину блестящей, но киммериец особой гордости не испытывал. Сколько бы баxрощев не полегло на поле боя, это были всего лишь неповоротливые горожане. В сражении со степняками они все равно что безоружные дети. Конан знал толк в битвах, но не любил резни.

Когда киммериец спустился с холма, кочевники уже бродили меж грудами трупов, вытаскивая стрелы, снимая с мертвцев доспехи, оружие и все более или менее ценное. В воздухе висел густой запах крови. Над мертвцевами уже вились рои мух. В небе зловеще кружили стервятники — спутники любой битвы.

Рядом с киммерийцем ехал Рустуф, полный какой-то не свойственной ему важности.

— Твой план сработал, — проговорил он, — Но не мужское это дело — так сражаться.

— Да, — кивнул Конан. — Лучше лицом к лицу, меч к мечу. Когда мы станем лагерем у стен Согарии — тут-то нам и придется солоно. Осаджать крепость, не неся потерь, — такого я еще

не видывал. И одними стрелами города не возьмешь.

Лагерь кочевников расположился всего лишь в двух днях пути от Согарии. Киммериец и его пять сотен всадников торжественно въехали в лагерь и швырнули перед большим шатром кагана свою добычу. Конан приказал воинам разбить палатки, а сам отправился к кагану с рапортом. Вся подступы к жилищу предводителя были завалены трофеями других отрядов. Повсюду шныряли повозки, развозившие добычу.

Отдав рапорт, Конан пошел посмотреть место своей ночевки. Он увидел, что у его палатки толпятся воины. Они возбужденно переговаривались, на их лицах читался откровенный страх, с которым они не могли совладать. Киммериец поразился: что могло так напугать степняков? В любом случае это недобрый знак.

— Что стряслось, Рустуф? — спросил он.

— Эти дурни разбили твою палатку, — ответил тот, — потом занялись своей. И... посмотри сам.

Козак распахнул полог. В землю был воткнут шест, с него свисал кожаный ремень, на котором болталось что-то непонятное. Конан подошел поближе. Птичий перья, лапки я кловы, какие-то травки и косточки... Были и творения рук человеческих — цветные веревочки и обрывки кожи. Киммериец с отвращением плонул:

— Ну и к чему вся эта дрянь?

— На тебя наложили заклятие, командир, — отозвался Гаюк. — Это заклятие шамана. Если его не снять, ты можешь погибнуть. Все твои дела пойдут прахом, ты заболеешь и скоро умрешь. — Остальные кочевники согласно кивали и что-то бормотали под нос, со страхом поглядывая на киммерийца.

— Что? — гневно переспросил Конан. — Люди, одолевшие врага, который был в шесть раз многочисленнее, дрожат от страха перед какой-то связкой отбросов! — Он глянул на степняков, но они отводили глаза. — Что это за шаман?

— Мы не видели, командир, — сказал Гаюк. — Шаманы могут сделать себя невидимыми. Но в этом лагере никто не может заниматься магией без разрешения Данакана.

— Где этот старый гнилозубый урод? — заорал киммериец. — Я сверну ему цыплячью шею.

Ответом послужило гробовое молчание. Выругавшись, Конана подошел к ближайшему костру, взял горящую головню и поднес ее к подвешенному на ремне узелку. Тот задымился. Вдруг волосы на голове у варвара встали дыбом: узелок начал извиваться и корчиться. Эти гнусные корчи шли откуда-то изнутри узелка. Наконец вспыхнул ремень. Узелок упал на землю и стал раскрываться, словно диковинный цветок. Оттуда показался гомункулус — с крыльями летучей мыши, черный, как полночное небо, ростом в два фута. Уродец зашипел на варвара, обнажив два ряда крохотных острых зубов. Гомункулус был совершенно лысый, глаза — как два сверкающих уголька. Гаденыш, словно чародей — в плащ, кутался в клубы едкого дыма. Гирканьцы, трясясь от страха, попятились.

Уродец завопил истошным голоском и бросился на киммерийца. Конан выхватил меч и разрубил маленького демона надвое. Меч прошел сквозь гомункулуса так легко, будто он был из дыма. Но две разрубленные половины сразу же срослись вместе, и враг в прежнем обличье вновь скрючился перед Конаном. Варвар рубанул еще, на этот раз — хлестким, зигзагообразным ударом. И пока куски маленького чудовища опять срастались, поддел на меч и швырнул в огонь все еще дымящийся узелок.

Крылатый гомункулус громко зашипел и закрутился волчком. Когда остатки узелка

догорели, уродец изошел вонючим дымком и сгинул.

— Обычный призрак, ничего особенного, — презрительно фыркнул Конан. Трюк балаганного фокусника, не страшнее зубочистки.

— Нет, командир, — пробормотал Гаюк. — Это был улу-бек. Дух воздуха. Он повинуется шаманам. У шаманов большая власть над духами.

— Вы прямо как дети неразумные, — усмехнулся Конан. — Ваши шаманы просто шуты гороховые. Держат вас в страхе дешевыми фокусами! — Конан чувствовал, что напрасно тратят слова, вразумляя степняков. Уговаривать их без толку. Когда человек верит во что-то сверхъестественное, никакие доводы, и даже опыт на собственной шкуре, не переубедят его.

— Идите спать, — приказал киммериец. — На сегодня представление окончено.

Мало-помалу, переговариваясь друг с другом, степняки разошлись. Рустуф и Фауд двинулись за Конаном в шатер. Они уселись на войлочную кошму, скрестив ноги. Фауд протянул Конану чашу с вином, и киммериец наконец промочил глотку, пересохшую за день изнурительной схватки и дальнего перехода.

— Завтра, — сообщил он, — я разворшу все это шаманье гнездо. Бартатуя меня поддержит. Они ему тоже давно поперек горла стоят.

— Толковая идея, — согласился Рустуф. — Но покажи мне такого колдуна, который не талдычит всем встречным-поперечным, что, если он умрет, на них падет страшное проклятие?

— Так и есть, — кивнул Фауд. — Спроси ребят-степняков: они как один скажут, что, если шаман умрет насильственной смертью, несчастья падут на всю орду. Шаманам приходится так защищаться — у них много врагов. Если ты открыто против них выступишь, кочевники тебя попросту пристукнут.

— Но как мне держать в узде своих воинов, если они считают, что я заклят и обречен? Почему эти тупорылые вонючки взъелись на меня? Разве я причинил им какой-то вред?

Конан на мгновение помрачнел. Он и прежде, в лучшие времена, ненавидел чародейство, но уж совсем унизительно было страдать от таких презренных людишек.

— Думаю, — проговорил он, — пора нанести этим пустобрехам ответный визит.

— Долго ходить не придется, — сказал Рустуф. — Если я не ошибаюсь, поблизости слышны шаманские бубны.

Все трое встали и бесшумно выскользнули из шатра. Барабаны стучали негромко. Но, судя по всему, шаманы устроили свое действие совсем неподалеку. Конан с дружками подкрался поближе и увидел, что несколько степняков сидят кружком вокруг костра. Ближе к огню расположился старый шаман Данакан, рядом с ним — женоподобный мальчик. Мальчик легко постукивал пальцами по бубну, представлявшему собой череп с отрубленной макушкой, затянутый человеческой кожей. В глазницах черепа были серебряные слитки, и они зловеще поблескивали в свете костра.

— Горе всем вам! — завывал старикан, обращаясь к собравшимся. — Не к добру каган возвысил раба-чужестранца. Это человек без рода без племени. Его предки не погребены в освященном месте в степи. Его боги — не наши боги. Духи бескрайней степи прогневались. Они принесут град и грозу, если вы будете следовать за чужестранцем. Придет степной пожар, окутает дымом Предвечное Небо. Не подобает вам...

Внезапно голос шамана оборвался: на плечо опустилась чья-то весьма тяжелая рука. Это была здоровенная рутища варвара. Шаман попытался сбросить ее, но железные пальцы бывшего фехтовальщика впились ему в загрилок и стали понемногу сжиматься. Дикая боль

пронзила тощую шею старика. Потом хватка немного ослабла.

— Дружище Данакан, — задушевным голосом произнес киммериец, — между нами, кажется, возникло недоразумение. Я желаю одного — служить кагану сколько в моих силах. А если я неумышленно прогневал ваших богов, скажи мне, пожалуйста, как я могу принести им мои извинения. Ты большой чародей, ты единственный напрямую говоришь с духами. И уж конечно сможешь стать посредником между мной и богами.

Шаман попытался встать, но пальцы у него на шее вновь сжались и он не мог даже шевельнуться.

— Может, — просипел он, — что-то и удастся сделать. Силы мои велики, и духи слушаются меня.

— Отлично! — рявкнул Конан — Что ж, пойдем поговорим наедине. Какая может быть вражда между двумя отличными парнями вроде нас с тобой?

Конан переложил руку на плечо стариака и слегка тряхнул его.

— Да, — выдавил Данакан, пытаясь освободиться от медвежьих объятий варвара, — поговорим наедине, чужестранец.

Конан улыбнулся своим воинам:

— А теперь идите спать, завтра нам опять выступать в поход — таков приказ кагана. Мы с этим добрым шаманом потолкуем и все уладим.

Степняки явно успокоились, но мальчик с бубном продолжал дрожать от страха. Варвар смерил его таким взглядом, от которого кровь точно должна была застыть в жилах. Мальчик покачнулся, закатил глаза, бубен выпал из рук, и подручный шамана рухнул в траву.

— Он, кажется, впал в священный сон, — пояснил Конан. — Беседует с духами. Не будем его будить, чтобы духи не прогневались.

Киммериец отвел Данакана к краю лагеря, где стояли часовые. Тут Конан легким толчком сбил старика с ног. Шаман вскочил с земли и принял выкрикивать гортанным голосом какие-то проклятия, указывая рукой на Конана. Киммериец хлопнул его ладонью по спине. Шаман, прежде чем упасть, пролетел несколько шагов, гремя всеми своими бусами и амулетами.

— Кто? — коротко спросил Конан. — Кто подкупил тебя? Кто заплатил тебе, чтобы ты наложил на меня заклятие? Если это не твоя затея, отвечай — чья?

— Проклятый чужестранец! Ты умрешь... — глаза старика вылезли из орбит.

Конан достал из ножен меч и молниеносным ударом рассек на старике одежду. Клочки грязной хламиды полетели во все стороны. Посыпались священные амулеты и костяные бусы. Шаман сжался от ужаса. Однако тщедушного тела клинок не коснулся.

— Вот так может развалиться и твоя тушка, колдун, — проговорил Конан. Я могу разрубить надвое твое заячье сердечко. Думай, пока я не ударил по-настоящему!

— Это была вендийка, — сдавленным голосом произнес Данакан. — Наложница кагана пришла к нам. Она жаждет твоей смерти.

— Значит, тайные убийства — по вашей части, — усмехнулся Конан. Бедным мастеровым заказали работенку! Так чем же я не угодил вендийской шлюхе?

Шаман пожал плечами:

— Она ревнива. Ты достиг слишком больших высот — и слишком быстро. Каган привечает тебя, а ей не нравится, когда он благоволит к кому-то кроме нее.

— Ну так я и с ней потолкую. Надеюсь, девка будет так же говорчива, как и ты. Я знаю, что твои жалкие чары вреда мне не причинят. Думаю, что ты не настолько глуп, чтобы

пытаться отравить меня. Прежде поразмысли. Самый сильный яд не убьет здорового мужчину меньше чем за несколько часов. Как только у меня заболит живот, я приду и пристукну тебя – и всех твоих поганых собратьев-шаманов заодно. Теперь иди и благодаря судьбу, что я сегодня добрый.

Возвращаясь к себе в шатер. Конан праздновал победу: больше шаман его не потревожит. Хорошо, что он взял дело в свои руки, а не стал впутывать Бартатую. Ведь нить вела, как оказалось, прямо в шатер кагана! Конан покачал головой. Царь, жрец, наложница... Из подобного треугольника так просто не выберешься! В дикой степи плетутся такие же мерзкие козни, как и во Дворцах цивилизованных стран.

Рустуф и Фауд спокойно сидели в шатре, опустошая бурдюк с вином.

– Ну как? – полюбопытствовал Рустуф.

– Под конец он проявил здравомыслие. И все же не худо нам троим с этого дня держать под боком быстроногих скакунов.

– Я тоже так думаю, – ответствовал Рустуф.

ГЛАВА 9

Багровый шар солнца тяжело опустился в серое марево далеких степных облаков. Ворота Согарии закрылись последний раз, чтобы распахнуться вновь лишь тогда, когда последний степной воин исчезнет с согарийской земли. Под звуки труб и удары гонга закрылись тяжелые створки, и огромный засов вошел в железные скобы. Изнутри ворота заложили камнем. Оставили только несколько маленьких проходов, через которые могли выехать один-два всадника, – такие воротца легко было защитить от внезапного нападения.

На вершине стены горожане, призванные на оборону крепости, стояли плечом к плечу с солдатами, державшими наготове кипящее масло и метательные снаряды – достойную встречу недругам, А часовые с самых высоких башен тревожно взглядывались в степь – не покажется ли орда.

В конце концов с одной из башен раздался крик. На вершине невысокого хребта на западе появилась колонна всадников. Потом с юга, на крутой склон, выехал другой отряд, побольше. Но взоры согарийцев были устремлены на север: бесчисленные конники стояли на обрыве, обозначавшем границу степной страны.

Бесчисленные наездники-дикари представляли собой жуткое зрелище, но те из горожан, кто был поумнее и поопытнее, знали, что это еще не самое худшее. Настоящая опасность – невинные с виду толпы рабов-землекопов. Им под силу медленно, скрытно подкопать стены Согарии, наполнить землей рвы, построить лестницы…

Многие согарийцы гадали, что стряслось с отрядом Красных Орлов, покинувших город несколько дней назад во главе с туранским колдуном Хондемиром.

А Хондемир в это время пересекал Голодную Степь. Эта безжизненная земля, где очень редко попадались источники живительной влаги, вполне заслужила свое имя. В согарийском обозе имелось фуражное зерно; не будь его, лошади каждый день разбредались бы на многие версты в поисках корма, и на это уходили бы часы.

Княжна Ишкала ехала в шатком экипаже, печальная и испуганная. Кто знает, какая участь ей уготована? Если только безрассудный влюбленный, Мансур, не попытается спасти ее. Княжна слишком хорошо знала юношу, чтобы поверить, что он покорно, как было приказано, сидит в Согарии и ждет ее возвращения.

Неспокойно было у нее на сердце. Хондемир – человек надменный и холодный. А разговаривая с княжной, он едва давал себе труд соблюдать необходимые правила вежливости. Каждую ночь из его шатра доносились странные звуки. По утрам колдун выпускал голубя, к ноге которого был привязан маленький запечатанный футляр. Каждый вечер прилетала другая птица, и ее немедленно доставляли в шатер чародея. Никто не знал, что за вести носят эти голуби. Птица-вестник – отнюдь не диковинка. Но как они находят дорогу к движущемуся каждый день войску?

Ишкала высунулась в окошко и помахала рукой капитану Джеку, командиру эскорта. Доблестный офицер подъехал к повозке княжны и отдал честь коротким серебряным хлыстом.

– Да, госпожа?

– Капитан, что вы думаете об этом туранце, Хондемире?

– Думаю, госпожа? – Он нахмурился, будто речь зашла о чем-то бесконечно далеком. – Что я могу о нем думать? Я получил приказ сопровождать Хондемира туда, куда ему угодно

будет направиться. Это я и делаю.

— Конечно, — нетерпеливо перебила княжна. — Я понимаю, что вы обязаны повиноваться приказам моего отца. Но, надеюсь, от вас не ускользнуло, что Хондемир посыает почтовых голубей и получает ответы?

Капитан тревожно огляделся:

— Я плохо разбираюсь в колдовстве, госпожа. Пока он не замышляет ничего против князя, я в его дела не вмешиваюсь.

Ишкала молча откинулась на сиденье медленно ползущего экипажа и задернула занавеску. Княжна выросла в прекрасном дворце, и окружавшая ее сейчас обстановка была непривычна. Экипаж — это еще роскошь в сравнении с тем, как приходилось путешествовать остальным согарийцам. В дорогу, к сожалению, нельзя было взять ни одной служанки. И княжну тяготило скорее одиночество, нежели отсутствие расторопной прислуги. Ишкала была девушкой покладистой и не капризной, вполне могла снести трудности дальнего странствия, только вот поболтать было не с кем.

На шестой день пути Ишкала услышала резкие крики солдат, звуки труб и барабанный бой. Много раз наблюдавшая прежде за боевыми учениями, княжна отлично знала, что зов трубы — это тревога. Знак, что враг в пределах видимости. Здесь, в глухой степи, тревога не может быть учебной, солдаты всерьез выстраивались в боевые порядки.

— Что случилось? — спросила Ишкала у Джеку, когда тот подъехал к ее экипажу.

— Дикари, госпожа, — ответил офицер. — Оставайтесь на месте. Мы прикроем вас.

Девушке уже доводилось слышать жуткие истории о кочевниках-гирканийцах, и сейчас ей не верилось, что даже самые храбрые из согарийских воинов смогут надежно защитить от безжалостных степных убийц. Княжна взобралась на козлы повозки, заняв место рядом с возницей. Неподалеку расположился капитан Джеку и его офицеры. Красные Орлы выстроились в четыре ряда. По приказу капитана воины опустили пики в направлении врага.

— Что толку стоять здесь и дожидаться, пока посыплются вражеские стрелы, — рассуждал капитан. — Как только они приблизятся на расстояние выстрела — идем в атаку.

— Стойте! — послышался голос Хондемира. Чародейспешным шагом подошел к Джеку. — Это не гирканийцы.

— Да? — откликнулся капитан, метнув на чародея яростный взгляд. — А кто же это, почтеннейший?

— Это союзники, мои земляки из Турана. Мы уже не на согарийских землях, капитан.

— А почему они присоединились к нам именно здесь? Князь не давал мне на сей счет никаких распоряжений. Это непорядок.

— Порядок, непорядок, только мне эти люди нужны. Почему — пусть вас не заботит. Достаточно того, что это союзники. Они, в случае необходимости, помогут нам против степняков. Надеюсь, вы сможете удержать своих солдат от неподобающих выходок?

Лицо Джеку потемнело, как грозовая туча.

— У моих солдат дисциплина образцовая, сударь. Будьте уверены. Надеюсь, и вы удержите в узде этих туранцев, если они действительно подчиняются вам. У нас с Тураном много лет мир, так что ссориться солдатам вроде бы не из-за чего. И все же, когда мы вернемся в Согарию, мне придется доложить об этих... особых обстоятельствах.

— У князя не будет оснований для беспокойства, — сказал Хондемир.

Туранцы находились сейчас на расстоянии полета стрелы и никаких враждебных намерений не выражали. Они неторопливо подъехали к согарийской колонне ярдов на

десять, потом по приказу своего командира остановились. Группа всадников отделилась от туранского отряда и поскакала прямиком к Хондемиру.

— Долгих лет жизни, господин! — издалека поприветствовал чародея один из воинов. — Я и мои товарищи прибыли, дабы сопровождать вас к месту назначения...

— Довольно, Буламб, — прервал его Хондемир. — Пусть твои люди присоединятся к нашим достопочтенным союзникам, согарийцам. Мы идем в одно место в глубине засушливой равнины. Это недалеко отсюда.

Человек по имени Буламб взглянул на Джеку и его офицеров; во взгляде его сквозила оскорбительная ирония.

— Всегда рад встретить... союзников. Жду ваших приказаний.

— Отлично. За час до заката мы разобьем лагерь. Зайди сегодня вечером в мою палатку, — ответил Хондемир.

Туранцы отдали салют и повернули коней назад.

Сейчас Ишкale представился случай разглядеть чужестранцев поближе. Одежда, оружие и упряжь действительно были туранскими. В воинском деле княжна понимала немного, но, кажется, чужаки уступали Красным Орлам и выпавкой, и дисциплиной. Они не одевались в какую-то определенную военную форму, не носили знаков различия и больше напоминали самых обыкновенных разбойников, чем настоящих солдат. Численностью туранские всадники на первый взгляд не превосходили, их было примерно столько же, сколько и согарийцев.

Чужаки притащили за собой достаточно внушительный обоз. Они предусмотрительно захватили вдоволь провизии, фураж и бурдюков с водой. Но все равно согарийцы смотрели на незваных пришельцев косо, как всегда глядят настоящие воины на ополченцев, особенно если те так сильно похожи на бандитов.

Ишкala вернулась в экипаж. Увидев скачущего мимо капитана Джеку, княжна вновь позвала его:

— А теперь, капитан, что вы думаете про туранского колдуна? Лицо капитана вытянулось. Он пытался побороть рвущийся наружу гнев.

— Это уже что-то невообразимое! Мало того что он затащил нас в эту глухомань, когда наш город в опасности. Так он еще привел в наш лагерь это... туранское отребье! Не беспокойтесь, госпожа, ваш отец обо всем узнает!

Мансур стоял, опершись на копье, и мрачно смотрел, как враги скапливаются у стен Согарии. Осада вызывала у юноши лишь одно всеобъемлющее чувство — скуку. Меч и старую кольчугу Мансур взял в городском арсенале, а шлем выиграл в кости у часового. Заняв свой пост на городской стене, юноша был в боевом настроении. Это случилось две ночи назад. Возбуждение от новизны происходящего прошло в первую же ночь.

Мансур пытался сложить стихи, где слышался бы звон оружия, ржание боевых коней, голоса серебряных горнов и барабанный бой. Только, к сожалению, здесь, под Согарией, ничего подобного не происходило. За день выпало лишь одно происшествие — мимо пролетела вражеская стрела. Степняки забавлялись, стреляя наугад в укрытых за стенами защитников. А по ночам слышно было, как гирканийские рабы-землекопы подкалывают стены.

А из самой крепости доносилось тяжкое зловоние — слишком много людей и животных скопилось в городе. "Об этой стороне войны древние поэты не писали", — уныло подумал юноша. Осада может продлиться недели, а то и месяцы... Эта мысль была невыносима.

Мансур был убежден, что он заслуживает лучшего. Он страстно мечтал сразиться с врагами Ишканы и вызволить ее. Но как ему теперь избежать бесславной смерти от скуки, как догнать и спасти свою любимую?

Внезапный шум внизу привлек внимание юноши. Он приложил ухо к проему между двумя щитами из толстых прутьев, сооруженными на крепостной стене для защиты от стрел. Шум доносился из одного из проходов в заложенных воротах, кажется, сейчас он был открыт. До ушей донесся глухой стук копыт. Потом этот стук растаял где-то вдали, и наконец Мансур услышал, как вновь закрываются створки прохода. Вернувшись на пост, юноша заметил своему напарнику:

— Еще одного гонца послали искать подкрепление. Как ты думаешь, многие ли минуют живыми вражеские рубежи?

— Держу пари, что нет, — ответил старик ветеран, снова призванный князем на службу.

— Но если кочевники перехватывают наших гонцов, — рассуждал Мансур, почему они не приводят их к стенам и не показывают нам — дескать,смотрите, какие вы простофили?

— Эти дикари — не дураки, — ответил старый воин, сжимая узловатыми пальцами копье. — Мы не знаем, кого они пленили, а кого нет. Им это на руку. И потом — если у нас опустятся руки, мы перестанем посыпать гонцов, то у степняков не будет пленных. Как же им тогда добывать сведения о положении в городе?

Мансур кивнул. В голове его начал вызревать план.

— Гонцы, должно быть, бравые ребята. Хорошо бы с ними потолковать люблю храбрецов. Не знаешь, где их можно отыскать?

— Парни из Отряда Гонцов обычно торчат в таверне "Усталый всадник", что у кавалерийских казарм, — ответил старик.

В полночь Мансур сменился. Он отправился не домой, а в таверну "Усталый всадник". Улицы были заполнены беженцами, лежавшими вповалку прямо на мостовой. Мансур спотыкался в потемках — масло в городе экономили, горело лишь несколько уличных фонарей.

Найти трактир оказалось нетрудно: у входа стояла наготове дюжина лошадей. Теперь это стало редким зрелищем. Но здесь, у трактира, лошадей не запускали в загон: вестник должен быть готов в любую минуту по срочному приказу вскочить в седло и поскакать куда велят.

Внутри трактира особого веселья не наблюдалось. Посетители что-то ели и пили по углам, тихо переговариваясь между собой. Мрачная обстановка осажденного города не располагала к тому бесшабашному разгулу, каким всегда отличались городские кабаки. Мансур заметил, что на столе в центре зала, за которым сидело несколько мужчин, лежит шлем с желтыми перьями Отряда Гонцов. Эти люди никогда не бывали по-настоящему в увольнении. Даже сейчас они при оружии — том легком оружии, которое необходимо на их требующей скорости и подвижности службе.

Вскоре Мансур нашел то, что искал. В углу он увидел одинокого воина, мрачно глядевшего на дно своей пустой чаши. Мансур хорошо понимал, что это за человек и в каком он положении: парень, видно, пропивает все, что зарабатывает. Деньги кончились, а взаймы ему больше не дают. Мансур прошел к его столику.

— Извините, сударь, — сказал юноша.

Солдат посмотрел на него налитыми кровью глазами:

— Что? Кто ты? Посыльный из дворца с очередным безумным приказом? Дурацким

распоряжением для ребят, которые одни только и приносят пользу городу, пока не свернут себе шеи...

Мансур пропустил мимо ушей воркотню усталого солдата. Она означает лишь, что гонец уже прилично нализался, а это только облегчало Мансуру задачу.

— Простите, что нарушаю ваш отдых, — начал Мансур, — но я наслышан о парнях из Отряда Гонцов. Мне доставит честь, если вы позволите мне угостить вас чашей-другой вина. А я буду рад послушать про ваши подвиги. Я поэт и собираюсь сложить эпическую поэму про войну с дикарями.

При упоминании о выпивке гонец заметно оживился.

— Некому будет слушать твои вирши, когда все закончится, ну да ладно садись... Да, мы лучший отряд во всем войске, все как один — крутые ребята на отборных скакунах. И вот это, — он показал на золотой футляр, висевший у него на поясе, — наша защита в любой дружественной стране. Встречаюсь я, к примеру, с каким-нибудь расфуфыренным герцогом... Конь мой устал, жрать охота, да и горло промочить... Я запросто могу потребовать, чтоб он отдал мне свою лошадь! Все, что он сможет, — это пожаловаться потом князю!

На столе появился кувшин крепкого вина; Мансур щедро наполнил чашу гонца и скрупульто — свою.

— Рассказывай еще, — потребовал он.

Часа два гонец занимал Мансура рассказами о своих подвигах. В конце концов он истощился и стал повторяться. Наконец он начал клониться вперед и точно долбанулся бы лицом о стол. Однако Мансур поддержал его и помог встать на ноги.

— Пора тебе возвращаться в казарму, дружок, — сказал он. — Дай-ка я помогу тебе.

Никто не шевельнулся, видя, как Мансур чуть не на руках вытаскивает пьяного хвастуна из таверны. Видно, другие гонцы не сильно любили этого парня. Мансур и не думал вести его в казарму; вместо этого он зашел в проулок, отделяющий таверну от внутренней стены городских укреплений. Здесь он снял с незадачливого гонца форменную одежду Отряда и надел ее на себя. Только меч и кинжал он оставил свои — такое оружие не было форменным, каждый подбирал его себе по вкусу.

Торопясь, Мансур осмотрел коней, привязанных у таверны. Ему не хотелось, чтобы кто-то из гонцов заметил его сейчас. Наконец он увидел вырезанное на одном из седел имя своего собеседника. Он отвязал лошадь и повел ее под уздцы. Отойдя немного от таверны, он вскочил в седло и осторожно поскакал по переполненным беженцами улицам.

У северных ворот малочисленная стража, увидев желтое перо, учтиво поклонилась всаднику.

— Вторая депеша сегодня? — спросил начальник стражи. — Куда держите путь, господин гонец?

— Сами знаете куда, — с нарочито уверенным видом ответил Мансур.

— Конечно, — кивнул стражник. — В самом деле. Сейчас откроем ворота. Скачите как можно быстрее, а то не минуете заставы дикарей до темноты. А теперь спешитесь, пожалуйста...

— Спешиться? — в замешательстве переспросил Мансур.

— Ну да, должны же мы закутать копыта вашего коня. Здесь у стены сплошные камни, лошадь будет слышно на полмили.

— Конечно, — ответил Мансур, — у меня все в голове перемешалось. Трудно привыкнуть к

мысли, что Согария осаждена.

Юноша надеялся, что его легкомысленный тон усыпит подозрения, и все же он чувствовал себя беспокойно, пока часовые надевали на копыта его коня чехольчики из плотно сплетенной соломы.

Наконец они закончили; он вновь забрался в седло и стал ждать, когда они откроют проход в воротах. Лошадь ступала неуверенно, пытаясь сбросить непривычную "обувь". Медленно, стараясь производить как можно меньше шума, они выехали за крепостную стену. Его нервы были напряжены, как струна, и он вздохнул с облегчением, лишь когда все любезности были позади и проход в воротах закрылся.

Он видел вдалеке невысокие костры гирканийского войска. Несколько минут он неподвижно сидел верхом, прислушиваясь; потом двинулся на северо-запад. Мальчиком он часто бывал на дальней ферме, на краю принадлежащих городу возделанных земель, — хозяин фермы был его родичем. Сейчас ферма, конечно, разрушена; но он помнил, что земля там рассечена руслом пересохшей реки. По нему-то и можно будет незаметно пройти мимо вражеских постов.

Через час он был там, где когда-то находилась эта ферма. Осталось найти сухое русло — путь к свободе. Он следил сейчас за дорогой даже больше, чем за стуком копыт своего коня. И тут внезапно слева раздался человеческий голос — его окликали:

— Кто ты? Какого отряда?

Мансур с трудом понимал слова, произнесенные на варварском степном наречии. Ему не хотелось пускаться наутек, прежде чем он найдет лощину, и он не был готов к погоне. В ужасе он стал вспоминать все, что слыхал о кочевниках. Вроде бы они изрядные пьяницы... Мансур намеренно покачнулся в седле и попытался запеть старую пастушью песню.

— Я спросил тебя, кто ты! — резко прозвучал тот же голос. Мансур услышал, как застучали копыта двух лошадей.

— Еще один пьянчужка, — с отвращением произнес другой голос. Дурачина, каган тебе за это задницу оторвет.

Чья-то рука вцепилась в левое плечо Мансура и грубо повернула юношу.

— Да это не...

Но не успел кочевник закончить фразу, как Мансур выхватил меч и с размаху ударили. Клинок вошел в щеку врага и разнес челюсти. Мансур с трудом вытащил меч из черепа гирканийца. Другой степняк устремился на юношу с пикой. Мансур отступил и пропустил врага чуть вперед; затем левой рукой внезапно преградил степняку дорогу древком копья, а правой тем временем полоснул мечом по горлу — так точно, как только может ударить человек, годами осваивавший фехтование. Гирканиец почти бесшумно выпал из седла.

В нескольких шагах от места неожиданной схватки Мансур легко отыскал русло реки. Он с трудом сдерживал радостный вопль. Двумя ударами сразил двух врагов! Какие стихи можно сложить, будь только побольше времени! Юноша пришел в восторг от мысли, что к концу этой войны с гирканийцами он наверняка превратится в непобедимого воителя и все будут с почтением уступать ему дорогу. В столь приподнятом настроении Мансур не слезал с седла всю ночь, упрямо продвигаясь вперед.

К рассвету город был уже далеко, и Мансур рискнул выехать из лощины. Окинув взглядом окрестности, он убедился, что, скорее всего, давно миновал вражеские рубежи. Он стал шарить взглядом по расстилавшейся вокруг равнине. Рано или поздно вернейший из любовников найдет дорогу, протоптанную тысячью копыт...

К полудню Мансур сумел отыскать тропу, по которой ушли Красные Орлы. Тут проезжала его возлюбленная, Ишкала! Да, это повеселее, чем сходить с ума от тоски на стенах осажденного города! То, что по возвращении его наверняка ожидает виселица, не очень беспокоило пылкого поэта. Что-нибудь к тому времени уж наверняка изменится, кривая вывезет. Во всяком случае, Мансур собирался вернуться в родной город прославленным героем, этакой живой картинкой древних легенд.

Гораздо хуже другое: дорожные припасы оставляют желать лучшего. У Мансура имелся большой бурдюк воды и сумка сушеных фруктов и обжаренного зерна. Воды хватит на несколько дней, но если придется делиться с конем самое большое дня на два. Надо найти ручей или источник – а в солончаковой степи это дело не простое. Ну да ладно! Боги всегда заботятся о героях, приходят им на помощь.

Мансур как-то упустил из виду, что большинство героев баллад заканчивают свой путь в могиле. Причем явно раньше срока.

ГЛАВА 10

Конан достиг ставки кагана после полудня, когда солнце уже миновало зенит и на землю легли длинные тени от закрепленных на шестах человеческих черепов и конских хвостов. День выдался тяжелым. Каган поручил киммерийцу оценить, насколько надежна осада, велика ли надежда на успех, и расследовать случившиеся несчастные происшествия. Как человек, не принадлежащий ни к одному клану, Конан лучше других мог рассудить спорящих между собой воинов из разных племен.

В помощь ему разрешено было взять образованного пленника. Тот должен был разъяснить ему устройство городских укреплений; Конан также воспользовался случаем, чтобы усовершенствовать свои познания в местном наречии. Для таких, как он странников легкость в освоении языков – немалое преимущество.

Конан спешился, отдал поводья слуге и прошел в шатер. Каган был окружен старшими командирами. Он как будто не заметил киммерийца, но Конан знал, что Бартатуя не упускает ничего, что происходит рядом с ним. Перед каганом стояла модель города, изготовленная искусственным пленником; здесь были и городские стены, и постройки внутри них.

– Конан, – спросил Бартатуя, закончив другие разговоры, – как обстоит дело с постройкой осадных машин?

– Плохо, – ответил Конан. – На всей согарийской территории не найти настоящего леса. Деревья есть только во фруктовых садах – плодовые деревья, орех, оливы и так далее. Деревья небольшие, и древесина по большей части для дела непригодна – плодовые деревья слишком мягкие, а оливковое дерево хоть и твердое, но такое жирное, что достаточно нескольких зажженных стрел – и вся наша осадная башня превратится в столб огня. Да и потом, если мы вырубим плодовые сады, это разорит город.

– А нам какая забота, что они там в городе загнутся? – спросил надменный военачальник с лицом, сплошь покрытым татуировкой в виде сплетающихся змей.

– Это разорит город, принадлежащий кагану, – ответил Конан, пристально посмотрев гирканийцу в глаза. Тот отвернулся, что-то бормоча под нос.

– Для того чтобы укрепить подкопы, это дерево тоже плохо подходит, продолжал Конан. – А камни мы тоже использовать не можем – все постройки, выходящие в степь, из глиняных кирпичей. Настоящие обтесанные камни есть только внутри города. Тараны не сделать по той же причине – нет хорошего дерева.

– Я не знал, что для осады так важно дерево! – сердито сказал каган. Что же ты предлагаешь, киммериец?

– Есть три возможных пути, – сказал Конан. – Первый – каменный таран. Рядом с городом есть карьеры. Необтесанных камней там с избытком. Под прикрытием из ивовых прутьев можно соорудить таран высотой с сами стены. А потом все войско разом идет на штурм... Это верная победа, но слишком медленная и трудная, и притом много рабов погибнет.

Бартатуя небрежно махнул рукой:

– Ну, это неважно. Рабов у нас много. Еще что?

– Можно построить лестницы. На это дерева хватит. Хотя без осадных башен могут быть большие потери... Это самый опасный способ штурмовать укрепленный город, особенно когда стены такие высокие. Третий путь – сидеть здесь и ничего не предпринимать. Голод и

заразные болезни заставят горожан сдаться. Только вот потом зараза может перекинуться на нас!

— Ты забыл о четвертом пути, — возразил каган. — Можно найти предателя в городе, и он откроет нам ворота.

Конан мог предположить, что об этом зайдет речь.

— Это не по моей части, каган. Если у тебя есть в городе свои люди, которые готовы проделать это, — замечательно. Но вот в чем беда: согарийские ворота сейчас заложены камнем, оставлены только маленькие проходы. Через них все равно много воинов не пройдет.

Бартатуе не хотелось больше терять время на разговоры.

— Ну так построим таран. — Он повернулся к стоявшему рядом невысокому человеку. Конан узнал его — это был кхитаец, с которым он познакомился в караване по пути в Согарию. Тот был представлен Конану как строительный инженер и направлен в его распоряжение для осадных работ.

— Сможешь построить? — спросил его каган.

— Покажите мне карьеры и дайте рабов, — сказал кхитаец, — тогда построю.

— Ну так дело сделано, — ответил Бартатуя. — Остается вот что... — Он повернулся к киммерийцу: — Эти два парня, которых сегодня нашли мертвыми, что скажешь об этом, Конан?

— Их убил гонец, выехавший из города прошлой ночью, — ответил Конан. У тел их найдены следы от копыт, укутанных в солому. Тот, кто убил их, отменно владеет мечом. Ударил так, как и мне было бы не стыдно. Его следы идут по сухому руслу и дальше на северо-запад. Точно неизвестно, куда он направляется, так что преследовать его смысла нет.

— Отлично, — сказал Бартатуя. — Все равно ему некуда будет возвращаться, если твои люди как следует поработают. Еще новости есть?

— Одна довольно странная, — ответил Конан. — Мой полусотник, козак Рустуф, был в дозоре на северо-западе. Он нашел след от по меньшей мере тысячи конников. Судя по всему, они вышли за день или за два до того, как мы окружили Согарию. Скорее всего они идут в пустынную местность, называемую Голодной Степью.

Конан поразился впечатлению, которое произвели его слова на некоторых из присутствующих военачальников. Он заметил, что все, кого так поразило это сообщение, принадлежали к одному с Бартатуей племени, к ашкузам.

— Голодная Степь! — закричал от неожиданности один из них, — Ведь это...

— Обсудим позже, — с ледяным взглядом оборвал его Бартатуя.

"Интересно, — подумал Конан, — что бы все это могло значить?"

— Все уходите, — прибавил каган, — кроме киммерийца. Распоряжения вы получили.

Остальные вышли из шатра; многие перед уходом кивнули Конану. Он раскланялся в ответ. Зачем ссориться с этими людьми? Они живут кланами, не угодишь одному — наживешь толпу врагов. Уж таковы они, гирканийцы. Что ж, он знал людей похуже.

— Налей-ка вина, Конан, — сказал каган.

Конан наполнил две чаши из позолоченного кувшина и подал одну своему повелителю. Каган глотнул вина и произнес:

— Ты говорил мне, что Киммерия — страна каменных гор, Конан?

— Так и есть, каган, — ответил тот, не понимая, к чему Бартатуя клонит.

— Думаю, киммерийский парень с детства умеет карабкаться по скалам, или нет?

— Сущая правда. Мне частенько приходилось карабкаться по отвесным скалам — когда

разорял птичьи гнезда или овцу охромевшую искал... Или когда шли в засаду на волчье логово.

— Великолепно, — ответил Бартатуя. — Я хочу, чтобы ты сегодня забрался на стены Согарии и посмотрел, что там внутри происходит.

Он должен был знать! Это в духе кагана — осыпать человека милостями, а потом послать на верную смерть. У любого гирканийца найдутся родственники, соплеменники, которые возмутятся, если с ним так обойдутся, а за чужака кто заступится? Он не спорил.

— Будет сделано, каган. Что именно надо разведать? Бартатуя указал на одну из построек на модели города:

— Во-первых, дворец князя. Город переполнен беженцами, так что, если ты заберешься на стену, дальше ты легко сможешь незамеченным пробраться к самому дворцу. А если ты заберешься внутрь и найдешь хорошее убежище, ты сможешь подслушать кое-что очень для меня ценное.

Конан задумался: понимает ли этот человек, насколько опасно, смертельно опасно его поручение? Должно быть, понимает, но для него это не важно. Человеческие жизни — только разменная монета в его игре, а ставка — власть. А уж его, Конана, жизнь и вовсе никакой цены не имеет.

— Что еще? — сухо спросил он.

— Силы защитников. Хорошо бы подсчитать годных для дела лошадей в их конюшнях. Ну и каков их боевой дух, конечно. Но это уж в следующий раз.

— Что ж, в следующий так в следующий. А пока, каган, мне нужно как следует подготовиться к этому разу.

— Иди, — ответил Бартатуя, переводя взгляд на макет города. Подожди...

Киммериец повернулся:

— Да, каган?

— Смотри не предай меня.

— Это же безумие, Конан, — воскликнул Рустуф. Они сидели в своей палатке. Фауд стоял на страже. — Не делай этого! Возьмем лучше хороших лошадей — и айда отсюда. Осада эта продлится не один месяц, я, когда все кончится, здесь нечем будет поживиться, кроме горсти углей. Послушай, у меня кое-что припасено на крайний случай, и еще я немного выиграл в кости. Найдем себе хорошую армию и определимся на службу — не к такому безумцу, который готов сжечь целый мир, чтобы завоевать его. Я хочу служить в войске, где ценят действительно стоящие пеши: добычу, женщин, добре вино.

— У меня тоже есть кое-какие припасы, — ответил киммериец, натягивая кольчугу. — Но не в моих это привычках — бегать от своего командира. Если он меня обманет — другое дело, но этот-то до сих пор обходился со мной неплохо. Я был простым пленником, а теперь — в высоком чине.

— Но ведь он посыпает тебя на верную смерть! — возмутился козак.

Конан пожал плечами:

— Какой полководец не посыпает своих людей в опасные места? Будь это причуда или ненужная жестокость — меня здесь уже не было бы. Но это не так. Ему нужно знать положение дел в городе, а для этого нужен человек, умеющий лазить по отвесным стенам и знающий языки. Это можно понять. И я не думаю, что это такая уж верная смерть. Меня так просто не убьешь.

Рустуф только руками развел:

– Ну, Конан, твоя храбрость и верность слишком далеко тебя заводят!

Конан стоял у основания городских стен и смотрел вверх. Его пальцы нащупали трещину между двумя массивными серыми камнями, и он стал карабкаться. Тот, кто вырос не в киммерийских скалах, никогда не сумел бы взобраться на эту стену. Годы, проведенные им в качестве вора в богатых городах, так изощрили искусство Конана, что для него такая отвесная стена была все равно что удобная лестница.

В чем настоящая загвоздка – это чтобы никто тебя не увидел и не услышал. Он надел черную рубаху и вымазал лицо сажей. Чтобы избежать шума, он не взял с собой никакого оружия, кроме кинжала. Сандалии он, карабкаясь по стене, подвесил на шею и по пути то и дело останавливался, прислушиваясь к любому шуму сверху.

Вечер он провел, осматривая стену, и наконец нашел участок, где стражников было меньше всего, да и те были довольно небрежны. Как он предположил, это потому, что стена здесь выше всего и выходит снаружи к крутыму обрыву. Никакой серьезной атаки с этой стороны не ожидалось, поэтому здесь вполне хватало нескольких сонных часовых, да и те следили в основном за дальними постами гирканийцев.

Приблизившись к вершине стены, он остановился. Прямо над ним стоял стражник с пикой, переговаривавшийся с находящимся в отдалении товарищем. Внезапно справа на стену обрушился целый сноп горящих стрел, и часовой закричал от неожиданности. Одна из них отскочила от крепостной стены и вонзилась в его щит.

Явно нарушая устав, часовой покинул свой пост и отправился посмотреть, что же случилось. Судя по поведению, это был ополченец; настоящие солдаты лучше подготовлены к таким неожиданным нападениям.

Не терял времени, Конан напряг свои тренированные мускулы и ловким тигриным движением перемахнул через парапет. Опустившись на вершине стены, он на мгновение скользнул, чуть не потеряв равновесия. Справа от него пролетело еще пять стрел. Он приказал своим людям стрелять еще несколько минут, после того как он заберется на стену. Слева, совсем неподалеку, он увидел лестницу, ведущую вниз, в город; он легко подкрался к верхней ступеньке и стал спускаться. На полпути он остановился, услышав голоса наверху.

– Они больше не стреляют, – сказал часовой.

– Что-нибудь загорелось? – спросил начальственный голос.

– Нет, – ответил второй голос. – Будем объявлять тревогу, сударь?

– Не стоит, – произнес командир. – Это они так, пугают. Хотят потрепать нервы. А почему это вы оба не на своих постах, мошенники? А ну марш по местам, не то на заре выпорю!

Конан усмехнулся. Он знал, как это бывает, когда опытному воину приходится командовать необученными новобранцами. Он нырнул в ветвящиеся городские кварталы. На улицах было много народа; по большей части эти люди лежали прямо на земле, укутавшись в плащи и куртки, пытаясь уснуть в ожидании нового дня, неотличимого от других дней осады.

Шум падающей воды привлек его внимание. Вода падала из облепленного ракушками кувшина, который держала девочка-богиня, в мраморный бассейн. Он наскоро смыв сажу с липа и рук.

Теперь он мог передвигаться более открыто. Он не боялся привлечь к себе внимание. Город был переполнен людьми, многие из них были иноземцами-караванщиками, и, а уж на гирканийца Конан мало походил. Задолго до рассвета он почти уже достиг княжеского дворца.

Его остановил призывный шум, доносившийся из таверны. Он вошел в низкую дверцу, раздвинул шелковую завесу и оказался в небольшой комнате. Посетители были по большей части иноземцами, караванщики из самых разных стран. Было и несколько здешних. Даже для богатой Согарии такое убранство было необычно роскошным – стены из отличного, изящно отделанного камня, мебель из редкого дерева. Везде были развешаны образцы прекрасной вышивки, которой был прославлен этот город.

Служанка поставил на стол перед ним тарелку с хлебом, плодами и сыром, и еще он заказал чашу вина. Он заметил, что голода здесь пока что не ощущается. На вертеле жарилось мясо – но после всего предыдущего это уже не удивляло. При осаде лучше главное – сохранить до конца зерно и фураж для скота. Свежие фрукты, зелень, оливки – это уж как получится. Под конец остается разве что сыр, сухие бобы, горох, ячмень – если, конечно, все это не сожрут крысы. Судя по всему, Согария еще далека от того, чтобы сдаваться на милость победителя! Город выдержит осаду еще не одну неделю. Может, конечно, у этой роскоши есть и другое объяснение… Ну, на то он и здесь, чтобы разобраться в этом!

Вошло несколько вооруженных молодых людей; их простая одежда плохо шла к этому богато обставленному месту. Они окинули взглядом таверну, ища свободные места, и с подозрением взглянули на Конана. Без спросу сев за его стол, они жестом подзывали служанку.

Один из них обратился к киммерийцу:

– Ты на вид парень здоровый. Почему не воюешь, не защишаешь город, а?

Конан решил прикинуться простачком:

– Я нездешний. Плохо знаю по-вашему.

– Гнать вас всех надо! – сказал другой молодой человек. – Сидите в нашем городе, хлеб едите, а как воевать – так нет.

– Оставь-ка посетителя в покое, – перебила его служанка. – Знаешь, в чем разница между ним и тобой? Он за себя платит, а вас, дармоедов, велено кормить бесплатно, пока выносите форменную одежду с цветами города.

– Ну и правильно, – ответил юный герой, – мы, понимаешь, жизнью рискуем, защищая вас, слабосильных. Принеси-ка нам лучшей жратвы и лучшего вина)

– Еды – пожалуйста, а за вино платите. Князь хочет, чтобы у вас были силенки для боя, а не чтобы вы нажирались как свиньи. Платите или пейте воду.

– Воду! – закричал парень с обвислыми каштановыми усами. В голосе его было выражение неподдельного ужаса. – Я слышал, что осада – это настоящий ад, но чтобы такое…

Конан протянул им кувшин.

– Я угощаю, – сказал он.

В то же мгновение молодые воины стали его лучшими друзьями.

– Я всегда говорил: хорошее это дело – привечать в нашем городе иноземных гостей! – произнес усатый.

Они налили себе вина, и все сошлись, что иноземец – парень что надо. Конан понимал, что дружелюбие это кончится вместе с вином. Они болтали между собой, особенно не обращая на него внимания: ведь он чужестранец, какое ему дело до местных новостей?

– Слышал, что говорят? – спросил один. – Тот парень, что напоил гонца и ускакал из города на его лошади, – думают, что это был Мансур.

– Я всегда от него ожидал чего-нибудь этакого, – ответил другой. Хвалился, хвалился,

стишки писал про войну и подвиги, а как представился случай показать себя в деле – сразу же дал ноги.

– Да нет, едва ли он струсили, – сказал усатый. – Дурак – это да. А трус – нет, он не из таких. Он небось выдумал невесть что – пробраться в самое логово к этим гирканийцам и своими руками прикончить их царя, например.

– Да уж, – сказал другой. – Пуститься в одиночку через вражеские посты – это на трусость не похоже. При всем своем хвастовстве, при всех своих жутких виршах Мансур – лучший во всем городе боец на мечах, это надо признать.

– Какая разница! – отозвался первый. – Трус он или герой, сгинул-то он наверняка, дурачок несчастный.

Конан припомнил следы от копыт в соломенных чехлах и раны от мастерских ударов мечом на тела убитых гирканийских воинов.

– Повод выпить, – сказал один из согарийцев. – Помянем павшего товарища! Есть еще что-нибудь в кувшине?

Другой опустил усы а кувшин:

– Пуст, как голова бедняги Мансура. Эй, чужестранец… Но когда он поднял глаза, Конана как не бывало.

Он пробирался дальше – ко дворцу. Сейчас народ начнет просыпаться; можно будет невзначай услышать кое-что интересное. Осада только началась, люди еще возбуждены и болтливы. Им еще предстоит научиться терпеливо сносить унылую бесконечность долгих осадных дней.

Он пересек общественный сад, полный жалких беженцев, разбивших здесь свои шатры и палатки. Да, прав был Рустуф. Если осада протянется долго, ничего хорошего этих людей не ждет. Скоро они пожалеют, что не остались у себя в деревнях.

Опытным взором Конан окинул невысокую дворцовую стену. На первый взгляд – вскарабкаться нетрудно. Камни большие, круглые, неровно отесанные, поросшие пльющим. Наверху он не заметил стражи. Понятно: большая часть стражников защищает городские стены и вернется ко дворцу, только если враг войдет в город.

В плане дворец был асимметричен. За столетия достраивалось великое множество новых крыльев и пристроек, поэтому в здании было предостаточно углов и выступов. Смешавшись с толпой, он подошел поближе в поисках нужной щели, за которую можно зацепиться. Наконец он снял сандалии и повесил их себе на шею.

Быстрый, как ящерица, Конан вскарабкался на стену. Через несколько мгновений он был наверху и, лежа на животе, глядел вниз. Его зоркие глаза в тонкий слух не упустили бы ни стражников, ни прогуливающихся придворных, ни любовников, ищущих уединения. Но все было тихо. Он пополз вдоль стены, ища ту часть этого беспорядочного сооружения, где глава города ныне распоряжается его обороной.

Он миновал комнаты слуг, казармы дворцовой охраны, источавшее благоухание помещение гарема. В восточном крыле он набрел на сооружение с толстыми стенами и высокими, узкими окнами, спасающими от жары, что неистовствовала в окружающей город полупустыне. В этом здании горел свет. В кровле было отверстие – световое и для стока дождевой воды. Конан заглянул туда: под ним была зала Совета, и как раз сейчас там шло заседание.

На одном из сводов здания, примыкавших к стене, на которую он только что вскарабкался, были выступы, и он осторожно ступил на покатую крышу, следя, чтобы

черепица не скрипнула под ногой. Он собирался добраться до конька крыши и склониться над одним из широких боковых окон. Но пожалуй, сверху он увидит больше... Он прополз по изгибающейся кровле к световому отверстию и заглянул в него.

В середине комнаты был прямоугольный стол. Конану видны были лишь колени сидящих в ряд людей; очевидно, такие же люди сидели напротив, на другом краю стола. Они были, сколько мог заметить Конан, одеты в шелка, а на некоторых были золоченые доспехи. Да, это важные особы. Значит, он попал туда, куда хотел. Они как раз обсуждали, сколько лошадей осталось в городских стенах.

— Спор-то из-за выеденного яйца, государь. — Голос принадлежал человеку в доспехах. — Дело не в самих животных. Мы же всегда употребляем их в пищу; они слишком плодятся. Загвоздка в том, что на нескольких лигах набилось вне всякой меры двуногих тварей!

Раздался шум одобрения; подзадоренный им, воин продолжил:

— Никого не хочу обидеть, государь, но на что в осажденном городе столько лишних ртов! Не только боеспособные мужчины, но и женщины, дети, чужестранцы, от которых нет помощи при обороне...

— И сверх того, государь, — сказал другой человек, судя по голосу постарше, — в этом нет никакого толку. Если осада продлится дольше одной луны, им придется несладко.

— Господа, — сказал человек, сидевший с другого края стола, — что же мне прикажете делать? Я обязан защищать мой народ! Как я могу закрыть перед ними ворота Согарии, когда они всю жизнь платили мне налоги? Как могу я прогнать добравшихся сюда караванщиков? Ведь тогда они повезут свои товары в другие города и не будут больше торговаться с Согарией. Я хочу, чтобы о нашем благословленном городе повсюду шла добрая слава — и на Западе, и на Востоке, чтобы все знали, что нет для купца места в мире безопаснее! Без караванов мы умрем, как виноградник без воды.

Учтивый шепот отдал должное мудрости этой речи.

— Сверх того, — продолжал тот, кто, как понял Конан, и был князем, — вы слишком уж беспокоитесь. Со дня на день я жду известия от мага Хондемира о том, что он достиг своей цели, и вскоре дикари будут в полном замешательстве.

— Он идет уже не первый день, государь, — сказал вооруженный советник, — а мы еще не видели ни одной его ученой птички с письмом. Тысяча конных воинов, Красные Орлы ушли из города, как раз когда мы так в них нуждаемся. Все, чтобы достичь Голодной Степи, где якобы есть какой-то Город Курганов. Не верю я этому туранскому фигляру, государь!

— Довольно, — оборвал его князь. — Я принял решение, ваше дело повиноваться. А теперь поговорим о займе, который мы дадим этим несчастным крестьянам, чтобы они смогли восстановить свои дома и усадьбы.

Конан поднялся на ноги. Большая часть услышанного была ему непонятна, но он был убежден, что узнал нечто очень важное. Он помнил, как потрясен был каган и другие ашкзы при известии о походе в Голодную Степь. Теперь есть более точное место: Город Курганов, что бы это ни было.

Несколько минут спустя он вновь был на улицах Согарии. Вот почему согарийцы не позабылись о кое-каких обычных для осады вещах. Этому князю помогает Хондемир, так сказать по колдовской части. Он помнил это имя из туранского послания, которое каган дал ему прочесть. Какая между всем этим связь — непонятно, но он пришел сюда собирать сведения, а не обдумывать их. Он поспешил к ближайшей городской стене.

Когда Конан вернулся в лагерь, каган был в отлучке — он проверял отдаленные посты.

Солнце уже взошло, и Конан зашел в одну из полевых кухонь, где позавтракал, потом поглядел на своих подчиненных, на их обычные боевые учения. Убедившись, что все в порядке, он отправился в свой шатер, надеясь наконец-то выспаться.

Рустуф разбудил его после полудня:

– Вставай, Конан. Каган ждет твоего доклада. Конан сел и потянулся.

– Он его не услышит еще несколько часов. А до этого мне придется сидеть на пиру с его свитой, которая даже не удостаивает меня вниманием. И только когда все уйдут, я смогу отчитаться перед каганом. Почему бы ему не позвать меня прямо тогда, когда он сможет выслушать меня наедине?

– Может, – предположил Фауд, – он считает, что ты украсишь собой его пир.

Конан запустил в туранца зловонной попоной; тот еле увернулся.

Как он и думал, ему пришлось высидеть весь долгий пир, пока каган беседовал с более важными персонами из своего окружения, выслушивал доклады военачальников и кхитайского инженера. Тот довольно долго рассказывал о строительстве из земли и щебня опорных стен для тарана. По его самым осторожным подсчетам, эти работы под стрелами врага будут стоить жизни не меньше пяти сотням рабов ежедневно. Каган счел эту цену приемлемой.

Вожди гирканийской орды, чей опыт в каменотесном деле ограничивался устройством загородки вокруг лагерного костра, с трудом понимали его специальный язык.

Им приходилось сидеть молча, с трудом смиряя гордыню; едва ли они понимали, чего хочет каган; а он хотел, чтобы осада Согарии стала для них школой, чтобы они научились чему-то для будущих войн.

Конан ждал, подавляя зевоту. Он ел много, пил умеренно и все ожидал, когда придет его очередь докладывать. Наконец пир закончился, Бартатуя отпустил своих гостей и киммериец остался с ним наедине.

– Итак, Конан, – сказал каган, когда все остальные ушли, – что ты выяснил в Согарии?

– Теперь ясно, почему они... – Но кончить он не успел: рядом зазвучали удары бубнов, перемежающиеся мерными завываниями и высокими, дикими взвизгами флейт.

– Что там такое? – буркнул Бартатуя.

У входа в шатер появилась мрачная фигура гнилозубого Данакана. Старик тарахтел своими трещотками и рассыпал по всему шатру какой-то розовый порошок. Сгорая в огне факелов, он ослепительно вспыхивал и выделял отвратительный запах.

– Что такое, шаман? – спросил Бартатуя.

– Каган, мне вместе с моими собратьями-шаманами удалось раскрыть заговор, направленный против тебя. Мы искренне желаем, чтобы ты был в полном здравии, а сегодня вечером, как нам стало известно, некто здесь, в лагере, посягнет на твою жизнь. Последуй за нами, и с нашей помощью ты узнаешь, кто бы это мог быть.

Бартатуя, сдвинув брови, посмотрел на старика:

– Только учти, шаман: мне нужны улики. Если ты вздумаешь оклеветать верного мне человека, прощайся со своей поганой башкой.

Шаман усмехнулся и кивнул:

– Не бойся, каган, улики будут. Наши боги не обманывают. По пути к выходу из шатра каган обернулся к Конану:

– Киммериец, оставайся здесь. Я все же хочу выслушать твой отчет. Надеюсь, этот старый пустозвон много времени не отнимет.

Подождав несколько мгновений, Конан опустился на кожаный диван, набитый шерстью. Левой рукой он потрогал свой меч. Мало ли что замышляют эти шаманы, надо быть готовым ко всему.

Его лучший конь ждал на дворе, но он опасался, что не успеет прихватить седельную сумку с провизией, если и впрямь придется спасаться бегством.

— Я вижу, ты по-прежнему в чести, варвар...

Конан вздрогнул. Этот голос донесся из-за занавеси у него за спиной. Конан встал на ноги; вендишка подошла и стала рядом с ним. На шее у нее красовалось ожерелье с огромным дымчато-красным рубином, и такой же рубин мерцал у нее на поясе. Бедра ее окружала серебряная цепочка, и с нее свисала юбка из дорогого черного шелка. Ноги до самых пят увиты цветными лентами, на лодыжках блестели золотые браслеты. Конан поклонился:

— В этом лагере, госпожа, зваться варваром не стыдно. А если я в чести, то лишь благодаря моей верной службе кагану и его щедрости.

— Ты осторожный человек, киммериец, — сказала она. — А я-то считала тебя безмозглым рабакой. Нет, кажется, ты не таков. Мы с тобой плохо ладили, Конан. Не лучше ли нам помириться? Ты служишь кагану как воин. А я служу ему не только своей любовью, но и советами. Что же нам ссориться друг с другом? Это вредит только нам самим.

— Я тоже не вижу в этом смысла, — произнес Конан. — Мне недосуг участвовать в придворных склоках. Я солдат, о большем не мечтаю. Да и как могу мечтать, ведь гирканийцы не любят иноземцев, в лучшем случае — терпят.

— Это мудро, — ответила вендишка. — Человек должен знать предел своих возможностей... Но должен знать и на что он способен. — Она подошла к нему поближе; благовония ударили ему в ноздри. Он внезапно насторожился.

— Ты осторожен, Конан, — сказала она. — Ты как будто ни о чем и не думаешь, кроме верной службы кагалу... Какой бы придворный из тебя вышел!

Она валила из сосуда кагана две чаши и подала одну Конану. Тот пригубил вина.

— Надеюсь, что нет, госпожа. У меня нет вкуса к дворцовым интригам. Я-то думал, что у гирканийцев такого не водится. Оказалось — и здесь есть...

— Вот как, — сказала она, подойдя к нему так близко, что он поччул запах ее пота. — Есть царь — всегда найдутся люди, служащие ему, извлекающие выгоду из его власти. Такие люди всегда на ножах друг с другом. Мудрены знают, кому из них достается победа...

— Мне это неинтересно, — ответил Конан. — Пусть каган награждает меня за мои деяния на поле брани..

— Да, — сказала она, — ты не из тех, кто пользуется в своих целях чужой властью. Ты, как огромные тигры восточных лесов, силен и одинок. Я похожа на тебя, Конан, во многом похожа, но оружие у нас разное. — Внезапно она обвила руки вокруг могучей шеи киммерийца.

Конан был ошеломлен. Да, соблазнительной наложнице удалось разбудить его страсть, но еще в большей степени — опасения. Если его застанут в таком положении с женщиной кагана, это — верная смерть.

Лакшми запустила нетерпеливые пальцы в черную шевелюру киммерийца. Другой рукой она разорвала цепочку у себя на груди. Ожерелья попадали, обнажились соски; наконец женщина, смеясь, резким движением сбросила юбку, висевшую на узанном жемчугами пояске.

— Ах ты вендиjsкая сучка! — Конан оттолкнул Лакшми от себя.

Она упала на солому, расстеленную на полу рядом с диваном.

— Что ты делаешь! — Он хотел ударить ее, но внезапно почувствовал головокружение. Он вспомнил, как она провела рукой по его шее. Эта женщина отравила его! Он потянулся к мечу, но почувствовал, что руки не слушаются его.

— Господин мой! — закричала вендиjsка. — Спаси меня! Конан обернулся и увидел, что у входа в шатер стоит каган.

Рядом с ним топтался Данакан. Старик непристойно хохотал.

— Видишь, каган? Вот об этом я и предупреждал. Чужестранец ненавидит нас. Сейчас, напившись, он пожелал завладеть твоей женшиной.

— Каган, — начал Конан, чувствуя, что язык еле ворочается во рту. — Я не...

Но удар кулака Бартатуи поверг его наземь. Скорчившись, он лежал на ковре, безмолвно проклиная себя за доверчивость. Он увидел, как каган вынимает кинжал и заносит его над ним; но гут шаман вцепился в руку Бартатуи;

— Нет, господин мой, нет. Не убивай его пока. Он нужен мне.

— Зачем, шаман? — спросил правитель. Его лицо все еще было искажено яростью.

Шаман склонился над Конаном и нежно провел узловатой рукой по его каштановым волосам.

— Предстоит одно таинство, для которого нужна жертва... Это должен быть сильный человек, чтобы он не умер быстро. Этот иноземец протянет дальше, чем любой ваш пленник.

— Отдай его шаману, господин мой, — прошипела вендиjsка. Будто бы в припадке застенчивости, она вновь прикрыла обнаженную грудь золочеными обручами и бедра — черным шелком. — Он обманул твоё доверие, а ведь ты сделал его из раба своим приближенным, удостоил своего благоволения! Он не заслужил легкой смерти.

— Хорошо, Лакшми, — сказал каган. — Шаман, он твой. Не хочу его больше видеть.

Данакан издал высокий гортанный клич, и в шатер вошли двое мальчишек. Они несли что-то вроде деревянного хомута. Хомут, по форме напоминавший перевернутую подкову, надели Конану на шею, а руки кольцами прикрепили к его боковым брусьям.

Конан наконец-то мог шевелить ногами, но язык все еще его не слушался. Слуги шамана дернули ярмо и заставили его подняться. Бартатуя подошел к киммерийцу вплотную.

— Я бы сделал тебя одним из главных военачальников, Конан, — сказал он. — Когда-нибудь, когда я создам свою империю, я мог бы сделать тебя царем под моей рукой. Теперь я вижу — глупо доверять человеку чужой крови. Надо было оставить тебя рабом. Для тебя это было бы лучше. Ты мог прожить дальше и умер бы более приятной смертью.

Конан пытался заговорить. Он хотел описать кагану предательство его наложницы и шамана. Но из горла его вырвалось лишь нечленораздельное мычание.

— Прочь с моих глаз! — с отвращением приказал каган. Шаманы поволокли Конана в ярме прочь из шатра. Охрана в ужасе глядела, как великий воин, спотыкаясь, идет по лагерю, подгоняемый кнутом Данакана. Разум его только начинал отходить от отравы, данной Лакшми. Но гнев и ненависть жгли его сильнее всякой отравы.

В конце концов рабы Данакана заставили Конана встать на колени. Он понял, что они уже не в лагере. Он попытался приподнять голову, зажатую ярмом. Рядом с ним был неоструганный кол; где-то неподалеку горел большой костер.

— Можешь пока отдохнуть, — сказал Данакан. — Я хочу, чтобы ты встретил смерть в полном сознании. Когда луна будет в зените, мы начнем таинство. Даже самые сильные из

наших жертв не выдерживали его до конца!

Конан упал лицом в землю и погрузился в беспамятство.

Он проснулся от нестерпимой боли в плечах и в запястьях. Вокруг играла устрашающая музыка. Он открыл глаза и увидел странные создания, пляшущие вокруг костра. Пламя было какого-то неестественного цвета. Танцующие двигались так быстро, а их одежды были столь причудливы, что он не мог разобрать, каков смысл их танца.

Он разглядел Данакана и юношу в женской одежде. И еще он увидел Лакшми. Вендийка была обнажена, и, должно быть, она-то и была главной участницей этого зловещего таинства. Может быть, это все еще сказывалось зелье, но некоторые из ее движений показались ему не только бесстыдными, но попросту физически неисполнимыми.

Наконец музыка затихла, и безумные твари окружили Конана. Ярмо повернули и дугу его закрепили на вершине кола. Теперь Конан висел на собственных запястьях. Он попробовал пошевелить пальцами, но они затекли.

Данакан выступил из круга; рядом с ним была Лакшми. Морщистое тело старца и алебастровая кожа вендийки лоснились от пота и притираний. Оба были забрызганы кровью, но Конан не понял чьей, да и не хотел понимать.

— Ты готов, чужестранец? — зловеще усмехаясь, спросил Данакан.

— Он в сознании, — воскликнула наложница, — Он готов для нашего таинства! — Ее улыбка, казалось, принадлежала не человеческому существу.

Конан совладал с собой. Больше у него ничего отнять. Оружие и одежду с него сняли, осталось только нижнее платье. Одним ударом ноги он мог бы переломить шею и шаману, и этой женщине, только вот лодыжки его были прикручены к колу.

— Пора начинать, — с улыбкой произнес шаман. — Боги ждут.

Помощники подали старику кривой нож с причудливо изогнутым концом, и он взметнул его перед глазами Конана, а между тем женщина запустила пальцы под одежду жертве... Но внезапно Конан увидел, как все присутствующие замерли.

Из правой глазницы шамана торчало ястребиное перо, которым украшались гирканийские стрелы. Окровавленный наконечник торчал с другой стороны черепа. Кровь и мозг обрызгали тело старого шамана, и он беззвучно свалился на землю. Женоподобный юноша с завыванием упал на бездыханное тело.

Второй шаман трясясь в предсмертной судороге — стрела попала ему в грудь. Юноша в женской одежде вскочил, взял нож из рук мертвого Данакана и бросился на Конана; пена выступила в уголе его искривленного рта.

Но в этот момент что-то сверкающее, серебристое мелькнуло около его глотки. Юноша, широко раскрыв глаза, поднес руку к шее — но в это мгновение из нее хлынул фонтан крови, забрызгавший все кругом.

Юноша упал и затих, как лошадь, напоровшаяся на кол. Его убийца стер кровь со своего кривого меча.

— Как всегда, в центре событий, Конан? — спросил Рустуф. Козак вложил меч в ножны и кинжалом перерезал веревки, которыми был скручен Конан. Он увидел и Фауда: тот, сидя верхом на ловкой кобыле, всаживал свою пику между лопаток убегающего шамана.

— Вы не упустили вендийку? — с трудом выговорил Конан.

— Погоди, — сказал Рустуф. Он достал из-за седла топорик и разрубил цепь, которой было приковано к ярму одно из запястий киммерийца. — Мы все еще в опасности, Конан. Нет, я не убил ее, и теперь она будет думать только о мести.

Он разрубил другую цепь, и Конан упал бы на землю, не подхвати его Рустуф.

— Конечно, — продолжал козак, — попытайся она проделать со мной то, что чуть не проделала с тобой, я бы только и мечтал о том, чтобы разрубить ее нежное тельце на мелкие кусочки. Так что я тебя понимаю! Но увы — она ускользнула, ускользнула, как змея.

Фауд вернулся, ведя здорового жеребца — это был любимый конь Конана. Двое друзей помогли ему забраться в седло, и Рустуф закрутил поводья вокруг его онемевшей руки.

— Теперь надо лететь как ветер, — сказал Рустуф. — И уйти от погони. Каган непременно пошлет ее. Наш путь — на северо-запад.

— Почему северо-запад? — спросил Конан. Ему было больно говорить.

— Потому что в этом направлении сегодня небо багровое и темное. Я знаю приметы. Это предвестие песчаной бури. Если мы сами выдержим ее, она занесет наши следы.

Фауд поскакал за ними вслед, закрутив поводья на левой руке. Конан превозмог боль в одеревеневших членах и погнал коня галопом.

— Такую услугу, ребята, никогда не забывают! А теперь — в путь!

ГЛАВА 11

И шкала сидела в своем шатре, погруженная в раздумья. Две ночи назад достигли они своей цели – безжизненной Голодной Степи. Пестрая колонна всадников – сейчас их было тысячи две – достигла жалкой речушки, в которой воды к вечеру едва хватало, чтобы напоить коней. Земля была здесь такой ровной, что взгляду не на чем было остановиться, и человек терял всякое разумение о том, где он находится, и начинал блуждать вслепую. Только по солнцу, луне и звездам можно было определить направление.

Они слепо повиновались распоряжениям ту райского мага Хондемира, и он безошибочно вывел их сюда, к Курганам Спящих. Это было священное место клана ашкузов, здесь покоились великие вожди степняков. Край шатра был приподнят, чтобы внутрь лился свежий воздуха, и княжна с ужасом глядела на окружавшую ее равнину. Да, неуютное место!

Высокий глиняный вал окружал выжженное поле, уходившее на много акров в даль. Все оно было заполнено курганами. Некоторые были в человеческий рост, но большинство раза в три-четыре выше. А кое-какие возвышались на восемьдесят, а то и больше футов над степной равниной.

На многих курганах были шесты, на которых красовались черепа людей и животных и конские хвосты, раскрашенные в разные цвета. На многих были знамена из разноцветного шелка, по большей части старые и сгнившие. Шесты были не из дерева, как те, что носят кочевники в походах, но из прекрасной бронзы. Везде валялись кости – человеческие и лошадиные. Иногда можно было увидеть скелет воина верхом на скелете коня – как будто готовы прямо сейчас сорваться в бой.

– Страшновато, да? – спросил голос рядом с ней. Ишкала обернулась. И увидела Хондемира.

– Жуткое место, – проговорила княжна. – Это сделали живые дикари в память о дикарях мертвых. Лучше бы нам быть подальше отсюда.

– Но увы, наше дело еще не закончено. – Днем раньше маг обошел Город Курганов, делая что-то вроде зарисовок. Этим вечером он отправил еще двух птиц-вестников. – Подождите еще немного, пока я совершу чары, необходимые для спасения нашей прекрасной Согарии.

– Что ж, желаю успеха, – сказала она. – Я хочу одного – поскорей отсюда убраться. – Она взглянула на огромный курган рядом с шатром: – Неужто это действительно построили дикари?

– Да, – подтвердил он. – Хоть кочевники и не любят ручной работы, для мертвых повелителей они смиряют спесь. Когда умирает кто-то по-настоящему великий, они захватывают и приводят сюда побольше рабов, чтобы насыпать курган на славу. Прошлой ночью я говорил с духами здешних мест и узнал многое о их прошлом. Город курганов древен, сами ашкузы даже не знают, насколько древен.

Он указал рукой на усыпальницы:

– То, что мы видим, – это самые последние захоронения, в основном последних двух тысячелетий. Но здесь были куда более старые курганы, только годы сровняли их с землей. Это место пропитано магическими силами. Обычному человеку эти силы не почутуть, но настоящий маг распознает их без труда.

Она задрожала – и не потому, что внезапно подул степной ветер.

– Я не люблю таких вещей.

— Когда восстанавливали стену вокруг курганов, — продолжил он, видя, что она молчит, — эти люди месяцами совершали налеты на приграничные города, захватывая в рабство всех, кого могли. Это было сто пятьдесят лет назад. Они захватили двести тысяч пленных и погнали их сюда. Больше половины погибло от голода в пути. Многие погибли при работах. А когда стену восстановили, гирканийцы принесли всех выживших в жертву богам и так сохранили тайну этого места.

— Я могу в это поверить, — сказала Ишкала. — Дикари не считают за людей тех, кто не принадлежит к их народу.

Он криво усмехнулся:

— К своим они не более милосердны. — Он указал на дальний холм высотой в три человеческих роста: — Это усыпальница могущественного кагана. Он погиб в бою далеко отсюда, тело его сохранили в целости с помощью трав и доставили сюда. Вместе с ним закопали всех его жен и наложниц и пятьдесят лошадей.

А потом взяли пятьдесят молодых воинов, все — добровольцы. Для каждого воина и его коня сделали специальную раму. Потом лошадей убили, и труп каждой лошади пронзили колом; колы эти установили на раму так, чтобы копыта висели в нескольких дюймах над землей. После этого задушили воинов, тела их тоже проткнули кольями и установили эти колья так, чтобы отточенный конец входил в отверстие в том коле, на котором висел конский труп. А после воинам вложили в руки оружие, на коней надели попоны, и остались их охранять сон повелителя. Так поступили с пятьюдесятью юношами из хороших семей. Разве это не знак высшего племени, племени завоевателей?

— Я вижу, ты восхищаешься ими, колдун! — воскликнула пораженная княжна.

— Конечно, — ответил он. — Когда-то мои предки, туранцы, были таким же племенем, диким и безжалостным, и не испытывали к побежденным ничего, кроме презрения. Но с годами мы ослабели духом, переняли обычай завоеванных народов. Да, эти гирканийцы жестоки, но они не отравлены цивилизацией. Они уважают лишь силу: силу оружия и силу магии. Они гордятся тем, что у них есть человеческие жертвоприношения. Они готовы истреблять иноплеменников тысячами, только чтобы расчистить себе место. Такой народ может потрясти мир.

— Так не дадим им сделать это! — сказала княжна.

Эту ночь Ишкала провела без сна. В лагере было шумно. Согарийские Красные Орлы вполголоса переговаривались у костров. Они были смущены я подавлены мрачным местом, куда завела их судьба, — чудовищными конными скелетами, огромными царскими курганами...

А эти гнусные туранцы, расположившиеся поодаль, были не так смирны. Может, они были более привычны к приключениям, а может, просто не так почтительно относились к смерти, но только курганы не произвели на них такого уж устрашающего впечатления.

Некоторые смельчаки даже пытались разрыть курганы, чтобы поживиться драгоценностями, но после нескольких часов непривычного труда их сморило.

Ишкала встала с постели и оделась в самое темное из своих платьев, а на голову накинула черное покрывало. Она не знала, с чем ей придется столкнуться, но ей не хотелось привлекать к себе внимание. Она погасила свечу и выскользнула из шатра. Согарийцы, погруженные в свои разговоры, не заметили ее.

Она сама не знала почему, но ей хотелось выяснить, чем заняты туранцы. Все, что происходило с ней после отъезда из города, казалось бессмысленным. Зачем она

понадобилась магу для его колдовства? Зачем присоединились к ним туранские воины?

Она шла осторожно, стараясь не споткнуться о бесчисленные человеческие кости, белевшие в лунном свете. Она знала: это лишь бездыханные останки, но ей казалось, что они замышляют злое. Она шла вдоль курганов и вздрагивала при взгляде на высокие шесты, увенчанные человеческими черепами. Ей рисовалась страшная картина – призрачная орда всадников: каганы былых времен со своими задушенными наложницами и посаженными на кол конями...

И как будто в согласии с этими мыслями, она натолкнулась на деревянную раму, поддерживающую лошадиный скелет, как будто живущий своей загробной жизнью. Она ненароком задела кол, и конский череп ткнулся ей в лицо; а обернувшись, она увидела рядом другой череп, человеческий, в старомодном заржавевшем шлеме.

Она поспешила прочь от этих жутких стражей и подошла к кургану, который они охраняли, месту последнего успокоения Учи-Кагана прежних поколений. И тут она услышала шум туранского войска. Повсюду горели костры – жгли степные кустики и кизяки, собранные на окрестной равнине. Она слышала – Джеку говорил в своей ставке, что эти туранцы могут выжечь все пригодное топливо в округе за несколько дней.

Она обошла туранский лагерь, послушала их грубые песни... По пути она наткнулась на что-то валяющееся на земле и увидела, что это труп. На мертвце была туранская одежда, и в боку его была глубокая рана. При лунном свете заметен был след от крови. Видно, туранцы не сочли своего товарища достойным погребения.

Она пыталась разобраться – где же в этом лагере командиры? Может, ей удастся услышать что-то полезное. Она не очень-то верила в магические силы Хондемира и надеялась добыть свидетельства, что все эти силы – обман. Тогда ей, может быть, удастся уговорить Джеку прервать это безумное путешествие и вернуться в город.

Она нашла наконец богато украшенный шатер поодаль от остальных. Она нашла святилище Митры – латунную чашу, в которой дымилось какое-то смолистое вещество. Рядом горел костер, и вокруг него сидело несколько человек. Все туранцы, но, судя по одежде и обхождению, высокородные, не похожие на неотесанных силачей. Но и у них во взгляде и в манерах была резкость, необычная для изнеженной знати. Ведь эти люди были изгнанниками, хлебнувшими лиха.

– Еще недолго, друзья мои, – сказал один. Ишкала узнала в нем Буламба, военачальника, который приветствовал Хондемира, когда две колонны встретились. – Скоро кончатся тяжкие годы изгнания и мы вновь станем вождями, как нам подобает.

– Завидую твоей вере в колдовство, – ответил другой туранец. Борода его была выкрашена в малиновый цвет – отличительный признак поклонника Митры из северного Турана.

– А ты не веришь, Румал? – спросил его Буламб.

– Я верю в Господа Митру и в мое право быть властителем в Султанапаре. Колдун показал уже свою силу, когда поднял восстание против узурпатора Ездигерда. – При упоминании ненавистного имени все сплюнули. – Тогда, два года назад, нас разбили и мы бежали кто куда. Я иду за ним, потому что у нас нет другого претендента на престол, но слепо верить в него я не обязан.

– Ты мог бы быть потверже духом, – возразил Буламб. – Два года назад мы вынуждены были действовать, не подготовившись как следует. Перебежчики предали нас, и чары Хондемира не успели подействовать. Колдовство требует времени больше, чем военная

кампания. Да вот кстати, разве не его чары спасли нас тогда от царского войска? Кто будет со мной спорить?

— Это правда, — сказал седой человек в дорогих доспехах. — Они бы накрыли нас между Джебайльскими горами и Озером Слез, если бы могучий волшебный дух не пронесся над их спящим войском. Ни один человек не смог встать на ноги утром, и две тысячи воинов умерли за десять дней. Это была жестокая магия, но именно она позволила нам уйти от погани.

— И с тех пор жить, как голодные бродяги, — буркнул краснобородый Румал.

— Это скоро кончится, — пообещал Буламб. — Здесь, в kraю призраков и могущественных духов, наш господин сделал то, чего не устраивал ни один маг уже тысячи лет. С помощью этих чар мы получим подкрепление, о котором можно только мечтать, и с победой войдем в Аграпур! — Его черные глаза наполнились почти безумной, фанатической верой. — Мы вернем себе прекрасные города и плодородные земли, земли нашего народа, откуда нас изгнали. Наш господин Хондемир отдаст нам в руки тех, кто издевался над нами, кто пытал нас, и мы убьем их, мы сами будем пытать их, закуем их в цепи, как рабов, — что захотим, то и сделаем!

Тирада Буламба вызвала всеобщее оживление, и даже те из туранцев, кто, казалось, совсем пал духом, несколько воспряли. Раб поднес каждому туранского вина в украшенных жемчугом чашах.

Пока они вели между собой речи, полные алчности и жажды мести, Ишкала ускользнула.

Вот теперь у нее есть что сказать капитану Джеку! Каким-то образом она не до конца понимала, как именно, — Хондемир собирается вернуть себе туранский престол. Какое это имеет отношение к осаде Согарии, она понять не могла, но одно она знала точно — в планы ее отца вовсе не входитссориться с царем Езидигердом. Безумные планы Хондемира надо разрушить.

— Куда направляешься, милашка?

Ее сердце ушло в пятки: кто-то грубо схватил ее за руку. Она обернулась: это был уродливый, осповатый туранец. От него несло вином. Она потянулась, чтобы откинуть покрывало, и туранец плотоядно улыбнулся. А когда он увидел ее красоту, его косые глазенки округлились.

— Ну и ну! Я-то думал — кто-то шпионит у нас в лагере, я и поймаю, отличусь... А тут — такая добыча!

Он поволок ее к костру. На нее уставились десятки пьяных глаз, полных вожделения.

— Глядите, ребята, — сказал схвативший ее туранец, — чем я, Хазбал, поживился!

Он сорвал с нее темное покрывало, выставив на всеобщее обозрение ее побледневшие от страха прелести. На ней осталась лишь короткая рубашка из бледного полотна, в которой она спала.

— А ну отпустите меня, вы, туранские свиньи, — закричала она. — Я княжна Ишкала, и Красные Орлы от вас места мокрого не оставят...

Туранец захочотал, обнажив редкие гнилые зубы. Остальные подхватили его смех.

— Княжна, говоришь? Думаешь, для нас это много значит? Да плевали мы на то, кто твой папаша Княжна так княжна, и с княжной позабавимся. Семь бед один ответ!

Он вцепился в ее рубашку и разорвал ее от шеи до талии.

— А не жирно ли для такого, как ты, Хазбал? — спросил толстый бритоголовый туранец, поднимаясь на ноги. Пояс этого человека был перехвачен богатым кушаком, лицо и

мускулистый торс изборождены шрамами. – Я беру ее себе, по праву командира.

– Вот как, Камчак? – оскалился Хазбал. – Думаешь, если я воюю в твоем отряде, ты и добычу мою можешь отнимать? Ладно, бери девчонку, но только после того, как я сам позабавлюсь.

Бритоголовый побагровел:

– Вздумал спорить со мной, ты, червяк? Да я тебя в порошок сотру!

Хазбал толкнул Ишкалу в толпу ухмыляющихся разбойников. В мгновение ока ее запястья и лодыжки стянули веревками.

– Попридержите свои сучки, пока я не разберусь с этим ублюдком! крикнул им Хазбал, доставая из ножей заточенный обоюдоострый кинжал.

– Да уж, потанцуем-ка на пару, дружок, – ответил Камчак. – После таких упражнений еще приятнее будет заняться кое-чем повеселее. – Он достал точно такой же кинжал и ринулся на Хазбала, подпрыгивая на своих толстых голых ногах.

– Побереги-ка дыхание, немного тебе еще осталось, ты, мешок свиного сала! – закричал Хазбал и попытался ударить противника кинжалом.

Но Камчак, несмотря на тучность, был ловок и легко увернулся от удара, отклонившись назад. Затем он нанес ответный удар сбоку; он метил Хазбалу в глотку, но не попал и только отсек у противника мочку уха. Увидев кровь, он довольно улыбнулся:

– Первый настоящий удар – мой!

– Мой будет последним, – ответил Хазбал с такой же широкой улыбкой. Его кинжал, блеснув в пламени костра, прочертит в воздухе подобие буквы X, заставив Камчака легко отклониться назад. Тем временем кинжал Хазбала с размаху вошел в его выставленное вперед бедро.

Из ноги брызнула кровь, но Камчак успел ответить: его клинок ударили в плечо атакующего врага и провел багровую черту до самого локтя.

Противники разошлись, чтобы перевязать раны и подготовиться к новой схватке. Зрителям явно доставлял удовольствие этот кровавый поединок двух мужчин за право первым обладать прекрасной пленницей.

Наконец улыбки исчезли с лиц бойцов. Они вновь схватились за кинжалы и стали кружиться друг вокруг друга, извиваясь, как хищные звери. Каждый хотел ударить первым. Они уже забыли о женщине, ими овладела другая страсть – страсть к убийству. Хазбал подкрался и замахнулся, целясь Камчаку в брюхо. Тот прикрыл левой рукой, но кинжал Хазбала обогнул ее и стал скользить к шее великана.

Но этот маневр не обманул Камчака. Кинжал Хазбала не успел достичь его глотки: он резко отклонился вправо, схватил врага за пояс и вонзил кинжал ему в живот, трижды для верности повернув лезвие. Лицо Хазбала исказила гримаса; Камчак вынул кинжал из раны – при этом раздался чавкающий звук – и рассек врагу шею за ухом. Хлынул фонтан крови; кровь попала в костер, где собралась в зловонное облачко.

Злобно ухмыляясь, Камчак отирал с клинка кровь поверженного врага и принимал поздравления товарищей, которые не без заискивания расхваливали его мастерство фехтовальщика и с преувеличенным восторгом похлопывали его по плечу.

Ишкала с ужасом смотрела на нависшую над ней великанскую тушу. Торс Камчака, влажный от пота и крови, зловеще блестел при свете костра. Правая рука, которой он только что отер свой меч, была красна от крови. Не обращая внимания на свое раненое бедро, он склонился над женщиной, полный вожделения.

— Начнем же, — прошептал он, разрывая жемчужный пояс Ишкалы и привлекая ее к себе. Ее затошило от его смрада, но она подавила позыв к рвоте и собрала дыхание для самого громкого в своей жизни крика. Кто-нибудь да услышит!

— Стойте!

Это произнес чей-то негромкий голос — и сразу наступила полная тишина. Даже на губах у Ишкалы замер крик. Хондемир вошел в освещенный костром круг, и самых заядлых головорезов охватила дрожь.

— Отпустите ее, — приказал он.

Воины, окружавшие Ишкалу, разошлись, оставив княжну наедине с насильником.

Она думала, что тот подчинится приказу Хондемира, но туранский командир явно не настроен был это делать. Он только что завоевал эту женщину в рукопашной схватке, что же ему отдавать ее какому-то чародею!

— Отпустить ее? — Голос Камчака поднялся до визга. Он дернул головой, обрызгав Ишкалу слюной и потом. — Я своими руками добыл эту женщину, Хондемир. Раздобудь себе своим колдовством что-нибудь другое или бери нож и сражайся за нее, как Хазбал! — Он что было мочи обхватил грудь Ишкалы, так что она чуть не задохнулась.

— Нож, говоришь? — спросил Хондемир. — Хорошо, будет тебе нож.

Маг поднял руку, и с его ногтей брызнули разноцветные лучи. Он быстро задвигал пальцами — Ишкала и думать не могла, что человеческие пальцы способны выделывать подобное. Зрелище было таким захватывающим, что она и не заметила, как ручищи, держащие ее, разжались.

Камчак застыл на месте; в его лице и телодвижениях чувствовалась слабость и неуверенность. Он потянулся к поясу, достал из ножен кинжал, поднял его и вдруг застыл. Ишкала подумала, что он собирается напасть на мага, и сама не знала, кому из этой парочки она скорее желает смерти. Но туранец смотрел на свой кинжал так, будто видел его впервые. А когда он занес руку с лезвием, его глаза расширились от ужаса, и Ишкала поняла, что тело этого человека больше не повинуется его воле. Странно медлительным движением Камчак развернул кинжал острием к себе и обеими руками обхватил рукоятку.

Колдун продолжал свои манипуляции; Ишкала увидела, как Камчак подносит лезвие к собственному животу и, с выражением безумия на потном лице, начинает вонзать его в свою плоть. Когда кинжал коснулся тела, он пронзительно взвизгнул и продолжал визжать, пока лезвие погружалось в его тело. Крови было совсем мало — как от обычного пореза. Потом он повернул лезвие и стал вскрывать себе грудную клетку.

Кинжал скользил, и постепенно стало обнажаться месиво из крови и внутренностей. В какой-то момент нож наткнулся на грудную кость — и каким-то чудом двинулся дальше, к горлани. К тому времени, когда Камчак наконец свалился в костер, подняв столб искр и зловонного дыма, разрез достиг щеки.

Наступило молчание. Не слышно было ничего, кроме потрескивания костра. Все с ужасом смотрели на мага, боясь пошевелиться.

Хондемир стоял неподвижно, опустив руки, но глаза его все еще гневно блестели. Рядом с ним теперь стоял Буламб, привлеченный шумом.

— Что случилось, господин мой? — спросил он.

— Небольшое нарушение дисциплины, — ответил маг. — Надеюсь, больше таких прискорбных случаев не будет.

— Не допустим, господин мой, — уверил его Буламб.

— Княжна, — приказал Хондемир, — следуйте за мной. Ишкала повиновалась: она только что видела, каково спорить с этим колдуном. Хладнокровный туранец подал ей покрывало, и княжна с магом пошли прочь от костра.

Они миновали лагерь и вышли к открытой площадке у земляного вала, где маг разбил свою палатку. Молча он вошел внутрь, и княжна кротко последовала за ним. Внутри палатка была обставлена на удивление богато: столики, накрытые прекрасными скатертями, ковры, украшения на стенах. Дымилась маленькая жаровня; несколько изящных бронзовых ламп освещали шатер. Здесь было много книг и пергаментов и несколько странных, тонкой работы инструментов из серебра, бронзы и хрусталя, инкрустированных жемчугом и золотом. Это, видно, и были колдовские приспособления Хондемира. Княжна с удовлетворением отметила, что здесь не было ни духов, ни призраков — никаких сверхъестественных явлений.

— Итак, княжна, что вы делали в туранском лагере поздней ночью? Колдун глядел сурово, но Ишкала старалась не дать запугать себя.

— А почему мне здесь не быть? Я — принцесса королевской крови, и я не обязана объяснять свои действия никому, кроме моего отца. — Она надеялась, что ее надменность поможет скрыть страх.

Хондемир одарил ее насмешливой улыбкой:

— И все равно это была с вашей стороны чистейшей воды глупость. Этим людям до вашего сана нет никакого дела. Для вас это могло закончиться очень скверно. Нет уж, госпожа моя, не надо со мной играть высокомерную царственную особу. У вашего странного поступка может быть лишь одно объяснение: вы шпионили за нами. Что же вы хотели выяснить в туранском лагере?

— Шпионила? Какой может быть шпионаж среди союзников? У таких друзей, как мы, Хондемир, не может быть друг от друга никаких секретов.

— Не испытывайте мое терпение, Ишкала, — ответил колдун. Он поднял руки, и его пальцы начали светиться.

— Я хотела узнать, что мы здесь собираемся делать, — поспешила сказать она. Конечно, это не было ответом на заданный вопрос. Она решила вернуться к прежнему, полному холодного достоинства тону. — Из разговоров ваших туранских бродяг я поняла, что вы собираетесь вернуть себе туранский престол. Я знаю, что моему отцу это неизвестно. Сейчас, когда город осажден гирканцами, нам меньше всего нужна война с Тураном. Вы не должны использовать нас в своих безумных планах, маг, какую бы службу вы ни обещали нашему городу!

Хондемир повел холеной рукой:

— Разве я прошу у Согарии какой бы то ни было поддержки в моих притязаниях на туранский престол? Конечно же нет! Пожалуйста, княжна, успокойтесь, и мы обсудим это, если желаете. — Он наполнил кубок вином и подал ей, затем указал на лежащую на полу подушечку, приглашая ее садиться.

— Объясните же, — сказала она.

— Мой спор с узурпатором Ездигердом не разрешен, но я не прошу Согарию принять мою сторону в гражданской войне. Я — законный наследник туранского престола. Моя мать, княжна Конашаэр, была первой женой короля Йилдиза Туранского. Через несколько месяцев после моего рождения разные политические соображения заставили его изгнать мою мать и взять новую жену, дочь северного сатрапа, в чьей поддержке он нуждался для защиты трона. Эта женщина-мать Ездигерда. Она не хотела, чтобы кто-то стоял между ее сыном и

престолом, поэтому она приказала задушить мою мать, и меня тоже, хотя я был тогда всего лишь двухлетним ребенком. Знал ли об этом Йилдиз – не могу сказать. Он был человек слабовольный и легко поддавался на уговоры жен и советников. – Колдун заглянул в чашу, как бы читая в ее глубине свое грядущее. – Но меня не убили. Среди посланных на это дело был один дальний родич моей матери. Ее он спасти не сумел, но ему удалось убить своих сообщников прежде, чем они достигли детской. Он укрыл меня на родовых землях, в пустынях на севере Самары. Родственники вырастили меня; я изучил искусство Истинной Власти. А потом, в один прекрасный день, наша семья была обвинена в измене, родовые земли конфисковали, лучших юношей забрали на службу в части, предназначенные для самоубийственных заданий в безнадежных войнах.

Когда Езидгерд взошел на трон, эти гонения продолжились, пока от всего рода не осталось несколько запуганных стариков, уединенно живущих в своих замках в пустынных местах... и меня. Я поклялся использовать темные искусства, которыми я овладел, чтобы вернуть себе трон, а нашему роду достойное положение. Я сотру самую память об узурпаторе, лжецаре Езидгерде!

– Понятно, – сказала княжна. Она не могла поручиться за истинность только что выслушанной истории, как, впрочем, и безоговорочно отвергнуть ее. Она была достаточно умна и опытна, чтобы знать: стоит появиться новому царю на троне, как грибы из-под земли, появляются другие претенденты; и каждый из неудачливых царских сыновей и братьев готов поклясться в справедливости своих притязаний.

– Прекрасно. Таким образом, вы понимаете, что моя встреча с моими сторонниками не имеет ничего общего с тем, что я делаю на службе у вашего отца. Я лишь воспользовался случаем, чтобы провести в моих войсках кое-какие перемены, не привлекая внимания Езидгерда. Тем не менее наши силы удваиваются – если на нас, паче чаяния, кто-то нападет.

– Весьма мудро, Хондемир, и весьма предусмотрительно.

Ей не хотелось, чтобы эти слова прозвучали саркастически. Хондемир выглядел удовлетворенным, но поведение его было не слишком почтительным. Здесь есть о чем подумать... Похоже, магу попросту все равно, что она расскажет отцу. Не значит ли это, что она уже ничего не сможет рассказать? Ее охватила внезапная дрожь.

– Зачем я здесь вам нужна?

Маг провел рукой в воздухе, и на кончиках его пальцев на миг появилось радужное свечение.

– Просто... связующее звено, дорогая моя. Я работаю для вашего достопочтенного отца. Поскольку сам он не может присутствовать при главном таинстве, мне требуется... помощник, близкий ему по крови. Сыновья нужны ему при защите города. Остается его старшая дочь. Не бойтесь, дитя мое. Вы понадобитесь мне на короткое время, для одного недолгого, но важнейшего этапа таинства. А потом гирканийской угрозы больше не будет и вы сможете отправляться куда пожелаете.

Ишкала не уверена была, что слова мага не содержат если не прямой лжи, то по крайней мере второго смысла. Она могла поручиться в одном: ей грозила серьезная опасность.

– Ну и когда же, – спросила она, – это ритуал начнется? Мне не терпится вернуться домой.

– На пятую ночь, считая от сегодняшней, – сказал Хондемир, – выйдет луна, звезды займут нужное положение, и тогда можно начинать. И никаких хлопот с гирканийцами у вас больше не будет.

– Прекрасно, Хондемир, – произнесла она самым царственным тоном, на какой только была способна. – Жаль, что вы раньше мне все это не объяснили. Тогда можно было бы избежать всех недоразумений этой ночи...

– Недоразумений? – отозвался Хондемир, подняв брови. – Каких недоразумений?

Возвращаясь сквозь непроглядный мрак в свою палатку, Ишкала ясно чувствовала: опасность велика. Где-то сейчас Мансур? Как раз в этот момент сорвиголова был бы как нельзя кстати – при всей своей нерасчетливости...

ГЛАВА 12

Конан проснулся от резкого толчка – поводья киммериец намотал на руку, и когда лошадь сильно дернулась, что-то, видимо, почуяв, варвар тут же позабыл про сон. Он вскочил с земли и потянулся к рукоятке меча. Что напугало животное?

Как и предвидел Рустуф, песчаная буря помогла им уйти от погони гирканийцев, но при этом они потеряли друг друга. Когда ветер улегся, Конан не увидел ни воинов кагана, ни своих товарищей. Он провел несколько часов в тревожном сне, готовый при первом появлении гирканийцев подняться и вскочить в седло.

На востоке забрезжило, и в лучах рассвета Конан увидел одинокого всадника. Может, это Рустуф или Фауд, а может, отбившийся от отряда гирканиец? Конан решил дождаться этого человека. Если это враг, все равно от одного воина убегать нет смысла.

Когда всадник приблизился, Конан увидел, что незнакомец облачен в форменную одежду согарийского гонца. В глаза сразу бросились желтые перья и легкое вооружение.

Всадник выглядел удрученным; он печально ехал, опустив глаза, а тем временем его конь неторопливо ступал по высохшей земле.

Интересно, что парню здесь понадобилось?

– Привет! – гаркнул Конан, когда всадник подъехал поближе. Тот – как заметил киммериец, очень молодой человек – посмотрел на варвара с неподдельным изумлением.

– Кто ты? Неужели дикарь? – проговорил юноша.

– Самый лучший из всех, какие только бывают, – усмехнулся киммериец. А что ты делаешь здесь, в чистом поле? Кому тут нужны твои срочные вести?

– Я не гонец. Я Мансур Альяша, поэт и герой. Я собственоручно убил двух гирканийцев – двумя ударами.

Так это тот сумасшедший поэт, о котором говорили вчера солдаты в таверне! Конан улыбнулся: всякий юнец после первой победы считает себя величайшим воином в мире. Вспыльчивый и самолюбивый мальчик, кажется, воспринял усмешку киммерийца как вызов.

– Вижу, ты мне не веришь. Не раздражай Мансура-великого, чужестранец. Меня учили лучшие согарийские фехтовальщики. Ты, конечно, из караванных охранников и считаешь себя воином, но не равняй себя с такими, как я.

Он грозно взглянул на Конана, но впечатление от этого взгляда несколько портил косо сидящий на голове юноши шлем.

– Нет, – ответил киммериец. – Я служил в десятке армий, во всех чинах от копьеносца до капитана. Я командовал боевым флотом в Море Запада и на море Вилайет. Я воевал во всех странах к западу от Кхитая. И я убил, как-никак, побольше двух воинов, и парни эти совсем не плохо управлялись с мечом.

– Что ж тогда великий воитель делает среди степи на одной-единственной кобыле? – саркастически спросил Мансур.

– До сего дня я был командиром в орде Бартатуи, у гирканийцев. Произошло недоразумение, и мне пришлось бежать. В данный момент...

– Бартатуя! – воскликнул Мансур. – Ты служил проклятым кочевникам! Ни один враг Согарии не останется живым там, где появляюсь я, Мансур Альяша! Юноша спешился и выхватил меч.

– Я больше не...

Но киммериец не успел закончить фразы, как юноша напал на него. Проворчав под нос отборное ругательство, Конан нехотя достал свой собственный меч. Чего ему сейчас не хватало – так это драться посреди голой степи с придурочным молокососом. В собственных силах варвар ни на мгновение не усомнился, но он по опыту знал – даже самого опытного и могучего воина может ранить какой-нибудь ретивый юнец, а в таком заброшенном месте и легкая рана нежелательна.

Мансур провел отвлекающий маневр, якобы намереваясь поразить врага в колено: он рассчитывал резко изменить направление и внезапно нанести удар в горло. Киммериец легко распознал этот прием: таким штучкам учат зингарские фехтовальщики, в расчете на кривые восточные мечи. Он шутя отбил атаку и с размаху шлепнул паренька по голове ладонью. Мальчишка упал, шлем у него свалился.

– Первый урок, – назидательно проговорил киммериец, – никогда в открытом бою не стремись делать слишком длинных выпадов. Если промахнешься не успеешь принять защитную стойку. Ты так далеко отставил колено, что я мог бы размозжить его рукоятью меча.

– Я запомню, – буркнул Мансур. Красный как рак, он поднялся с земли. А теперь защищайся! – И юноша обрушил на ухмыляющегося варвара шквал ударов, так что Конану пришлось слегка потрудиться, чтобы отразить яростную атаку парнишки.

Юноша быстр и ловок – киммериец отметил это, однако ему еще очень далеко до могучего, искушенного в ратном деле варвара. Несколько раз за время поединка Конан без труда мог убить юношу, но почему-то ему не хотелось этого делать. Может быть, Конан вспомнил самого себя в ранней молодости... Впрочем, он и сам был отнюдь не стар. Киммериец исчислял свой возраст не количеством прожитых лет, а победами в битвах.

Мансур быстро выдохся. Он вновь попытался ударить Конана в коленную чашечку, сбить с ног и так закончить бой. Но не тут-то было. Конан резко отвел ногу, и меч юного согарийца проткнул лишь пустоту. Подавшись слишком сильно вперед, парнишка потерял равновесие, и киммериец несильным пинком отправил его на землю.

Согариец по-змеиному извернулся. Он был ослеплен болью, кровь текла по его лицу. Когда юноша утихомирился, Конан шагнул к нему и подобрал его меч. Затем он подошел к коню бедолаги-поэта. Животное пощипывало жесткую, сухую траву и не обращало на киммерийца никакого внимания. Конан заметил приторченный к седлу кожаный бурдючик. Там оказалось желтое согарийское вино, разведенное водой. Славное питье для человека, дышавшего всю ночь степной пылью!

– Есть у тебя какая-нибудь еда? – спросил Конан. – Жрать хочется!

– Немного обжаренного зерна и сухих фруктов в седельной сумке, промямлил Мансур. Теперь он сидел на земле, держась за голову. Она больше не кровоточила, но зато на ней вскочила огромная, как раз достойная героя шишка. Коснувшись ее рукой, Мансур вздрогнул от боли. – Где это ты выучился так драться?

Конан с удовольствием бросил в рот горсть зерна, смочил горло вином.

– Лучше, чем ничего, – проговорил он. Подойдя к Мансуру, все еще со страдальческим видом сидящему на земле, Конан протянул ему бурдюк: – Пей, полегчает.

Мансур сделал большой глоток.

– Да, как-то жить стало полегче... Ты куда направляешься, чужестранец?

– Вообще-то на запал, через Туран и дальше. Кочевники взяли меня в плен, и в конце концов я оказался в войске Бартатуи. Сейчас каган скорее всего собирается украсить моим

скальпом свой штандарт. Так что самое время продолжить прерванное путешествие.

Мансур отпил еще вина.

— Я покинул мой город, — сказал он, — чтобы отыскать мою возлюбленную, княжну Ишкалу. Много дней назад ее увез из дворца турецкий чародей Хондемир. В сопровождении эскорта яз тысячи Краевых Орлов движутся они в северо-западные степи по загадочному приказанию князя. Но я кожей чувствую, что что-то здесь не так. Нельзя верить этому колдуна. Я отыщу Ишкалу и увезу ее обратно в Согарию.

Хондемир... Это имя показалось Конану знакомым. Он помнил письмо, которое он переводил для Бартатуи. Царь Ездигерд настоятельно разыскивает этого колдуна, обвиняемого в измене и других преступлениях. А разве он не слышал это имя вчера ночью в разговорах советников согарийского князя? Конан не любил магов, но этот, видать, человек способный!

— И ты так вот и идешь по их следам?

— Нет, — ответил Мансур. — В бурю я потерял следы. Вообще-то найти след тысячи всадников — это и городскому школяру под силу. Но буря уничтожила большинство знаков, а я не охотник, чтобы отыскивать следы лошадей в густой траве.

— Поедем вместе, — сказал Конан. — Я бывал разведчиком и следопытом, и охотиться мне доводилось. Следы тысячи всадников я отыщу даже после бури.

— Замечательно! — воскликнул Мансур. — И поможешь мне отбить Ишкалу?

Конан немного подумал.

— Может быть... Скажу точно, когда сам во всем разберусь.

— Ее отец щедро наградит тебя! — сказал Мансур, забыв, что как раз отец-то и послал Ишкалу в Голодную Степь с магом.

— Я не собираюсь возвращаться в Согарию, — ответил Конан, — по многим причинам. Во-первых, я совсем недавно возглавлял вражеский рейд на согарийские земли. А я еще не встречал ни одного правителя, которому дочка была бы дороже крепости. Во-вторых, князю не понравится, что кто-то вмешивается в миссию этого мага, какова бы она ни была.

— Тогда зачем же ты берешься помочь мне? — спросил Мансур.

— Я кое-что слыхал об этом парне, Хондемире. Он враг короля Ездигерда. Возглавлял мятеж... Если я привезу его живьем в Турцию или хотя бы его отрубленную башку, Ездигерд сменит гнев на милость и мы с ним потолкуем как два старых добрых приятеля.

— Для человека, у которого нет даже бурдюка вика и сумки с провизией, заметил Мансур, — ты вращаешься в высоких сферах. Такие могущественные цари, как Бартатуя и Ездигерд, жаждут твоей крови. Немногие могут похвастаться подобным!

— Если бы только они... — невесело вздохнул Конан. — Ладно, не будем терять время. Ты готов?

— Думаю, да, — ответил Мансур, потирая ушибленную голову. — Но шлем я еще не скоро смогу надеть. Как бы то ни было — в путь. Сердце мое пребудет в печали, пока я не увижу с Ишкалой.

— Желудок мой пребудет в печали, пока я не увижу в своей руке кусок чего-нибудь съедобного.

— Как же нам отыскать Хондемира и его эскорт? — гнул свое Мансур, проглотив грубую насмешку варвара.

— Прежде всего найдем ручей, — сказал Конан. — Тысяча лошадей выпивает довольно много воды, а ручьев в этой сухой степи немного. Там, где вода, там и всадники.

Когда они двинулись в путь, уже совсем рассвело. Киммериец почти не отрывал взгляда от земли. Любому городскому лежебоке степь показалась бы безжизненной, но Конан знал, что это не так. Степь полна жизни. Здесь, конечно, кет буйного раздолья трав и густых зарослей кустарника, в которых можно укрыться от хищников. Однако степные звери гораздо меньше лесных и двигаются быстрее. Многие выползают из нор, только когда опускается непроглядная ночная темень. Но все они погибли бы без воды... Наметанный глаз варвара читал степную грамоту, как старый рыночный писец — каракули полуграмотного торговца, решившего отправить церемонное письмо далекой родне. Киммериец отлично знал: если на земле много следов диких животных, значит, ручей неподалеку.

Наконец Конан подал Мансуру знак. Оба натянули поводья. Норовистые лошади останавливаться не желали. Раздув ноздри, они рвались вперед, на северо-запад.

— Постой-ка, — пробормотал киммериец и потянулся за луком, висевшим у него справа за спиной.

— Что, враги? — встрепенулся Мансур.

— Лучше, — ухмыльнулся Конан. — Обед.

Юноша посмотрел в указанном направлении, но сначала так и не смог ничего разглядеть. Потом ему показалось, что на дальнем холме вроде бы движется какое-то темное пятнышко. Впечатление такое, будто соринка в глаз попала или мелькнула перец взором качаемая ветром ветка дерева.

— Что это? — спросил Мансур. — Неужели животное? — Рот юноши непроизвольно наполнился слюной.

— Что-то вроде антилопы, — ответствовал Конан. — Наверное, целая семья отправилась на водопой. Потому-то наши лошади и не хотели останавливаться. Они чуяли воду. Я сам ощущал ее близость последнюю пару лиг. — Киммериец выбрал стрелу с широким оголовком — охотничью. — Жди здесь, — приказал он юноше.

И резко пустил лошадь быстрым галопом. Животное, почти обезумевшее от запаха воды, охотно повиновалось. Ближе к протоке трава стала гуще, и конские копыта ступали по ней почти бесшумно.

Выехав на пригорок. Конан увидел у ручья небольшое стадо низкорослых антилоп с ветвистыми рогами. Антилопы несколько мгновений стояли абсолютно неподвижно, словно охваченные столбняком, а потом припустили врассыпную.

Антилопы делали огромные прыжки, и уследить за ними было трудно. Но киммериец успел выбрать мишень в первое мгновение, когда животные еще стояли в замешательстве. Это был маленький жирный самец. Конан натянул лук в то мгновение, когда животное резко метнулось вправо. Когда варвар спустил тетиву, антилопа делала пятый по счету прыжок. Стрела точно угодила в цель, и раненое животное кувыркнулось на землю.

Подстреленный самец пару раз сильно дернулся и наконец затих. Конан опустил оружие и погладил меж ушей своего коня.

— Непростая была задачка, приятель, — с улыбкой проговорил киммериец, точно лошадь была внимательным слушателем. — Гаюк мог бы мной гордиться.

Когда несколько минут спустя появился Мансур, Конан уже свежевал антилопу.

— Здесь у воды кусты растут погуще, — бросил киммериец юноше. — Иди-ка наломай сухих веток для костра.

Час спустя они уже сидели у весело потрескивающего огня. Желудок Мансура громко урчал, когда ноздрей касался аромат готовящейся трапезы. Но в то же время юного поэта

терзали угрызения совести.

– Не вижу в наших делах особого героизма, – бормотал Мансур. Прохлаждаемся, вместо того чтобы искать следы Красных Орлов...

– Брось ворчать, парень! – спокойно заметил Конан. – Мы заморили бы коней, да и сами бы загнулись от голода. А здесь вдоволь травы и воды для лошадей. И нам нашлось чем закусить. Теперь-то мы легко отыщем отряд. Они были здесь несколько дней назад. Примет предостаточно. Они, должно быть, шли вдоль этого ручья.

Мансур огляделся. Он-то никаких примет не видел...

– Правда?

Юноша заметно приободрился.

– Скоро все наши мечты сбудутся!

– Не радуйся раньше времени, – одернул Мансура киммериец Конан. Вызволить твою даму сердца, если она окружена тысячью вооруженных людей, нелегкая задача. Не говоря уже о чародее, у которого на девчонку совсем другие виды.

– Все равно, – не унывал Мансур, – ведь мы с тобою герои, разве найдется дело, что нам не по силам?

Конан пожал плечами и принял снимать с деревянных шампуров готовые куски мяса.

– Не могу пока что разделить твое бодрое настроение, но, может быть, когда наемся...

Мансур засунул руку под одежду и достал свиток пергамента.

– Тебя надо подбодрить, Конан. Можно, я почитаю тебе героические стихи?

– Стихи? – Конан от неожиданности повторил последнее слово. Суровые песни своего племени киммериец впитал с молоком матери, но поэзия цивилизованных народов редко приходилась варвару по вкусу.

Мансур начал:

Тому, кто искусно владеет мечом,
Кому в этой жизни отрада
Сражаться с жестоким врагом-палачом
Во славу родимого града,
Любые невзгоды ему нипочем
И ласки красавиц – награда.
На поясе меч, и колчан за плечом
О будущем думать не надо...

На следующее утро они двинулись по следам Красных Орлов. Когда солнце уже стояло в зените, Конан спешился и, склонившись, стал пристально разглядывать ему одному понятные приметы. На лице киммерийца появилось выражение полнейшего замешательства.

– Что-нибудь случилось? – забеспокоился Мансур.

– Здесь они соединились с другим отрядом, примерно таким же по численности.

– Еще согарийцы? – спросил Мансур. – Или ты думаешь, что на них напали кочевники?

– Ни то ни другое. – Конан нахмурился. – Кони подкованы на туранский манер. У некоторых на поводьях пряжки, как у туранских наездников. И стычки никакой не было. Мирно соединились два отряда.

Он вновь вскочил в седло, и оба всадника проехали еще немного вперед. Потом киммериец опять попридержал коня и что-то тихо зашептал. Внимательный взгляд варвара отыскивал на земле какие-то особые знаки.

Юный же согариец мог различить лишь бессмысленное скопление еле заметных

конских следов.

— Смотри-ка, — проговорил громко Конан. — Они не совсем соединились, две колонны продолжают ехать на расстоянии десяти шагов друг от друга. Это может означать, что у них хорошая дисциплина. А может — что они не совсем доверяют друг другу.

— Не понимаю, зачем согарийской кавалерии встречаться в таких диких местах с турецкими, — покачал головой Мансур.

— Здесь много непонятного, — ответил Конан. — Значит, надо действовать осторожно. Это не кавалерия Ездигерда, хотя некоторые лошади подкованы как в регулярных кавалерийских частях. Турецкая кавалерия идет двумя колоннами, и высылают вперед по движению и на фланги охрану. А эти шли врасыпную, как придется. Среди них есть кавалеристы, но это, должно быть, дезертиры.

Два всадника продвигались по степи, естественно, быстрее, чем отряд тяжеловооруженных солдат, и вскоре зоркий киммериец наткнулся на свежий след. Дорога пошла понемногу вверх, И путешественники вскоре оказались среди невысоких холмов.

— Не нравится мне здесь что-то, — буркнул Конан.

Мансур огляделся. Все было как прежде, разве что дорога шла то на подъем, то вновь под уклон...

— Почему?

— Трава слишком жухлая... Кусты какие-то уродливые... — ответил киммериец. — И небо вроде бы не того цвета. Колдовством тут попахивает, вот что.

— Тогда у тебя нюх почувствительнее моего, — сказал Мансур. — Может, ваша первобытная впечатлительность способствует этому. И потом, вам чаще приходится воевать со всякими сверхъестественными противниками. И что ты думаешь — здесь впрямь стоящее колдовство?

— Должно быть, — кивнул Конан. — В конце концов, мы преследуем колдуна! Но я чувствую: дело в самом этом месте. Мне уже приходилось испытывать подобное. И это всегда случалось в зачарованных, странных местах. Где-то тут рядом — иные миры...

Мансур примолк, подавленный этой необычной для сурового варвара тирадой. Да, могучему киммерийскому воину довелось повидать такое, что другим и не снилось!

— Мир наш древен, — продолжал Конан, — куда древнее, чем в самых диких фантазиях могут представить себе завзятые мудрецы. Я бывал в непролазных джунглях Юга, и в снежных горах, и в бесплодных пустынях, где сохранилось кое-что от древних времен. В этих местах можно встретить постройки из странного зеленого камня — целые города. Я встречал племена — человеческие и полулюдей, в других краях исчезнувшие еще до того, как поднялись к небу башни Ахерона и Атлантида блистала золотыми шпилями среди морских волн. Я был на острове, где бронзовые статуи живут подобием человеческой жизни.

До Мансура стало доходить, что Конан — совсем не тот тупой, грубый дикарь, которым он считал его. Теперь юноша слушал, раскрыв от удивления рот.

— Я слыхал от странствующих книгохеев, что мир окутан чародейством, словно гигантской сетью. А в каждой сети есть узлы, где нити пересекаются и сплетаются воедино. Бывают такие места, где соединяются несколько нитей... Ну, как оружейник, когда делает кольчугу, в несколько рядов кладет железные кольца. В таких местах колдовская сила страшно усиливается.

Кроме нашего есть еще и другие миры. Они далеки, как звезды. Но там, где переплетается много линий, они становятся ближе. Ячуствую, что мы приближаемся к такому месту. И оно недалеко.

— Храни нас Митра, — прошептал Мансур, глубоко содрогнувшись. — И храни он мою бедную Ишкану, где бы она ни была.

Конан и Мансур спешились и ползком добрались до вершины холма. Лошадей они оставили на берегу ручья; береговой склон здесь был чуть выше человеческого роста. Они резко повернули к западу, и сейчас солнце садилось как раз у них за спиной — поэтому их труднее было заметить.

— Хорошо, что здесь холмистая местность, — сказал Конан, — На равнине они увидели бы нас за пол-лиги.

— Я всегда верил, — воскликнул Мансур, — что боги приходят на помощь к героям! — Он пытался ползти в траве так же ловко и бесшумно, как Конан, но в силах был только неуклюже извиваться, сдирая кожу на локтях и коленях.

— Тогда я, наверное, никудышный герой, — проворчал киммериец, поскольку со мной бог всегда обходился круто. Ладно, хватит пустых разговоров. Мы на вершине холма. Не поднимай головы! Зоркий человек разглядит нас здесь даже на фоне заката.

Они осторожно, стараясь не обнаружить себя, взглянули на то, что за холмом. Высокий земляной вал ограждал огромный, неправильной формы участок степи, сплошь покрытый курганами. Одни из них были выше, другие — поменьше, некоторые — воистину невероятных размеров. Внутри огороженного валом пространства располагались два разных военных лагеря. Один состоял из одинаковых, стоящих рядами палаток, посередине — шатер командира. Другой был беспорядочным скоплением палаток самых разных размеров и обличий — от сооружений из накинутых на колья старых плащей до изысканных складных домиков. Многие шатры лепились прямо на вершинах курганов. Над маленькими кострами вились дымки.

У входа в огороженный участок было устроено два загона для лошадей. Еще киммериец и Мансур заметили близ вала группу воинов в турецких одеждах. Солдаты пытались подстрелить диких гусей — птицы с началом лета перелетали на север, гусиный клин как раз появился в небе.

— Что это за место? — спросил Мансур.

— Могильники, — ответил Конан. — Здесь покоятся великие вожди былых времен. Подумай, сколько нужно труда, чтобы соорудить эдакое!

— Какой народ хоронит здесь своих мертвых?

— На многих курганах — гирканийские знаки. Должно быть, здесь лежат степные каганы.

— Но что здесь делает Хондемир? — удивился Мансур. — И зачем эти туранцы? Я погляжу, что между двумя отрядами особой любви не наблюдается. Красные Орлы разбили свой лагерь так далеко от туранцев, как только могли.

— Трудно сказать, — отозвался Конан. — Смотри-ка лучше, где разбил себе палатку этот маг... Вдалеке от всех. Судя по всему, он замышляет какое-то нешуточное колдовство. Ведь это такое — я говорил тебе — колдовское место. А туранцы... Хондемир участвовал в заговоре против Ездигерда. Может быть, туранцы — союзники чародея.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Мансур. — И как мы узнаем, где они прячут Ишкану?

— Сегодня вечером, попозже, — сказал Конан. — Я проберусь в лагерь и выясню все, что надо.

Мансур посмотрел на варвара, открыв от изумления рот: — Прокрасться в лагерь? Здесь же две тысячи воинов, и все охраняют колдуна и Ишкану. Да ты и впрямь бесстрашный! Мне

придется идти с тобой, а то Ишкала подумает, что я уступаю тебе в храбости.

– Мансур! – нахмурился Конан. – Две тысячи воинов – это не шутка, не говоря уж о таком могучем колдуне, как Хондемир. Но есть одна мысль, которая внушает мне гораздо больший страх.

– Что может испугать такого героя, как ты? – спросил Мансур.

– Я боюсь, что мне придется еще одну ночь напролет слушать твои стихи.

ГЛАВА 13

За день осадная башня поднялась выше городских стен. Отряды специально отобранных рабов трудились под палящими лучами солнца; но вот зазвенел медный гонг, и сверху обрушился град метательных снарядов. Для защиты строителей были подготовлены особые укрытия из кожи и других материалов, но вскоре эти жалкие сооружения превратились в ничто под непрерывным потоком камней, дротиков и стрел. Рабы так и полегли на месте – кто прямо на землю, кто в щебень, использовавшийся при строительстве как наполнитель между каменными глыбами. Стоял знойный день, и запах трупов мгновенно распространялся и в городе, и в лагере гирканийцев.

Бартатуя смотрел на происходящее с удовлетворением. Работы идут в точности по плану кхитайского инженера, и убыль рабов – в пределах намеченного. Если так пойдет, их должно хватить до конца строительства.

У него на глазах упавший с башни дротик сбил с ног раба. Покалеченный человек упал на груду тел, а на его место надзиратель, с головы до ног закованный в латы, сразу же поставил другого. Такие надзиратели со всех сторон окружали башню, и кроме доспехов их защищали широкие прямоугольные щиты, изготовленные рабами.

У основания башни стояло несколько конников – их целью было отстреливать рабов, которые пытаются сбежать со строительства. Эти воины сидели в седлах с натянутыми луками, жадно оглядывая местность. Выстрел по беглецу был желанным развлечением в скуке осадных будней.

– Не по душе мне такая война, – сказал вождь, сидевший на коне рядом с Бартатуей. Его смуглое, косоглазое лицо было изборождено шрамами. – Когда человек не может ездить верхом и стрелять по врагу, он не чувствует, что его предки рядом с ним. Так воевать, – он презрительно указал рукой на осадную башню, – это все равно что пахать землю!

– Но если мы хотим вести большие войны, – ответил Бартатуя, – придется и этому выучиться. Ничего! Вот когда возьмем этот город и поживимся всем, что там есть, – наши воины забудут, как скучали, осаждая его. В этом городе, – он указал на стены Согарии, – сокровищ побольше, чем все наши люди могут вообразить. Золото и жемчуг, шелка и пряности, и прекрасные женщины все для тех, кто силен и смел, – иди и бери! Почему всем этим должны владеть городские заморыши, если у нас вдоволь сил, чтобы взять это?

На суровом лице второго вождя расцвела широкая улыбка. Вот такие речи гирканийцы понимали!

– Ага, каган, уж когда все это будет в наших руках, всю скуку как рукой снимет, это точно! И все же – принюхайся, какой запашок идет от башни, да и из города тоже? Это запах смерти. Если чума начнется в городе – это не наша забота, а если у нас в лагере? В открытой степи, где воздух и вода чистые, нам такие вещи не страшны. А здесь, среди этой вони, мы за половину луны потеряем половину наших людей!

Бартатуя озабоченно кивнул:

– Мудрые слова, друг мой! Сегодня ночью я пошлю рабов, чтобы они облили тела убитых маслом и подожгли. Так мы расчистим себе место для работы, а весь дым уйдет в город. Если там начнется мор, мы узнаем об этом – они будут перекидывать трупы через стены. Если это будет действительно страшная зараза… – Он подумал несколько мгновений, потом пожал плечами: – Что ж, придется сжечь город. Это лучше, чем дать чуме распространиться среди

нас. После пожара уцелеет еще немало золота. И потом будут еще другие города.

Узкие глаза второго воина блеснули.

— Нет нужды в таких крайних мерах, Учи-Каган. Позволь рассказать о том, как поступил мой достопочтенный прадед, когда брал город Хонг-Ну, в северном Кхитае. Дела шли примерно так же, как здесь, и в конце концов в городе начался мор. Конечно, никому из города не позволяли подойти к гирканийским силам — ни мужчине, ни женщине, немедленно стреляли.

Через некоторое время старейшины города запросили мира. Мой предок приказал жителям немедленно покинуть город и унести своих мертвых с собой. Они прошли пол-лиги; там их окружили конные лучники. Потом он послал рабов в город, посмотреть, не остался ли там кто живой или мертвый. Потом этих рабов послали туда же, где находились горожане. И всех их расстреляли из луков с безопасного расстояния. Потом орда прождала полную луну, пока утварь и вода не перестанут нести в себе заразу, и войско чума так и не затронула. Разве это не умный выход из положения?

Бартатуя от души расхохотался и похлопал собрата-кагана по плечу:

— Если бы все мои друзья давали столь же разумные советы! Вот так точно мы и поступим, если дело дойдет до мора!

Его сердце радостно билось. Совет был хороший, но особенно хорошо было обращение. Этот человек назвал его Учи-Каганом — верховным вождем! Впервые один из его сподвижников называл его так, и сподвижник этот был самым сильным из каганов Востока. Выходит, его признали величайшим военачальником всех гирканийцев! Конечно, должно пройти еще некоторое время, прежде чем они поймут, что и в мирное время он должен быть их верховным владыкой. Прежде, правда, такого не бывало. У них и понятия такого нет — верховный царь. Значит, появится. Уже появляется. Он посмотрел на осадную башню и улыбнулся. Предвечное Небо дало им понять, что он, Бартатуя, — его возлюбленный сын!

Кхитайский мастер подъехал к ним верхом на верблюде. Лошадь кагана фыркнула, испугавшись зловонного животного, но он удержал ее, натянув поводья. Кхитаец был всего лишь инженером, но он был ценным человеком, и Бартатуя подумывал уже создать под его началом особый корпус инженеров и мастеров земляных работ для будущих войн.

— Приветствую тебя, каган, — воскликнул кхитаец.

— Приветствую тебя, Сун Цзи. Осадная башня строится в срок, как ты обещал. Я доволен.

— Вся моя жизнь — к услугам моего кагана, — ответил кхитаец. В устах кого-то другого эти слова звучали бы работягами, но кхитаец даже в это мгновение выглядел высокомерным. Цветистая учтивость была лишь привычкой, свойственной его племени.

Но кагану не было дела до того, смирило или важно ведет себя его слуга, — лишь бы дело было!

На мгновение он с грустью вспомнил Конана. Он бы сделал из него такого воина, которому, кроме самого Бартатуи, не было бы равных в мире. Этот Конан стал бы генералом, главнокомандующим, правителем царства. Может быть, даже его, Бартатуи, другом. Почему же он позволил себе такое — напасть на женщину кагана? Другое прегрешение он бы ему простил — почти всякое. Но это...

— Сейчас работа пошла хорошо, каган, — продолжил Сун Цзи, — у рабов, тех, что уцелели, уже есть опыт, и за ночь мы могли бы хорошо продвинуться, если у нас будет освещение. Это позволит ускорить первый штурм города.

Бартатуя взглянул на горы трупов по обеим сторонам осадной башни:

– Хорошо, мастер, будет тебе свету столько, что хватит всей вашей команде. Его косоглазый спутник залился хохотом.

Костер из трупов бросал кровавый отблеск на стены Согарии. Облако зловонного черного дыма поднималось над осадной башней, рассыпая темно-красные искры. Прекрасный город ныне походил на ад, как его описывают некоторые философы и религиозные секты.

Бартатуя и его приближенные любовались на это зрелище, стоя близ главного шатра. Многие пили вино из золотых кубков и из вражьих черепов. И защитники Согарии тоже глядели на рабов-каменщиков и землекопов, освященных пламенем горящих трупов, стоя на крепостных стенах и посыпая бесполезные проклятия грозному врагу.

– Эта осада обессмертит твоё имя, Учи-Каган! – воскликнул татуированный военачальник рода будини.

– Зрелище неплохое, – заметил Бартатуя, – но я хочу прославить себя делами еще более славными. Когда другие города узнают про участь Согарии, они будут несговорчивее.

– Куда мы дальше, Учи-Каган? – спросил вождь герулов. Зеленая змея, вытатуированная у него на лице, загадочно мерцала в багровом свете костра Бартатуя молча улыбнулся. Его люди уже мечтают о новых походах!

– Мои планы я пока сохраню при себе, мой друг, – сказал он. – Но это будет скоро. Долго мы здесь не задержимся. Только возьмем свою добычу. Рабы доставят трофеи в место, которое выберу, в глубине степи, у большого озера. Там я построю столицу, которой свет еще не видел. Воины всех гирканийских племен смогут приходить туда и наслаждаться всем, что с боем взято в дальних походах, плодами всех стран мира!

Все одобрительным гулом встретили эту новую идею вождя. Бартатуя знал все они сейчас у него в руках. Они пойдут за ним в огонь и воду, его воля для них – закон.

– Моя столица, – продолжал он, – будет не просто торговым городом для всяких земледельцев и пастухов, купцов и ремесленников. Нет! Это будет место, куда весь мир привезет свою дань великому племени воинов, величайшему под Предвечным Небом. А кроме воинов, не будет в этом городе никого. Разве что немного рабов, лучших в мире, у которых будет только одна забота – служить лучше своим хозяевам, гирканийцам.

Одобрительный гул перерос в дикие крики восторга. Гирканийские вожди уже заранее любовались чудесным миром, порожденным фантазией их верховного предводителя. Сейчас они вправду поверили, что вскоре станут хозяевами мира и что их Учи-Каган, Бартатуя, приведет их к этой победе.

– К столу, друзья мои, – прибавил каган. – Нас ждет пир, а впереди многие годы пиров, побед и славы.

С радостным шумом они вошли в шатер. Рабы наполнили их блюда, налили в чаши вина и сейчас покорно стояли у стен, ожидая приказаний. Скоро весь мир будет так же смиленно служить им! Простые гирканийские воины станут вождями, вожди – царями, а Учи-Каган – богом.

С такими веселыми мыслями поднял Бартатуя свой кубок – череп в золоченой оправе. И, поднося его к устам, он чувствовал, что держит судьбу мира в своей деснице.

И вдруг в шатре наступило молчание. Бартатуя поднял глаза. Маленькая птица летала у свода шатра. Гости перешептывались, гадая, что таится в этом знамении. Бартатуя нахмурился – нелепый случай грозит разрушить его триумф!

Птица на вид была обычным голубем, но, подлетев к месту, где сидел Бартатуя, она

замерла и стала вращаться на месте, как колибри. Внезапно птица стала менять свое обличье. Воины нахмурились и схватились за оружие. Другие потянулись к амулетам и стали шептать оградительные заклинания.

Бартатуя спокойно тянул вино из черепа. Над ним выросла человеческая фигура. Это был мужчина в странной формы плаще, в тюрбане, с раздвоенной бородой. Внутри фантома Бартатуя мог сейчас различить очертания дрожащей птицы.

— Каган гирканийской орды, Бартатуя из племени ашкузов, — произнес гулкий голос, — знай, что я — великий маг, Хондемир из Турана. Ныне я занял твой Город Курганов с большим конным отрядом. Если ты хочешь спасти священные гробницы твоих предков, иди и прими бой с нами, или мы сровняем их с землей. Если ты не веришь мне, смотри, что принесла птица. Иди и сражайся с нами, или навсегда будешь заклеймен как трус и святотатец!

При этих словах фантом стал рассеиваться и птица упала мертвой на стол перед каганом. Военачальники встали на ноги и начали возбужденно переговариваться. Особенно смущены были те, кто происходил из рода ашкузов.

— Каган, — прошептал ашкузский предводитель, — что это может значить? Неужто эта нечистая тварь и впрямь заняла священные земли наших предков?

Бартатуя поднял руку, и все затихли, — Я знаю кое-что об этом Хондемире. Это бродяга, который разыскивается царем Ездигердом Туранским за измену. Без сомнения, он нашел приют в Согарии. Это хитрость, чтобы спасти город. Колдун знает, что лишь одно может заставить нас снять осаду нападение на наши святые места. Это пустая угроза, ничего больше.

— Однако, — ответил вождь герулов, — конная колонна покинула город перед началом осады. Они пошли на север; все знаки говорят об этом. И они не вернулись.

Бартатуя держался все так же невозмутимо, но в глубине души он был встревожен. Он посмотрел на птицу, лежащую перед ним. Он медленно снял и раскрыл футляр с посланием, прикрепленный к лапе голубя. Лучше бы сделать это в одиночестве, но сейчас он не сможет уединиться от своих соратников, не вызывая подозрений. Внутри был лист пергамента. Каган развернул его. Пергамент был самый дорогой и тонкий, какой только бывает. Он был почти прозрачен и так тонок, что лист длиной в четыре человеческие ладони поместился в крохотном футляре, привязанном к голубиной ноге.

Заглянув в пергамент, Бартатуя побледнел.

— Это правда, — сказал он наконец. — Это карта пути, по которому колдун шел в Город Курганов. Здесь даже отмечено местоположение самых больших гробниц, чтобы мы знали наверняка, что он был там.

В шатре началась неразбериха.

— Что будем делать, каган? — наперебой кричали все. От Бартатуи не ускользнуло, что титул "Учи" куда-то исчез.

— Осаду придется снять, — сказал он. — Произошло нечто ужасное, и это сейчас важнее всего. Прикажите седлать коней и скакать немедленно. У нас будет время вернуться и снова осадить город, когда мы убедимся, что предкам ничто не угрожает.

— Но моя башня! — воскликнул кхитаец. — Они же разберут ее за это время. А когда мы вернемся, у нас уже не будет достаточно рабов, чтобы сложить новую.

— Эй, — отозвался покрытый зеленой татуировкой герул. — Моим людям это не понравится. Они несли в этой войне потери, а теперь их лишают добычи, потому что вы идете спасать свое священное место. Так не пройдет!

На глазах Бартатуи рушился союз, стоивший стольких сил. Рушилось его положение Учи-Кагана. Если он хотел спасти свою грядущую империю, он должен был показать силу, и сделать это прежде, чем вожди уйдут из его шатра.

— А ну молчите! — взревел он. Все замолкли, и он продолжил негромким голосом: — Думаете, это всего лишь случайная заминка на пути к всемирному владычеству? Наши предки испытывают нас, они хотят убедиться в нашей верности! Они хотят знать, что ради наших возлюбленных мертвых мы готовы отказаться от всего на свете, и мы должны доказать им это.

Согария — всего лишь один город. Я дам вам целый мир! Как-то этот колдун Хондемир узнал наше единственное уязвимое место: что мы готовы отказаться от любых целей, прервать любое дело, чтобы защитить места упокоения наших возлюбленных предков. Больше подобное не повторится. Когда мы начинали эту осаду, я собирался поступить с согарийцами мягко — пощадить тех, кто сдастся на нашу милость, будет платить дань и признает меня своим правителем, но теперь все будет иначе. — Он взглянул на вождей, которые сидели молча, подавленные и потрясенные его страстным напором. — Я клянусь духами предков и Предвечным Небом, что когда мы возьмем Согарию, всех, кто останется в живых, — мужчин, женщин, детей, — всех босиком, через степь, погоним к Курганам. Там они восстановят разрушенные курганы и построят новые для тех, кто погиб в этой войне. А потом они будут распяты там же, в Голодной Степи, прямо на Курганах Спящих, и их души будут охранять наших мертвых во веки веков. Так весь мир узнает о том, что бывает с осквернившими священные места гирканийского племени.

Он был доволен тем мрачным весельем, которое вызвали его слова у слушателей. Он сумел повернуть их негодование против Хондемира, Согарии и негирканийского мира в целом. Его путь к мировому господству все еще был открыт.

— А теперь идите к своим воинам и прикажите седлать коней. Мы отправляемся через час!

Когда вожди покинули шатер, наложница кагана выскользнула из укрытия за троном, где она, как обычно, с ведома повелителя слушала его беседу со сподвижниками.

— Дела плохи, господин мой, — сказала Лакшми. — Если бы не твой быстрый разум и смелая речь, наши планы могли бы превратиться в руины.

— Да уж, — мрачно ответил он, — чуть до этого не дошло. Как этот колдун узнал наши погребальные обычаи? Как нашел он дорогу в Город Курганов? Каган снял с кольшка доспехи и стал надевать их.

— Этот туранец — большой чародей, — ответила Лакшми. — Кто утаит секрет от такого, как он? Может, ему сказали духи воздуха, что летают повсюду над степью, видят все, что под небом. Спроси своих шаманов.

Бартатуя криво улыбнулся:

— Жаль, конечно, что киммериец ушел от наказания, но даже бегством своим он сослужил мне услугу. Он и два его дружка перебили половину этих пустозвонов. А спрашивать их о настоящем колдуне — это все равно что у шакала допытываться о льве.

— А как ты справишься с этим чародеем, когда мы доберемся до Города Курганов? — спросила она, стараясь увести разговор от ночи бегства Конана. Она жила в постоянном страхе, что кто-то из выживших шаманов проболтается и выдаст ее роль в ночном таинстве. Она подумала, как бы отравить их всех разом.

— Не знаю, — сказал он. — Его боевые силы можно в расчет не принимать, хотя, если

Город Курганов и впрямь у него в руках, он может многое натворить.

— Что именно? — спросила она. Она-то хорошо знала ответ. Но нельзя, чтобы у Бартатуи возникло хоть малейшее подозрение, что она как-то связана с Хондемиром.

— Не важно, — ответил каган. ~ Мы перебьем этих чужестранцев, чего бы это нам ни стоило. А теперь приготовься. Предстоит тяжелый путь. Сейчас мне не до твоей белоснежной кожи.

— Не думай о таких мелочах, господин мой, — ответила она. — У меня одна забота — чтобы ты сохранил свое положение как Учи-Каган гирканийских орд.

Собираясь в дорогу, Лакшми чувствовала удовлетворение: она была удачливой заговорщицей, все ее усилия приносили плоды. Лишь одна мысль нарушала ее спокойствие: что поделывает киммериец?

ГЛАВА 14

Мансур зачарованно и недоуменно смотрел, как Конан готовится к ночной вылазке. Киммериец запас несколько головешек от костра и теперь соскребал с них сажу – тончайший черный порошок. Сажу эту он сметал с растопленным жиром антилопы и полученное вещество размазал по лицу, рукам и торсу.

– Уж не думаешь ли ты, что я тоже буду мазаться этим отвратительным месивом, – сказал Мансур, морщась, – Если хочешь идти со мной в лагерь, парень, – придется! – ответил Конан. – По крайней мере, есть надежда, что нас не накроют. Надо действовать незаметно, как пикты. А грязь... Грязь вода с песком отмоет за пару минут. Раны лечить дольше, а смерть – это вообще навсегда. К тому же у тебя почти не будет оружия – только меч и кинжал. Смотри, чтобы они не гремели.

Не без содрогания Мансур начал размазывать мерзкую грязь по лицу и рукам. К его изумлению, ощущение было не таким уж отвратительным. Он даже почувствовал, будто принимает участие в каком-то древнем воинском ритуале, в цивилизованных странах давно забытом. Юноша посмотрел в маленькое зеркальце и улыбнулся: белые зубы блеснули на перепачканной физиономии. Он на самом деле почувствовал прилив ярости.

Конан поймал его взгляд и предупредил разошедшегося юнца:

– Не думай, что сумеешь с ними справиться и умыкнуть свою Ишкалу у них из-под самого носа. Пока нам нужно просто выяснить, что к чему. А вот когда выясним, сколько у них сил, каковы их планы и хорошо ли ладят друг с другом два лагеря, – вот тогда и решим, что делать.

Мансур был разочарован, хотя понимал: Конан знает, что говорит. И все-таки он продолжал мечтать о том, как вырвет Ишкалу из лап врага, прикончит колдуна, с боем пробьется из лагеря, а там – бешеная гонка по степи, не разбирай дороги. Он даже начал слагать длинную эпическую поэму, прославляющую великий подвиг.

Они пустились в путь, как только стемнело. Забравшись на вал, Конан дал команду остановиться.

– Подождем здесь, пока они не напнутся. Они сейчас пирут – слышишь, какой там шум, – объяснил киммериец.

– Почему мы здесь, на турецкой стороне? – спросил Мансур. – Ведь Ишкала сейчас почти наверняка в лагере Красных Орлов.

– Она нам пока не нужна, – ответил Конан. – Она сейчас более или менее в безопасности среди своих сограждан. А вот колдун, конечно же, с турками. Кроме того, Красные Орлы выставили часовых, а те свое дело знают туда. Скоро большая часть турков перепьется и уснет. Колдуны творят свои заклинания в основном по ночам. Это самое подходящее время, чтобы нагрянуть к магу в гости.

– Прекрасно, – вздохнул Мансур, – но у меня больше нет сил терпеть...

– Терпение – это качество, которое должен воспитывать в себе каждый воин, – посоветовал киммериец, – чрезмерная жажда битвы погубила больше солдат, нежели трусость.

Мансур уже устал от занудных поучений варвара.

– Истинные подвиги совершаются по вдохновению, а не по расчету! воскликнул он.

– Учись у меня, – ухмыльнулся киммериец, – может, проживешь подольше. Я за свои

знания заплатил высокую цену. Раны, цепи и рабство – вот чего стоила мне учеба. Если поумеришь пыл – сложишь больше стихов для своих земляков.

Ворча, Мансур все же присел, прислонившись спиной к поросшей травой насыпи. Снизу доносился шум пиршества – грубая брань вперемежку с разнужданным хохотом. Юноша прикрыл глаза.

Согарийский поэт-герой проснулся, почувствовав, как сильная рука варвара трясет его за плечо.

– Проспишь, величайший из воинов, – услышал он насмешливый голос киммерийца, – пора спускаться. Держись поближе ко мне и не произноси ни звука, что бы ты ни увидел. Если понадобится кого-нибудь убить, предоставь это мне. Я могу это сделать тихо. Держи меч в ножнах и не вытаскивай его, пока я не достану свой. А теперь пошли.

Мансур вновь подивился осторожности Конана. Варвар двигался через вражеский лагерь быстро, беззвучно ступая босыми ногами. И еще у него была сверхъестественная способность обходить препятствия в темноте. Мансур никогда раньше не думал, что такая змеиная ловкость, умение бесшумно двигаться тоже входит в число неотъемлемых качеств настоящего воина. Ему казалось, что эти качества приличествуют дикарям, живущим в каких-то далеких, забытых богами дебрях. Но каким бы варваром ни был этот Конан, он знает и умеет многое!

Мансур всегда считал, что, кроме храбрости, воину надо только как следует выучиться владеть мечом, копьем, пикой и скакать верхом. Но теперь до него стало доходить, что рядом с этим варваром все воины мира – просто жалкие любители. Он рад был, что ему тоже удается ступать бесшумно. Хотя туранцы у костров слишком увлечены своей пьяной болтовней, чтобы вглядываться в окружающую их темноту.

Да и чего им было бояться? Они посреди пустой степи, никаких врагов на сотни лиг. Любой, кто бы ни приблизился, они бы заметили издали, и у них было бы время подготовиться к встрече. К тому же они расслабились от еды и вина. Некоторые из них напились до беспамяти; другие забавлялись игрой на музыкальных инструментах. В ночи слышался свист флейт, барабанный бой, бренчание струн.

Конан остановился шагах в десяти от самого большого шатра и подал Мансуру рукой знак – лечь ничком на землю. Мансур подполз к киммерийцу; тот прошептал: – Делай, как я.

Конан снял пояс с мечом и закинул ножны за спину. Кинжал он заткнул за кожаный браслет на левой руке. Теперь оружие не мешало ему, и он пополз к шатру. Мансур последовал за ним, и, что его особенно порадовало, ему удавалось двигаться так же ловко, как Конану.

Из шатра слышались неразборчивые голоса, Конан протянул руку и просунул пальцы под стенку шатра. Осторожно, по дюйму, он стал приподнимать ткань. Желтый свет из открывшейся внизу щели осветил вымазанные черным лица киммерийца и согарийского поэта.

В шатре сидело на подушках несколько человек. Теперь их разговор стал прекрасно слышен.

– Господин мой Хондемир, – донесся чей-то голос, – мы хотели бы знать ваши планы. Наши люди день ото дня все больше ссорятся друг с другом, и, если мы их чем-нибудь не зайдем, боюсь, что войско вконец разложится. Да и согарийцы беспокоятся. Княжна Ишкала что-то уж слишком часто беседует с капитаном Джеку. Они, кажется, подумывают о том, чтобы разобрать шатры а возвращаться в свой осажденный город.

— Будь спокоен, Буламб, — раздался в ответ другой голос, принадлежащий, видимо, самому Хондемиру, — еще день, и все изменится. Завтра еще до заката наши люди перестанут маяться бездельем. А согарийцы раздумают возвращаться. Дело в том, что завтра эти курганы окружит гирканийская орда, по силе превосходящая нас раз в сорок.

Послушались испуганные возгласы, но тот, кого звали Буламб, резко одернул собравшихся:

— Послушаем, что хочет сказать наш повелитель!

— Друзья мои, в чем сила гирканийцев? Я вам скажу. В их непревзойденном искусстве верховой езды, в легкости на подъем и — в прекрасной стрельбе из лука. Что они без этого? Просто толпа грязных, суеверных, немытых дикарей. В степи они всегда были хозяевами, но никогда прежде им не удавалось объединиться, чтобы идти походом на оседлые народы.

И все это потому, что вожди их так же тупы и лишены воображения, как последний бродячий кочевник. Если они нападают на города и деревни, то лишь затем, чтобы пограбить и захватить рабов. Когда им случается занять кусок земли, они не обрабатывают его, а вырезают жителей и превращают пашни и виноградники в пастища для своих коз. В руках настоящего завоевателя такая орда была бы полезным орудием...

— Но я слышал, что их каган, Бартатуя, отнюдь не безмозглый турица.

— Может, и так, — подтвердил Хондемир, — кажется, он очень способен, по крайней мере для гирканийца. Но у меня припасено кое-что, о чем он и не подозревает: у меня доверительные отношения с его наложницей!

После короткой тишины заговорил тот, кого звали Румал:

— Господин мой, меня радует, что вы так хорошо устроились в изгнании, но я не вижу, как...

— Да избавит меня Митра от таких олухов! — воскликнул Хондемир, враз утратив хладнокровие. — Да какое мне дело до ее прелестей! Для того чтобы приобрести над противником магическую власть, надо подобраться к нему поближе, а кто может быть ближе его любовницы?

Конан и Мансур разглядели сквозь щель ноги колдуна. Он расхаживал по шатру, объясняя приближенным свои планы — те, в которые он считал нужным их посвятить.

— Когда гирканийская орда подойдет к Курганам Спящих, наложница кагана перебежит сюда и присоединится ко мне. Она принесет то, что даст мне власть над гирканийским царьком.

— Все это прекрасно, — послышался голос, принадлежащий пожилому человеку, — но как же мы тем временем совладаем с гирканийской ордой? Сорок к одному — это и в обычных условиях не подарок. Но здесь, без крыши над головой и городских стен, — это самоубийство. Земляной вал долго не выдержит, и наши воины погибнут под стрелами прежде, чем начнется настоящий штурм.

— Я выбрал это место, — ответил Хондемир, — не потому, что здесь удобнее колдовать. Я уже говорил вам, как примитивны и суеверны эти степные кочевники. Это место окружено всевозможными табу. Согласно их варварской религии, ни один гирканиец не вправе скакать верхом в пределах Курганов. Более того, никому из них не дозволяется пускать стрелы в сторону священного места. Ну что, вы все еще их боитесь?

Присутствующие еще некоторое время обдумывали услышанное, — Может быть, — вымолвил один, — мы сможем некоторое время сдерживать их, пеших и без луков. Наши собственные лучники их правилам не подчиняются, а летучая кавалерия настигнет

кочевников, с какой бы стороны они ни подошли. Сколько времени это должно продолжаться?

— Очень недолго, — сказал Хондемир, — я не собираюсь проливать много крови. Я вызову великие Силы, и если наложница принесет мне то, что обещала, тогда душа Бартатуи будет в моей полной власти. Он, как марионетка, станет выполнять все, что я пожелаю. Меня дикии не послушаются — ведь я не из их племени. Но они будут повиноваться Бартатуе, а им буду управлять я. После похода на торговые города они собираются захватить Кхитай. Кто знает, по силам ли кагану одолеть эту обширную страну... Но он может завоевать Туран, и вот туда-то я и прикажу ему направить свою орду.

Колдун помолчал, чтобы удостовериться, что его слова произвели должное впечатление. Не услышав возражений, он закончил:

— Вот в этом и заключается мой план. Мы дадим кочевникам завоевать для нас Туран, они будут проливать кровь, а мы пожнем плоды их победы. Когда я буду на троне, а Ездигерд в цепях, я прикажу Бартатуе увести свою орду в Кхитай или Вендию, а может, в Черные Королевства к югу от Стигии — не все ли равно? Свое дело они уже сделают, Туран будет в наших руках.

Теперь послышались громкие крики одобрения. Казалось, присутствующие пришли в восторг от закрученной колдуном интриги.

— Смелый план, мой господин, — сказал Румал, — но только смелые люди могут завладеть волшебными силами и применить их. А что же княжна? Она-то здесь зачем? Да еще с охраной?

— Ну, это пустяки, — объяснил Хондемир, — чтобы вызвать Силы, я должен совершить жертвоприношение. По сложным и не очень понятным причинам, связанным с историей и генеалогией, особенно полезно бывает принести в жертву царскую или княжескую дочь. А охрану я попросил для того, чтобы приумножить наши ряды и подчеркнуть важность своей миссии. Красные Орлы примут на себя главный удар степняков. Пока я не подчиню Бартатую своей воле, согарийцы понесут основные потери, а наше войско мы сможем уберечь.

При упоминании о судьбе, уготованной Ишкале, Мансур чуть не вскочил на ноги и не бросился в шатер с мечом наголо. Но тут что-то тяжелое опустилось юноше на затылок идерживало его до тех пор, пока он не уткнулся лицом в траву. Когда он затих, Конан убрал свою пятерню и дал сигнал уходить прочь от шатра.

— Ишкала! — исступленно шептал Мансур по дороге. — Мы должны пойти в лагерь согарийцев и предупредить ее, немедленно! Нет, надо увести ее!

— Увести? — переспросил Конан. — Ну-ну. Она окружена толпой стражников.

— Тогда по крайней мере расскажем Красным Орлам, что их ждет. Их же точно так же, как Ишкалу, собираются привести в жертву безумным фантазиям Хондемира!

Конан склонился к нему:

— Тише, идиот! Перебуди весь их банду! Мне плевать на Красных Орлов, и твоей княжне я не присягал. Еще несколько дней назад я командовал набегами против Согарии. Твой князь сдерет с меня кожу на городской площади, даже если я спасу всю его семью из шатра самого кагана. Ты что думаешь, для него дети важнее подвластных земель?

— Неправда, киммериец! — с жаром возразил Мансур. — Нас встретят в Согарии как освободителей.

— Зато как нас поблагодарят туранцы! И потом, допустим даже, что тебе удастся убедить командира Красных Орлов вернуться вместе с Ишкалой в Согарию, — что дальше? Они

столкнутся в открытой степи с гирканийской ордой, и от них за несколько минут мокрого места не оставят!

— Тогда давай убьем Хондемира, — предложил обезумевший от отчаяния Мансур.

— Ага, ты уже начинаешь соображать, — отозвался Конан. — Я сам об этом подумывал, когда шел сюда. Но тут есть одна незадача. Скоро нагрянут гирканийцы. В магию этого Хондемира я не особо верю, но без нее лагерь уж точно долго не продержится, даже если степняки будут пешие и без луков. Стоит прикончить колдуна, и среди туранцев, которые уже знают о приближении гирканийского войска, начнется паника. Ребята кинутся отсюда в открытую степь, а там их без труда перебьют.

— А нам какое дело до туранских висельников? — огрызнулся Мансур. Пусть себе подохнут!

— И твою Ишкулу будет защищать от верной смерти только горстка Красных Орлов. Я уже видел, что бывает, когда тяжелая кавалерия из больших городов встречается даже с маленьким отрядом гирканийских конных лучников. А против такой орды... Они им даже развлечения не доставят.

— Я не отдам свою любимую на этот гнусный дьявольский обряд! воскликнул Мансур, пытаясь схватиться за меч. Он с минуту ощупывал свой пояс, пока не вспомнил, что меч висит за спиной. Он неуклюже потянулся за ним, но так и не смог извлечь и в конце концов стал отвязывать ножны.

— Тише, — Конан поднял руку. — Кто-то идет. — Киммериец закинул руку за плечо и достал клинок так же легко и быстро, будто он висел у него на бедре. Мансур мысленно поклялся, что, если останется жив, непременно овладеет и этим приемом. Наконец, подвесив меч на прежнее место, юноша извлек оружие из ножен и встал, насторожившись.

К ним приближались мерцающие огни факелов.

— Я слышал их где-то здесь! — вещал грубый мужской голос. — Они говорили шепотом на чужом наречии.

— Может, согарийские шпионы, — ответствовал другой. — Припра-ка этих глупцов к насыпи, а потом поджарим на медленном огне. Это будет хорошая забава. Огонь быстро язык развязывает.

Когда факелы приблизились, стало видно, что туранцы идут тремя отрядами. Сейчас они смыкались, чтобы загнать добычу к земляному валу подальше от согарийского лагеря. Мансур ожидал, что Конан бросится в темноту, но тот стоял на месте.

— Не пора ли нам уходить?

— Ты же хотел стать героем, а? — усмехнулся Конан. — Так ты умаешь, что с этими сопляками ты справишься лучше, чем со мной?

Варвар продолжал удивлять Мансура. — Не сомневаюсь, — ответил он.

— Хорошо. Тогда давай прикончим нескольких, прежде чем уходить. Это невежливо — явиться в гости и ничего не оставить на память.

Мансур понятия не имел, почему это его товарищу, такому осторожному, вдруг захотелось подраться. Но ему-то только это и нужно было! Сердце юноши пылало от предельных отчаяния и гнева. Со свирепым ликованием он поднял меч. Наконец-то он сразится с врагом! Те двое, которых он убил по пути из Согарии, не в счет. Да и слишком быстро это произошло, чтобы доставить настоящее удовольствие. А этот бой будет поувлекательнее.

Один факел приходился на трех-четырех человек. Лишь подойдя вплотную к Конану и

Мансуру, воины сообразили, что лазутчики, которых они ищут, – прямо перед ними.

– О Митра! – выдохнул одноглазый в зеленой безрукавке. – Кто эти чернокожие кущиты?

Тот, кто держал факел, подался вперед и, издевательски прищурившись, взгляделся в черные лица:

– Думаю, это дикарь с Севера и мальчишка. Может, мазать физиономию черной краской – это новая восточная мода. Скоро мы все будем так ходить.

– Скоро вам вообще ничего не понадобится! – гаркнул Конан по-турански. – Но если вам так приспичило узнать, кто я такой, спросите кого-нибудь из ваших дезертиров. Может, они слышали про Конана из Киммерии.

Те, к кому он обращался, переглянулись и пожали плечами.

– Здесь нет дезертиров, – подал голос еще один воин с факелом, – мы честные разбойники, а ведет нас великий Хондемир.

– Мы зря теряем время, – перебил одноглазый. – Хватайте наглеца и тащите к костру побольше. А то чересчур уж много шпионов шляется по лагерю.

Коренастый туранец угрожающе замахнулся на Конана увесистой, шипастой булавой. Но меч киммерийца описал широкую дугу так быстро, что туранец так ничего и не успел разглядеть. Конан разрубил его от плеча до пояса. Отклонив клинок чуть в сторону, могучий варвар как бы ненароком вспорол живот другому противнику. В мгновение ока тихий уголок лагеря превратился в кошмарное кровавое побоище.

Мансур сразу же кинулся в самую гущу свалки. Его противник достаточно ловко отбил два выпада, прежде чем меч юного поэта полоснул его по горлу. Разбойник свалился на землю, судорожно хватая ртом воздух и обливаясь кровью. Еще два туранца, орудуя кривыми саблями, потеснили Мансура, и ему пришлось уйти в глухую защиту.

Конан стряхнул с меча ошметки вывороченных кишок и тут же с разворота раскроил череп подскочившему бандиту. На мгновение киммериец отвлекся, чтобы коротким тычком могучего кулака сбить с ног подбиравшегося сзади туранца. Потом он ринулся на помошь Мансуру. Юноша с трудом отбивался от двух дюжих головорезов. Завидев несущегося берсерка-северянина, туранцы на миг прекратили бой. Потом, как по команде, что есть мочи пустились наутек. Другим воякам тоже не хватило духу продолжать схватку, и они спешно ретировались, надеясь вернуться с подкреплением.

Конан обернулся к Мансуру – как раз вовремя. Юноша пронзил мечом последнего противника. Мансур с восторгом окинул взглядом поле боя, должно быть уже сочиняя стихи о собственных подвигах.

– Пошли! – коротко бросил Конан.

Мансур посмотрел на него отсутствующим взглядом, как будто в изумлении. Но когда послышался шум пробуждающегося лагеря, взгляд его прояснился.

Конан и Мансур побежали к земляному валу. Их преследователи потеряли след, ослепленные собственными факелами. Тем временем киммериец и его товарищ взбежали по поросшему травой склону вала и остановились наверху. Мансур разглядел широкую улыбку на перепачканном лице варвара.

– Пусть это послужит тебе уроком, – объяснил тот, – если преследуешь человека в темноте, оставайся в темноте сам, не то ничего не увидишь. Люди берут с собой факелы не потому, что огонь помогает в поисках, а потому, что с ними они чувствуют себя увереннее.

– Я запомню, – кивнул Мансур.

Они сбежали по дальнему склону и направились к своим скакунам.

Враги вслед не кинулись, однако наверху вала можно было различить цепочку воинов с поднятыми факелами.

— Стоило ли рисковать? — переведя дыхание, спросил Мансур. — Почему тебе вздумалось с ними подраться? Мы же не так сильно подчистили их ряды!

— У них в лагере и так много секретов и двурушничества, — пояснил Конан. — а Хондемиру кажется, что он всем этим управляет. Я и подумал: не грех будет подсунуть ему нечто новенькое и загадочное. Это подорвет его самоуверенность и посеет сомнения среди его людей.

— И только ради этого ты готов был драться при таких невыгодных условиях? — восхищенно спросил Мансур.

— Почему невыгодных? — пожал широченными плечами Конан, счищая с меча кровь.

С первыми лучами солнца капитан Джеку уже сидел перед своим шатром. Слуга протянул ему чашку горячего травяного чая, и командир Красных Орлов как раз делал первый глоток, когда со стороны туранского лагеря показалась процессия. Во главе ее шествовал сам Хондемир, а следом топали Буламб и Румал. Остальные были младшими командирами туранского войска. Вид у них был не слишком дружелюбный, можно даже сказать — враждебный.

— Приветствую вас, господин Хондемир, — произнес Джеку. — Выпейте чаю. Я надеюсь, вы пришли сказать мне, что уже раскинули свои чары и мы можем покинуть это мрачное место.

— Вы хорошо знаете, что я пришел не для этого, — холодно ответил колдун. — Шестеро моих людей погибли прошлой ночью от рук шпионов из вашего лагеря.

— Да неужели? — усмехнулся в усы Джеку. — Только я не посыпал никаких шпионов. Это неблагородно. Ваши люди просто подрались между собой, по своему обыкновению, и кого-то убили. А чтобы избежать наказания, состряпали байку о моих шпионах. — Тут он покосился на кончик собственного длинного носа. Если у вас предусмотрены какие-то наказания за драки. Послушайте моего совета, вздерните парочку — остальным будет хороший урок. И сделайте милость, не беспокойте меня рассказами о проделках вашей шайки дезертиров и беглых каторжников.

— Это были шпионы, — настаивал Хондемир, — и явились они от вас. А откуда еще? Из голой степи, где и дорог-то нет? Один из них назывался Конаном из Киммерии.

Джеку иронически хмыкнул:

— Всего двое? Они прикончили шестерых ваших людей и ушли невредимыми? Понятно, почему вы думаете, что это наши люди. Судя по всему, эти парни настоящие воины. — Лицо капитана вмиг стало серьезным, и он пристально посмотрел на туранцев. — Киммерия! Страна из сказок, которые рассказывают бродячие песенники! Ни один чужеземец сроду не служил у Красных Орлов, да и согарийцев мы берем не всех без разбору. А теперь, — капитан позабыл про учтивость и перешел на "ты", — убирайся со своими нелепыми обвинениями к своим туранским подонкам. И разбирайся поживее со своей магией. Все! Я потерял терпение! Завтра на рассвете Красные Орлы уходят, а уж ты со своим сбродом сам решай — присоединяться к вам или нет.

Человек по имени Буламб сделал шаг вперед:

— Ни один чужеземный напыщенный осел не смеет так разговаривать с нашим владыкой! — Он взялся за рукоять кинжала.

— Что-что? Владыкой? — Джеку поднял руку. — Оглянитесь, собаки.

Туранцы оглянулись и увидели по крайней мере сорок согарийских гвардейцев с луками на изготовку: тетива натянута, оперение стрелы касается уха.

— Если я опущу руку, — сказал Джеку, — вас изрешетят стрелами. Мои люди это умеют. Можешь опробовать свои чары, колдун, но я что-то не слышал о такой магии, которая действовала бы быстрее, чем летящая стрела.

— Ты нас не убьешь, — спокойно отозвался Хондемир, — ни ты, ни твои люди, ни ваши стрелы. И вы не уйдете отсюда завтра на рассвете.

— У меня устала рука, колдун, а чай остывает. Не испытывай мое терпение.

Нахмутившись, Хондемир повернулся на каблуках и зашагал прочь. Когда процессия отошла на достаточное расстояние, гвардейцы Джеку опустили луки и положили стрелы обратно в колчаны.

На липах согарийцев читалось легкое разочарование.

Капитан, вновь улыбаясь, прихлебывал крепкий травяной настой. Он был уверен, что колдун — мошенник. Джеку мог со спокойной совестью возвращаться в Согарию и доложить, что князя надули и что тот, кого считали великим волшебником, на самом деле — обыкновенный заговорщик, один из множества претендентов на трон Турана...

Он приступил к составлению рапорта. Конечно, нужно будет изложить все подипломатичнее, чтобы не вышло, что князь, поверивший Хондемиру, — полный идиот. Вину свалить на какого-нибудь советника рангом пониже или придворного. В общем, трудновато придется...

— Он лжет, господин мой, — прошипел Буламб, когда компания туранцев вернулась к своим шатрам. — Лазутчики приходили из согарийского лагеря! Давай придем с большими силами и заставим этих гнусных чужестранцев выдать убийц!

— Они всего лишь бесполезные отбросы, — добавил Румал. — Но терпеть от них обиды невыносимо. Мы не можем позволить этим жителям ничтожного городишко считать, что они могут безнаказанно угрожать величайшему в мире властителю!

— Нет, друзья мои, — сказал Хондемир, — с этим наглым псым мы не сегодня завтра разберемся. А сейчас не время вносить раскол в войско. Еще до рассвета здесь будут гирканийцы. Нам остается только проглотить обиду и подумать об отмщении — когда придет срок. — Он обернулся к Буламбу: — А этот, как его, Конан из Киммерии... Тыправлялся о нем у солдат?

— Да, ваше величество. Кое-кто говорит, что они уже слышали это имя, но никто его раньше не встречал. Кажется, несколько лет назад в войске вашего незабвенного батюшки был офицер, которого так звали. Потом произошел какой-то скандал, и он как-то столкнулся с узурпатором Ездигердом. — Тут все подчеркнуто сплюнули.

— А мне тут один сказал, — вступил в разговор рыжебородый Румал, — что это имя можно найти в ежегодном списке лиц, находящихся в розыске. Он сказал, что запомнил его из-за размеров обещанного вознаграждения: тысячу золотых и производство на следующую должность по службе.

— Что же этому злодею здесь понадобилось? — вслух подумал Хондемир. Может, он поступил на службу к согарийцам, чтобы избежать гнева узурпатора. Неважно. Мы хорошенько проверим Красных Орлов — когда в них больше не будет нужды, и тогда найдем его. И дружка его тоже. А сейчас нам есть о чем подумать.

— Но люди недовольны, — заметил один из командиров. — Им не нравится, когда союзники приходят и убивают их.

— Ну и что, — презрительно процедил Хондемир, — каждую ночь в потасовках их гибнет больше.

— Но это чужестранцы, — возразил другой командир.

— Довольно! — рявкнул Хондемир, рубанув воздух рукой. — Надо заняться подготовкой к обороне лагеря. Сейчас собираемся в главном шатре.

— Ну и что теперь? — спросил Мансур у киммерийца. — Кажется, все спокойно. Что будем делать?

Они сидели рядом на холме, глядя сверху на Курганы Спящих.

Солнце светило в спину, так что они могли особенно не опасаться, что их заметят. А если враг подойдет сзади, они издалека услышат его по стуку копыт и успеют спрятаться.

— Ничего, — ответил Конан. — Отдыхать. Скоро появится гирканийская орда — тогда станет не до отдыха.

— Гирканийцы, — произнес Мансур. При этом слове кровь стыла у него в жилах. — А что мы будем делать, когда они появятся?

— Поиграем с ними в кошки-мышки. Авось повезет. Мы окажемся между молотом и наковальней: попадем к гирканийцам — нас немедленно убьют, к туранцам — то же самое. Но я постараюсь добиться аудиенции у Бартатуи. Если получится, еще можно выиграть.

Киммериец поднялся и смахнул прилипшие к одежде соломинки.

— Ты освободишь свою княжну, а я раздобуду голову Хондемира, чтобы оправдаться перед Ездигердом. Все это зависит от того, смогу ли я побеседовать с Бартатуей прежде, чем его опять одурачит проклятая шлюха.

— Мы ввязались в большую игру, а ставка — жизнь, — заметил Мансур.

— Это и значит — быть настоящим героем, — отозвался Кован.

ГЛАВА 15

Гирканийское войско неслось по степи, как грозовая туча по небу, окутывая тьмой все на своем пути. Штандарты с конскими хвостами дрожали на ветру. Был слышен лишь стук копыт да редкие отрывистые выкрики командиров, отдающих приказы своим десяткам, полусотням, сотням, полутысячам и тысячам.

Кочевники останавливались, только чтобы напоить коней. Спали прямо в седлах, передавая поводья товарищу. Все, кроме коней, одежды и оружия, степняки оставили на попечение рабов. Шатры, боевые трофеи и прочее добро все это доставят следом, на выночных животных. Всего за два дня добралось войско от Согарии до Курганов Спящих.

Вперед вышли шаманы. Они трясли своими костяшками и били в бубны, моля у предков, богов и Предвечного Неба погибели для врагов и милости для гирканийского войска. Они громко завывали, некоторые кружились в диком танце, потрясая амулетами. С того времени как Конан с приятелями пустил шаманам кровь, ряды безумных шарлатанов вновь успели пополниться.

Воины молча смотрели на шаманские ритуалы. Дело предстояло серьезное, и они не веселились, как перед обычной битвой. Здесь не будет ни добычи, ни особой славы – только бы очистить святое место и страшно отомстить врагам-святотатцам.

Перед войском и пляшущими шаманами стоял одинокий скакун – крепкий быстроногий жеребец. Бартатуя вышел вперед и одним махом оседлал жеребца. На лице кагана застыла маска лютой ярости.

Он надел шипастый шлем кхитайской работы, по краям отороченный роскошным черным мехом. Потом взглянул на Курганы, и воины с боевыми криками и поднятыми штандартами поскакали к валу.

Рядом с Бартатуей ехало еще несколько вождей. В их глазах сверкала Такая же ярость, как и у предводителя орды.

– У них там два разных войска, Учи-Каган, – сообщил тысячник-ашкуз. Смотри, они стоят поодаль друг от друга. Те, кто одеты получше, – это согарийские Красные Орлы. Остальные – какой-то сброд. Видно, присоединились к Орлам совсем недавно. Туранцы, если я правильно разобрал их значки.

– Они и есть, – кивнул Бартатуя. – Хондемир сам оттуда родом. Только больше он своей родины не увидит. Интересно, – обернулся он к подчиненным, что они здесь делают?

– Какая разница? – пожал плечами вождь восточных степняков, тот, что давал советы на случай мора. – Всех перебьем! Их дело умрет вместе с ними, что бы они ни задумали.

– Хорошо бы все же выяснить, – сказал Бартатуя, – потому что, не ровен час, когда-нибудь в будущем другие люда задумают что-то в таком же духе. Второй раз скакать сюда мне недосуг. Нет уж, оставим кого-нибудь в живых и выпытаем.

– Только не Хондемира! – воскликнул каган будини, трогая амулет на шее. – Проклятие умирающего колдуна пострашнее обычных чар. Его надо убить быстро.

– Ну так и быть по сему, – согласился Бартатуя, – хотя мне будет жаль, если Хондемир умрет быстро и легко.

– Ничего, мы им еще припомним, – ощерился вождь с востока. – Будет день – мы возьмем и Туран. Тут-то мы покараем туранцев за подлость их сородичей!

– И согарийцев тоже, – прибавил вождь герулов. – Подумать только поганая нога

согарийского воина коснулась гирканийских святынь! Хорошо, что курганы нашего племени далеко в северных степях, их не так-то просто отыскать.

— Да уж, — откликнулся Бартатуя, — Согария заплатит... Я обещал. Город сровняем с землей, на его месте будут пасться овцы. Никто не уцелеет — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. Камни сбросим обратно в каменоломни и засыплем землей. Сады вырубим. Поля зарастут травой. Через много лет чужестранец спросит: "Где же та Согария, о которой поют в песнях?" — и никто не сможет показать ему места.

Остальные одобрительно загудели. Это была настоящая месть, как понимали ее гирканийцы.

— Когда атакуем, Учи-Каган? — спросил вождь с Востока. Он прищурясь посмотрел на солнце. — Еще не поздно...

— Нет! — ответил Бартатуя. — Мы не успеем подготовить воинов. Здесь будет битва, к которой они не приучены. Многие ли из нас в своей жизни сражались на мечах и пиках в пешем строю?

— Ну так нападем ночью, — сказал каган герулов. — У нас будет несколько часов, чтобы отдать нужные приказы. В темноте согарийцы и туранцы не смогут использовать свое преимущество в рукопашном бою.

— Нет уж! — воскликнул каган будини. Он решительно покачал головой, так что его каштановые косы откинулись назад. — Только не ночью! Иначе мы, будини, с вами не пойдем. Если воин убит ночью и у него нет коня, его душа не сможет добраться до плодородных лунных пастбищ. Если зрящая во тьме конская душа не пронесет душу всадника через бездны, она так и сгинет во мраке! Сражайтесь днем, если рассчитываете на будини, Бартатуя сжал зубы он решил ничего не говорить до срока. "Вот опять, — думал он, — союз племен рушится из-за несходства обычаев, из-за воспоминаний о старинных распрях".

— Атаковать будем днем, — проговорил он в конце концов. — За ночь люди и кони отдохнут, а мы успеем обдумать план битвы.

— Но лошади нам в бою не понадобятся! — возразил герул. "Вот это, подумал Бартатуя, — самое тяжелое в участии Учи-Кагана. Надо уметь приспособливаться к чужому способу мыслить. Недостаточно самому продумать поход или битву. Нет, придется объяснить очевидные вещи тем, чья служба сейчас нужна".

— Эти люди, — сказал он, — сейчас смотрят на нас так же, как мы на них. Они видят наше численное превосходство. В любой миг они могут пуститься в бегство. Наши кони скакали два дня и две ночи без отдыха, а у них лошади свежие, выгулявшиеся на могилах наших предков. — Бартатуя сурово посмотрел на своих полководцев. — Если они попытаются уйти, сегодня или будущей ночью, им придется прорываться через наш строй. На усталых лошадях мы их можем не догнать, лучше пустить в ход стрелы. Помните — эти люди знают путь к Курганам Спящих. Ни один враг, ни один! — не должен уйти живым и унести с собой тайну.

— Ясно! — хором ответили вожди.

Гирканийские воины разбивали маленькую палатку — только такой шатер удалось взять с собой в стремительной скачке от стен Согарии. Хозяйка шатра, закутанная в черный плащ, стояла рядом.

Лакшми ступала неловко, каждый шаг давался ей с трудом. Никогда еще ей не приходилось скакать сорок восемь часов подряд. Тело превратилось в комок боли. Такое ощущение, что ее долго били прутьями и пытали на дыбе. Нежная кожа на бедрах и ягодицах теперь стала сплошной ноющей ссадиной.

Пожалуй, месяца притираний и освежающих ванн не хватит, чтобы восстановить былую красоту! Но не это беспокоило сейчас Лакшми. Она долго ждала этой минуты, долго готовилась к ней. Теперь ловко заверченная интрига должна принести ощущимые плоды. В ближайшие часы все решится...

Предстоит самое сложное. Конечно, измученное тело молило об отдыхе, но времени на отдых нет. Там, на Курганах, скрывается Хондемир. Надо встретиться с ним, узнать, далеко ли он продвинулся в своем колдовстве. От этого зависят ее действия в ближайшие несколько часов.

Притязания Лакшми были просты и одновременно необъятны. Ей хотелось править миром! Она могла бы вершить это через Хондемира или через Бартатую. Учи-Каган, казалось бы, обладал всем необходимым: дикий воин, мечтающий покорить вселенную и обладающий для того достаточной волей и даром правителя. И средство для битвы у него подходящее – лучшие конники и стрелки в гирканийской степи. А главное – необузданная любовь к прекрасной наложнице делала кагана послушным орудием в умелых руках.

Но опыт подсказывал Лакшми: власть над таким мужчиной уменьшится, как только начнет увядать красота. Вендиже нужен был союзник, который поможет укрепить влияние на Учи-Кагана, и союзником этим был Хондемир. Колдун силой своей магии хочет получить власть над Бартатуей, а сам он во власти Лакшми такой же беззащитный перед ее красотой, как сам каган. Она не должна порывать с колдуном, пока не выведает все его секреты. А уж там карты будут у нее в руках. Сделав Учи-Кагана и Хондемира своими рабами, она станет через них управлять всем миром. Она не будет зависеть от своей красоты, которая всегда была для нее лишь орудием. Красота – вещь преходящая, ее ценят только слабодушные глупцы. Власть – единственная стоящая вещь, и Лакшми собиралась собрать в своих руках всю власть, какая только есть в мире.

Когда палатка была готова, хозяйка вошла внутрь – поесть и подготовиться к ночной прогулке. Она была слишком опытна, чтобы ставить все на одну карту. Если колдун потерпит поражение, она должна остаться любовницей Бартатуи. Появится другой колдун, и он откроет ей тайну вечной власти над душой царя. К тому времени она будет женой величайшего правителя вселенной, и ей придется защищать свое положение от соперниц помоложе.

В шатре было жарко, и Лакшми вынула из-под своего черного плаща защитные подушечки. В дороге они отчасти спасали кожу, но сейчас стало уж слишком жарко. Лакшми позвала слуг – на большинстве из них были лишь набедренные повязки и дорожные сандалии.

Красотка потребовала воды. Слуги принесли от источника несколько кожаных бурдюков и закрытую флягу. Вода, конечно, тепловатая и мутная, но здесь, в глухой степи, даже такая – величайшая роскошь. Умываясь, Лакшми обдумывала свои действия на ближайшую ночь: во-первых, выпытать у Бартатуи планы атаки Курганов; во-вторых, когда совсем стемнеет, надо попытаться встретиться с Хондемиром. Дальше планы строить нельзя – все зависит от того, что скажет колдун.

Закончив свой походный туалет, Лакшми оттерла лицо шелковым полотенцем и надела легкую одежду. Жемчужными нитями она не опоясалась – во время ночного визита к Курганам они могут наделать слишком много шума. Под набедренную повязку женщина спрятала кинжал в тонких бронзовых ножнах. По краям лезвие было тупым, зато острие отточено, как игла, и смазано змеиным ядом из Кхитая. Однажды, для пробы, Лакшми

кольнула им верблюда. Животное умерло в считанные минуты. Таких орудий у хитрой красотки было предостаточно; они возмешали ее относительную физическую слабость.

Навестив все кланы и племена, объяснив им расстановку сил в завтрашней битве, Бартатуя прошел в шатер к своей возлюбленной. Лакшми разложила перед ним скучное походное угощение – лепешки, сыр и сущеные фрукты.

– Как ни печально, господин мой, – вымолвила она, – это все, что я могу тебе предложить. Конечно же, это не трапеза, достойная Учи-Кагана, будущего правителя мира.

Он сел рядом с любимой наложницей, восхищаясь, как всегда, ее неземной красотой, на которой как бы И не сказался долгий и тяжелый путь.

– Неважно. Я всегда делил все тяготы со своими людьми. А сейчас показать им, что я – один из них, что я не пользуюсь особыми привилегиями, когда предстоит настоящая битва. Мне это не в тягость. Когда я объединял племена в единый народ, единое войско, мне доводилось целые дни проводить без пищи. Степь – хозяин суровый и беспощадный. Кто не сумеет приспособиться к ней, долго не протянет. Завоюем чужие земли – все, что создали другие, будет нашим, а пока надо терпеть. Это отличная школа, и она хорошо нас закалила.

– Но ведь это будет нетрудная битва, да? – спросила Лакшми. – Что может горстка воинов против величайшего войска в мире?

– В каком-нибудь другом месте – ничего, – сказал Учи-Каган. – Будь это обыкновенная битва, мы забросали бы этих шакалов стрелами и вдоволь посмеялись бы. Но старые законы запрещают нам стрелять возле святилища. Придется оставить коней и луки и биться пешими. А у многих моих людей даже щитов нет, и меч для них – только орудие, чтобы добить убегающего врага, если жалко стрелы. Латы у нас легкие, а у некоторых племен и вовсе никаких нет. У согарийцев же – отличные стальные кольчуги. И у турецких тоже. Учи-Каган покачал головой. – Нет, мы, конечно, победим. Иначе быть не может – нас больше, и наш боевой дух выше, ведь мы защищаем могилы предков. Но цена! Мы никогда не были многочисленным народом, как другие. Наша сила не в числе, а в скорости и в искусной стрельбе из лука. В этой стычке – лучше сказать, в этой битве – погибнет много, много отменных стрелков, которые были бы бесценны в настоящей войне. И при этом мы не завоюем ни пяди земли! Так нелепо, так бесполезно, и все из-за этого проклятого колдуна!

– Ну, – заметила Лакшми, – тебе нечего бояться, если ты сохранишь свое положение среди гирканийского народа. В конце концов, твои воины возьмут себе жен и наложниц в завоеванных племенах. Они народят множество сильных сыновей взамен тех, что полягут здесь. Господин мой станет единственным правителем под Предвечным Небом. Ни один колдун не сможет это оспорить. Это испытание, которое послали тебе боги, дабы ты показал свое боевое искусство всему миру. – Она наполнила вином и подала кагану его любимый череп-кубок. Как же ты собираешься действовать?

– Вал, – сказал Бартатуя, – это не крепостные стены. Можно атаковать в одном месте, а можно – сразу по всему фронту. Но если мы слишком растянем наши ряды, мы только усилим преимущества врага. Придется покрыть очень большой участок земли до того, как противник окажется в пределах досягаемости наших стрел.

– А почему не атаковать ночью? Они не так быстро заметят вас...

– Это было бы неплохо, – нахмурился каган, – да вот в чем беда – многие племена не могут сражаться ночью из-за своей веры.

"Да, Хондемиру эти сведения пригодятся", – подумала Лакшми.

– Значит, атака будет на рассвете – и в одной точке?

— В двух. Курганы возводились в соответствии со сторонами света. Север — дурная сторона, оттуда приходят злые духи. Вход на Курганы — с юга. На рассвете мы подъедем к северному склону настолько близко, насколько можно, потом спешимся, чтобы атаковать. Но основные силы сосредоточатся на юго-востоке. Когда враги большей частью отойдут к северному валу, с юга мы нанесем главный удар. Если этот план будет удачен, мы сможем одержать победу, хотя и с большими потерями.

— Если войском командует мой господин, — льстиво проворковала Лакшми, снова наполняя чашу, — поражение невозможно.

Вскоре Бартатуя покинул шатер, сказав Лакшми, что проведет остаток ночи с вождями и командирами. Для них, объяснил он, важно видеть своего правителя накануне битвы. Лакшми умело разыграла отчаяние. Но как только каган ушел, она с облегчением вздохнула и стала готовиться к собственному ночному путешествию.

Прикрыв лицо черным плащом, Лакшми выскользнула из шатра. Никто не заметил ее — все внимание было привлечено к Курганам, Учи-Каган приказал никто из врагов, узнавших тайну священного места, не должен пройти гирканийские посты живым. Лакшми двинулась вдоль раскинувшегося бивака степняков.

Неожиданно из ночного сумрака выступил человек в темной одежде:

— Я здесь, госпожа.

— Ты сделал все, что нужно, Баязет?

— Да, госпожа. Здесь есть ход, неподалеку. Я добился, что мой командир поставил меня именно на этот пост. Если ты будешь идти тихо, тебя не заметят и ты подойдешь к самому валу.

— Молодец, — сказала она. — Скажи мне, Баязет, а тебе-то, как другим, не обидно, что иноземцы осквернили святое место? — Если у этого человека есть сомнения, надо знать это сейчас. Лучше убить его, пока он ее не предал.

— Я не ашкуз, — ответил воин, вспыхнув. — Мне нет дела до святынь Бартатуи и его племени. Я только хочу отомстить за своего господина, Кахлага, предательски убитого Учи-Каганом. — Этот титул Баязет произнес с особым сарказмом.

— Отлично, — ответила Лакшми. — Смотри не забудь об этом. Они так были заняты своим делом, что не заметили: вслед за ними к проходу на Курганы проскользнули еще два темных человеческих силуэта.

Сонные часовые мгновенно вскочили на ноги, увидев приближающиеся к ним черную, похожую на призрак фигуру. Они подняли пики. Незнакомец откинулся — это была прекрасная молодая женщина.

— Скажите своему господину, что Лакшми здесь, — проговорила красавица.

Часовой позвал командира.

— Господин Хондемир велел пригласить вас, госпожа, — сказал он. Его серебристый шлем блестел при свете факелов. — Я отведу вас к нему.

Они прошли по притихшему лагерю. Даже отпетые бродяги, пришедшие по зову Хондемира, в ночь перед большой битвой не бражничали. Командир привел женщину к подножию огромного кургана. Окинув взглядом высиявшиеся вокруг могильники, Лакшми увидела, что этот курган — величайший из всех.

— Теперь надо забраться наверх, — сообщил командир. — Господин Хондемир на вершине. Наши люди трудились там весь день, помогая ему в его приготовлениях. После заката он запретил подниматься наверх всем, кроме вас, когда вы придете.

Лакшми кое-как сумела вскарабкаться на вершину кургана, который оказался даже огромней, чем представлялось снизу. Ноги у красотки и так устали от долгой скачки, теперь же молодая женщина чуть не падала от изнеможения. Однако нельзя показываться на глаза Хондемиру в мгновения слабости. Лакшми постояла немного на месте и собралась с силами. А потом двинулась вперед твердой, уверенной походкой, хотя все тело, с головы до пят, нестерпимо ныло.

— Я здесь, Хондемир, — проговорила она спокойно и решительно.

— Я вижу, — ответил маг. Выглядел он необычно: красный плащ, пропитанный кровью кхитайских драконов, серебряные а золотые нити, короткий покров из кожи, святой триста лет назад с принцессы из Заморы, плененной и принесенной в жертву туранским магом.

— Ты принесла то, что мне нужно?

— Да, этого должно хватить. — Она достала из-под полы плаща шелковую сумочку и маленький стеклянный сосуд. Хондемир взял все это у нее и повернулся к небольшому сооружению, находившемуся на кургане, рядом с высоким металлическим шестом, на котором при лунном свете красовались раздуваемые ветром конские хвосты и скалился череп какого-то неведомого животного.

Сооружение напоминало маленький алтарь, сделанный из дерева и кожи. По углам алтаря свисали ремни, украшенные странными рисунками, похожими на те, что красовались на плаще Хондемира. Лакшми смотрела в восхищении — здесь сосредоточились такие колдовские силы, каких она и вообразить себе не могла. Фигурки, изображенные на ремнях, казалось, диковинным образом извивались и корчились прямо у нее на глазах.

Вокруг кургана Лакшми увидела огни туранско-согарийского лагеря. Дальше в степи мерцали бесчисленные костры гирканийской орды. Их было столько и горели они так ярко, что у женщины перехватило дыхание.

— Вот почему ты не позволяешь своим людям подниматься сюда ночью, сказала она. — Да, такое зрелище и сильного человека приведет в отчаяние!

— Есть и другие причины, — ответил Хондемир. — Сейчас это место уже укрыто чарами. Никому не позволено ступать сюда, кроме меня, тебя и княжны Ишкалы. Звезды уже на положенных местах. Луна в нужной фазе, и все светила сфокусированы в этом песте. Завтра ночью я получу великую Силу. Когда я рассеку священным кинжалом грудь княжны и вырву ее трепещущее сердце, все наши планы осуществлятся. Каган будет в моей власти, Лакшми. Когда отгримит битва и утихнет вызванная ею неразбериха, я буду подлинным полководцем сильнейшего в мире войска, а вскоре стану царем Турана. — Он благосклонно улыбнулся: — А ты, дорогая, разделишь со мной трон. Конечно, не а качестве царицы. Туранцы никогда не признают своей царицей вендийскую куртизанку. Ты будешь моей главной наложницей.

— Разумеется. — Женщина улыбнулась так соблазнительно, как только могла. — Не мне мечтать о положении царицы, да и не хочу я все время торчать на виду. Однако я надеялась, что уже сегодня смогу принять участие в твоем таинстве. До завтрашней ночи ты можешь не дожить. Гирканийская орда в ярости, они никогда не простят, что иноземцы осквернили их святое место. Даже без коней и луков они в состоянии вас всех перерезать.

Чародей вновь высокомерно улыбнулся:

— Не беспокойся. Мои бойцы опытны и лучше владеют оружием, чем гирканийцы. Да и не всем степнякам есть дело до святилища. Только каган и его ашкузы почитают Курганы Спящих. Сейчас кочевники, может, и храбрятся, но только чтобы показать кагану свою верность. А когда они останутся завтра в поле пешие, когда им придется драться на мечах, —

тут они будут не так храбры. Конным и с луками им цены нет. А пешие, с мечами, они больше похожи на тупое стадо.

Лакшми вспомнила резкие слова Баязета.

– Может, ты и прав.

– Да, прав. И я буду царем Турана. Это судьба.

В этот момент, глядя на него, стоящего на вершине кургана в Причудливых и величественных одеждах, Лакшми готова была в это поверить.

– Я выпытала у Бартатуи план завтрашней битвы, – проговорила она. – Ты выслушаешь меня?

– Пойдем в шатер. Расскажешь подробности моим командирам.

Они спустились с кургана. Туранских командиров Лакшми не боялась: Бартатуе они ее не выдадут. Если Хондемир просчитался и завтра победят гирканийцы, ни одного врага в живых не останется. Даже если кто-то уцелеет и будет допрошен, хитрая наложница сумеет позаботиться, чтобы пленник умер раньше, чем проговорится об измене.

Они миновали костер. У огня сидели несколько воинов, тихо беседуя, правя и смазывая оружие. Почти бессознательно, под влиянием инстинкта и привычки, Лакшми прислушалась к их словам.

– Вот идет хозяин, – сказал один, пробуя на ощупь острие длинного кривого кинжала. – Он сказал, что ночью дикии нападать не будут. Похоже на то.

– Да, – отозвался сардонический голос, – уж надеюсь, Конан-киммериец нынче ночью не заявится.

Лакшми почувствовала, как ледяные щупальца сжимаются вокруг ее сердца. Она с трудом понимала грубый диалект туранских бродяг, но знакомое имя схватило ее за горло, как гирканийский аркан.

– Конан! Киммериец! Откуда твои люди знают о нем? – воскликнула Лакшми негромко, но страстно.

Хондемира как молнией ударило.

– Конан из Киммерии? Почему это имя тебя так взволновало?

– Скажи мне! – взмолилась женщина.

– Ну... это просто последняя кровавая байка... Прошлой ночью этот парень забрался в наш лагерь. Что-то разнюхивал здесь. С ним был еще второй, но тот назвать себя не удосужился. Их попытались схватить, но Конан расшвырял наших воинов, как лев – гиен, Он уложил десятерых, а потом исчез невесть куда. Вот из него и сделали пугало, наполовину для шутки конечно.

– Как он выглядел и откуда пришел? – Лакшми решила, что рассказанное Хондемиром правдой быть не может.

– Те, кто уцелел, говорят, что он огромного роста, с черными волосами до плеч, а глаза – серые, по крайней мере так им показалось при свете факелов. Он был измазан черной краской, чтобы не опознали в темноте. Я думаю, он из согарийского лагеря. Хотя их командир утверждает, что у них такого нет. Ну врет, конечно. Откуда ему еще взяться? Не из голой же степи! А ты откуда его знаешь?

– Это мой враг, – медленно проговорил женщина. – Выскочка, который втерся в доверие к кагану. Он совал нос, куда не надо, и я подстроила ему ловушку, чтобы спасти себя и укрепить мои отношения с шаманами. Его привязали голым к столбу и уже занесли над ним нож для жертвоприношений... Но дружки освободили наглеца, и они все вместе ушли от

погони. – Лакшми поежилась, хотя ночь была теплая. – Это он. Все приметы совпадают. Рост, глаза, волосы... Я припомнила, что он мазался черной краской, когда ходил на разведку по приказу кагана. Кроме того, он несравненный боец на мечах. Ничего странного, что твои бродяги не справились с ним.

Хондемир пожал плечами:

– Ну и что. Он мог примкнуть к согарийскому отряду. Предложить службу капитану Джеку, в том числе в качестве шпиона. Не бойся, сейчас он не опасен. Если после битвы он уцелеет, я отдам его тебе на забаву. Не стоит огорчаться по таким пустякам!

– Хорошо, если так, – вздохнула Лакшми. – Может, это просто совпадение. – Чувство тревоги, однако, не отпускало ее. – Идем в шатер! Мне надо успеть в гирканийский лагерь до рассвета.

– Зачем? – спросил Хондемир. – Оставайся со мной. Ты сделала все, что необходимо, и теперь я наверняка смогу получить власть над разумом и душой Бартатуи.

– Нет, я должна вернуться. Кто знает, вдруг что-то изменится в их планах? – На самом деле Лакшми не до конца верила в успех туранского мага.

Он опять пожал плечами:

– Твое дело. Может, это и лучше, если ты отсидаешься во время боя в безопасном месте и присоединишься к нам потом. – Он посмотрел на полную луну, висевшую в небе подобно огромному черепу. – Ну а завтра после заката все будет кончено.

ГЛАВА 16

— Самое главное, — наставлял Конан, — не открывай рта, какие бы мучения ни раздирали тебя. Что бы ни болтали гирканийцы, что бы ни грозило твоему городу или твоей стране — делай, что я сказал, или умрешь.

— Я запомню, — ответствовал Мансур. В его душе царили одновременно страх и радостное возбуждение. Они — в самом сердце вражеского лагеря! Дело опасное — но героическое! Какие стихи можно будет написать, когда все кончится...

— Хорошо, — кивнул Конан, похлопав юношу по плечу. — Подумай, какую потерю понесет поэзия, если с тобою что-то случится!

Пробираясь в лагерь мимо гирканийских постов, они заметили две человеческие фигуры; одна из них была закутана в черный плащ. Мансур не обратил на нее внимания, но Конан хмуро усмехнулся, когда существо в черном плаще исчезло из виду.

Среди кочевников, одетых и вооруженных весьма пестро — всякий клан и род на свой обычай и манер, — Конан и Мансур не привлекали к себе особого внимания. Они избегали освещенных мест, а при лунном свете лиц было не разглядеть. Конан искал самый большой костер и вскоре нашел его. Подобравшись поближе, киммериец узнал в сидевших у костра самого Бартатую и его военачальников.

— Приветствуешь тебя, каган, — произнес Конан, вступая в освещенный круг.

Человек, сидевший у ног Конана, обернулся и фыркнул:

— Это Учи-Каган, ты, невежа... — Тут сидевший разглядел лицо Конана, и у него отвисла челюсть. — Во имя Предвечного... — Он вскочил на ноги, сжимая рукоять меча.

Десятки жадных рук разом вцепились в гиганта-варвара. Киммериец не сопротивлялся: это значило бы верную смерть.

— Стойте! Не убивайте его! — рявкнул Учи-Каган. Конана держали все той же мертвой хваткой. Бартатая подошел к варвару вплотную. — Не думал я снова увидеть тебя, киммериец.

— Он повернулся к Мансуру: — А это кто? Одет по-согарийски.

— Он немой, Ба... Учи-Каган. Приился ко мне в степи. Скорей всего караванный погонщик. Последний раз останавливался в Согарии, отсюда и платье.

Степняки удивленно таращились на Конана и его спутника. Они рады были бы перерезать им глотки, но сам правитель, казалось, имел другое мнение по поводу непрошеных гостей.

— Что ж, Конан, — процедил Бартатая. — Поговорим наедине. Отпустите его.

Тут же загремел хор протестующих голосов.

— Нет, господин мой! — выскоцил вперед каган герулов. — Это ловушка. Чужеземец хочет убить тебя.

Бартатая коротко рассмеялся:

— Он прошел незамеченным в трех шагах от места, где я сидел. Неужели он не мог вогнать в меня нож прежде, чем кто-нибудь из вас дернулся?

— Если хотите, возьмите мое оружие, — подал голос Конан. — Я не причиню кагану вреда.

— Не дурачь нас, шакал, — огрызнулся вождь будини. — Каган — мужчина крепкий, но твою силу мы все знаем. Тебе ничего не стоит свернуть шею любому.

— Ну так свяжите мне руки, — невозмутимо отозвался киммериец.

— Нет, — отмахнулся Бартатая. — Думаю, он хочет сказать что-то важное. — Каган

повернулся к своим людям: – Возьмите у него оружие и следуйте за нами на небольшом расстоянии. – Он обратился к Конану: – Я любознательен, но не глуп. Идем со мной. Твоему товарищу дадут еды и вина.

Они отошли от костра на несколько шагов; отсюда были хорошо видны огни на Курганах. За повелителем последовало несколько степняков – ладони их по-прежнему покоялись на рукоятях мечей.

– Признаю, – начал разговор Бартатуя, – я поторопился приговорить тебя к смерти. Особенно, – тут он улыбнулся, – когда узнал, сколько поганых шаманов ты отправил на тот свет. – Он вновь принял серьезный вид, – Но что за глупость ты натворил! Зачем ты напал на мою женщины? Я и сейчас мог бы тебя прикончить за это!

– Вот как раз о твоей женщине я и хотел бы сейчас поговорить.

– Вот как? – голос кагана был устрашающе тихим и мягким.

– Она тебе изменила.

Учи-Каган повернулся к Конану. Сейчас он походил на взбесившегося быка.

– Изменила? С тобой?

– Не так изменила, как ты думаешь, – спокойно продолжил Конан. – С Хондемиром.

– Говори быстро, киммериец, – приказал Бартатуя. – Твоя жизнь сейчас подвешена на тоненьком волоске!

– Моя жизнь уже не раз висела на волоске, – усмехнулся варвар. – Со мной случалось такое, что лучше забыть об этом и никогда не вспоминать.

Киммериец немного помолчал, а потом коротко рассказал Учи-Кагану о событиях той злополучной ночи. Рассказал, как Лакшми его оклеветала, как участвовала в сладострастных шаманских плясках.

На лице Бартатуи проступила гримаса неподдельной муки, но Конан даже бровью не повел, будто собирался свалить кагана правдой наповал.

Киммериец рассказал о своем бегстве и о песчаной буре, о том, как нашел Мансура. Он только утаил, кем является юноша на самом деле. В конце концов киммериец передал те слова, что услышал в лагере Хондемира прошлой ночью. Некоторое время Учи-Каган не мог раскрыть рта.

– Конан, – произнес он в конце концов сиплым голосом, – если ты лжешь, то тебя ожидает такая смерть, какой еще не ведал ни один человек. Столетия спустя будут рассказывать страшные сказки про гибель Конана-киммерийца.

– Я не лгу, каган, – просто ответил Конан. – Или теперь надо говорить Учи-Каган?

– Каган... Хороший титул, – прохрипел Бартатуя. – Нет более славного под Предвечным Небом. Учи-Каган – это так, бахвальство победителя. Не знаю почему, Конан, но в глубине души я тебе верю. Твои слова ранят меня больше вражьих стрел, но в них есть жуткий отзвук правды. И все равно мне трудно поверить. Может быть, я отдал ей свое сердце, потому что всегда мечтал о женщине, которую смогу полюбить. Но я верю тебе, поскольку давно хотел иметь настоящего преданного друга.

У киммерийца от таких слов слегка дрогнуло сердце.

– Если хочешь убедиться в моей правоте, Бартатуя, – твердо сказал он, пойди сейчас в шатер к своей женщине. Пробираясь сюда, я видел, как она направляется к Курганам. С ней был еще один воин. Она несла Хондемиру то, что нужно ему для колдовства.

На некоторое время Бартатуя опять потерял дар речи.

– Теперь, – промолвил он после долгого молчания, – даже если я завоюю мир, сладость

победы будет отравлена горечью измены. Мое блаженство было бы полным, как у богов, обитающих близ Предвечного Неба. Но сейчас я опозорен этой женщиной, опозорен своей мужской глупостью и доверчивостью. Я был марионеткой их кхитайского балагана, меня дергал за нитки укрывшийся за ширмой раб. В ослеплении я чуть не убил моего единственного друга! Эта презренная женщина вела меня за собой, как слабосильный мальчишка – смиренного вола.

– Бартатуя, друг мой, – сказал Конан, – ты не первый мужчина, которого обманула красивая женщина. И, уж конечно, не последний.

– Но многие ли из этих людей, – проворчал Учи-Каган, – мечтали о всемирном престоле? А я мечтаю о нем. Что позволено обычному человеку запретно для Учи-Кагана. Что ж, идем обратно и поговорим с моими вождями. Скоро мы атакуем Курганы Спящих, и все эта суэта вокруг подлой шлюхи не имеет большого значения. Лакшми и Хондемир в моих руках. Два крыла моего воинства пойдут в атаку, как запланировано. Возьмешь на себя команду одним из них? Я знаю, что плохо наградил тебя за службу, но все еще можно поправить.

– Я бы взялся, каган, – отозвался Конан, – но дойдут ли твои люди за мной? Мы с тобой – люди одной закваски, хоть ты – гирканиец, а я киммериец. Но степнякам недостаточно будет моего слова, чтобы признать меня снова одним из своих полководцев.

Бартатуя пожал Конану руку:

– Идем со мной, друг. Все будет хорошо. Я знаю, как подтвердить истинность твоих слов, как доказать предательство Лакшми. Утром поведешь моих всадников в бой. И да не будет под Предвечным Небом второго, после Бартатуи, Учи-Кагана, кроме Конана из Киммерии!

Звезды еще сверкали на небе, когда Лакшми вернулась с Курганов Спящих. Вокруг шумел пробуждающийся лагерь: воины завершали последние приготовления к битве. Женщина ощутила удовольствие при мысли о том, что она скоро сотворит с этим грязным стойбищем кочевников.

Вскоре она переселится в роскошный дворец в центре красивого и богатого города. Рабы будут выполнять каждое ее пожелание, и величайшие люди мира будут валяться у ее ног, домогаясь благосклонного взгляда. А кто воссядет на трон, это все равно – хоть Хондемир, хоть Бартатуя, или кто-то другой, кого Лакшми выберет. Со временем всем станет ясно, у кого в руках настоящая власть.

Она уже начала мысленно строить свой дворец. Размеров – неописуемых, башни – до облаков. Отделка – золото и жемчуг. Одежда – сплошь из тончайших шелков. А рабы – самые красивые... Но тут чьи-то пальцы мертвой хваткой схватили размечтавшуюся наложницу за предплечье.

– Мы снова встретились, госпожа моя!

Перед Лакшми возвышался грозный варвар из Киммерии.

– Ты... – прошипела женщина. – Когда Хондемир сказал... – Она внезапно оборвала фразу: "Не ровен час, могут услышать!" – Когда мой господин увидит тебя, его гневу не будет предела! Как ты пробрался сюда, предатель? Еще один заговор против кагана?

– Ты, кажется, потеряла самообладание, Лакшми, – оскалился довольно киммериец. – Я уже разговаривал с Учи-Каганом. Теперь он знает все. Пожалуй, он знает все главные подробности твоей измены. Какой человеческий ум в силах вообразить коварство такой прельстительной змеи, как ты?

— Что за ложь ты влил ему в уши? — Она говорила сейчас намеренно громко, рассчитывая, что в темноте наверняка таятся какие-нибудь досужие слушатели. — Учи-Каган слишком доверчив. Он видит, что человек храбр в бою, и не думает, что этот воин лелеет честолюбивые помыслы. Ты изменник!

Лакшми поняла, что киммериец тащит ее в широкий освещенный круг перед костром. А потом вспомнила про кинжал под набедренной повязкой. Нет, еще не время! Она, может, еще сумеет выпутаться из этой передряги: язык у нее хорошо подвешен и каган ее любит.

— Слова тебе не помогут! — гремел Конан. — Учи-Каган не так доверчив, как ты думаешь. Услышав мое свидетельство, он потребовал доказательств. Он получил их!

Теперь вендийка разглядела у костра множество мужчин. В центре, у огня, стоял Бартатуя. У ног его валялись три шамана, связанные, как телята перед клеймлением.

Другие шаманы стояли на коленях, с руками, связанными за спиной, лица их были искажены от ужаса. В руках Учи-Каган сжимал кинжал, забрызганный кровью почти до рукояти. Острье кинжала дымилось, в воздухе висел запах паленного человеческого мяса.

Когда Бартатуя глянул на Лакшми, женщина онемела от ужаса. Лучше бы ей воспользоваться отравленным клинком, пока была возможность! Ее острый ум помутился. Какая ложь спасет ее теперь от гнева Бартатуи?

— Эти пустозвоны, увешанные амулетами, — проговорил каган, — сообщили нам много интересного. Правда, сначала они пугали нас гневом богов, но испытание горячим железом развязало их языки и освежило память. Итак, кажется, имела место церемония, на которую меня не пригласили. А ты удостоилась такой чести и проявила немалое усердие.

— Я знала, что они замышляют против тебя, каган, — пролепетала Лакшми. — Я хотела разведать их планы.

— Да, разведка в ночное время — твоё любимое занятие. Где ты нашел ее, Конан?

— Рядом с Курганами есть небольшой овраг, — ответствовал киммериец. Один из часовых помог ей пройти туда незамеченной.

— Арестуйте этого человека, — приказал Бартатуя стоящим рядом с ним воинам — От него узнаем, нет ли еще предателей.

— Как быть с женщиной, Учи-Каган? — спросил вождь с Востока, чье лицо было покрыто многочисленными рубцами и шрамами.

— Легкой смерти ей не дождаться! — сказал Бартатуя и посмотрел на Лакшми каменным взглядом: — Ты могла стать женщиной властелина мира. Чего тебе не хватало?

Она ничего не ответила, только стояла опустив глаза.

— Девка плела интриги против тебя, — заметил Конан, — потому что такова ее гнусная сущь. Она не может отвечать добром на добро. Скорпион, если возьмешь его в ладонь, непременно укусит — вот так и она. Точно так же предала бы она и Хондемира, и любого другого. Даже сейчас, стоя перед твоим судом, она лихорадочно строит планы, чтобы избежать своей участии.

— Убить стерву — и дело с концом, — предложил каган герулов. — А то уже светает, пора выступать.

Бартатуя положил руку на эфес меча и несколько мгновений смотрел на Лакшми. Потом отпустил оружие.

— Нет, — сказал он. — После битвы, когда мы восстановим могильники, вот тогда она умрет. И все узнают, что значит обманывать доверие Учи-Кагана. Отвести ее в шатер и приставить часового. Убежать ей отсюда некуда, но смотрите, чтоб она не покончила с собой

и не ускользнула от возмездия!

Два крепких воина увели Лакшми. Она не в силах была говорить и не могла поднять глаз. Свидетели думали, что от стыда, но они ошибались. Женщина прятала улыбку. Она останется наедине с часовым, а часовой – просто мужчина. Мужчины были для нее послушными игрушками. Она уже звала – сегодня она не умрет, и мысли ее вновь обратились к предстоящему царственному великолепию.

– Вернемся к более важным вещам, – сказал Бартатуя, когда изменнице увели. – Будини и герулы на рассвете предпримут первую атаку. Они ударят с северной стороны. Мы дадим защитникам вала время собрать в одном месте большую часть своих сил. Затем все остальные ударят с юга. Во главе этой атаки будет Конан. Конан, есть у тебя что сказать, прежде чем мы разойдемся?

Конан стоял перед вождями.

Шаманы все еще валялись на земле, но киммериец не обращал на них внимания.

– Хорошо бы, если б у меня было время подготовить воинов к битве. Но что мечтать о невозможном! Запомните: у противника есть кони и луки и ему-то ничто не мешает ими пользоваться, туранцам как лучникам до вас, конечно, далеко, но стрелять они умеют. Да и в любом случае расстояние будет невелико, а доспехи на степняках легкие. В тесном строю любая стрела найдет свою цель.

Главное – двигаться так быстро, как только возможно. Чем скорее перейдем к рукопашной, тем лучше. У врагов есть мечи, щиты и пики. Они хорошо владеют ими. Избегайте поединков на мечах. Используйте численное превосходство – три или четыре воина на каждого противника. Страйтесь выбить у них щит и рубите по горлу. Будет много неожиданностей, но это лучше, чем рухнуть зарезанным без всяких неожиданностей.

Рассудительная речь киммерийца отрезвила вождей. Они стали хмуро расходиться – каждый к своим бойцам.

– Как быть с этими, Учи-Каган? – спросил воин, охранявший связанных шаманов.

Бартатуя обернулся:

– С грязными ублюдками? Прикончи их. С этого дня каждого шамана, который ступит в мой лагерь, – убивать на месте.

Он повернулся и направился к войскам, а стражник тем временем стал методично резать шаманам глотки.

Конан подал знак Мансуру, и они отошли в сторону.

– Мансур, – сказал Конан, когда они были уже достаточно далеко. Теперь можешь говорить, но тихо.

– Там, в лагере, мои братья, согарийцы! Черт с ними, с туранцами, но Красные Орлы... Я не могу стоять и смотреть, как их убивают.

– Тогда, – киммериец недоуменно пожал плечами, – считай, что они мертвые. Степняки вряд ли кому-нибудь дадут уйти. Даже если кто-то из солдат вырвется отсюда, гирканийцы догонят его и убьют. Они ступили на освященную землю... Лучше уж – быстрая смерть в бою. Так подобает умирать воинам.

– Но они охраняют Ишкану! – запротестовал Мансур.

– Это уж наша забота, – ответил Конан. – Я буду на Курганах первым. И сделаю все возможное, чтобы найти твою девчонку и вытащить из мясорубки. Может, под шумок, вам двоим и удастся сбежать.

– Нет! – возразил Мансур. – Я умру с моими братьями! Конан вздохнул:

— Я боялся этого. Значит, такова судьба...

Не говоря больше ни слова, он занес над Мансуром свой огромный кулак и тюкнул юношу по голове. Тот свалился на землю, как куль с овсом. Киммериец проверил его дыхание, потом вскинул юношу на могучее плечо и отнес парнишку к оврагу. Там он связал Мансура на всякий случай. Пусть побудет тут в безопасности до конца битвы...

Уже светало, когда два воина отвели Лакшми в шатер. Мерзавка к тому времени состряпала план бегства, решив действовать напористо и быстро. Она присмотрелась получше к своим сторожам. Обычные кочевники-ашкузы, не похожие на таких ярких людей, как Бартатуя и Конан. С этими будет полегче.

У входа в шатер женщина обернулась к своим стражам:

— Вы, конечно, пройдете со мной... Как иначе вы будете следить, чтобы я не убила себя?
Воины последовали за ней.

Палатка была небольшой, и стражи оказались совсем рядом с соблазнительной вендижкой.

— Разве это не приятнее, чем биться в рукопашной? — кокетливо спросила она. — Разве мое общество хуже вражеских мечей?

— Молчи, женщина, — хмуро отозвался один из часовых. — Мы здесь, чтобы сторожить тебя, а не болтать попусту.

— Но вы же меня не обыскали, — притворно забеспокоилась Лакшми. — Ведь я же могла спрятать оружие!

Она сбросила на пол черный плащ. В глазах у степняков вспыхнул огонек похоти. Наложница кагана стояла перед ними в одной набедренной повязке и сандалиях. Никогда прежде они не видывали подобного зрелища.

— Разве я не хороша? — лукаво вопрошала Лакшми, показывая свое шелковистое тело. — Я вендижская куртизанка, воспитанная в особой школе. Я знаю сотни способов доставить мужчине блаженство, о котором простые солдаты и мечтать не могут.

Она прошлась мимо обалдевших воинов, вздымая грудь, как будто предлагая себя и одновременно сама млея от наслаждения. Стражников словно удар хватил.

— Кстати, мы не закончили обыск.

Лакшми сбросила сандалии и стала разматывать набедренную повязку; шелковая ткань соскользнула на землю. А плутовка успела ловко подхватить кинжал и спрятать его в ладони.

— Вот, — проговорила она. — Я нага. Я ничего не прячу. Но если хотите убедиться, можно подойти поближе. — При этих словах она сама шагнула навстречу стражникам.

Один из воинов осторожно коснулся рукой ее потрясающе белой кожи. Взметнулось смертоносное жало. На ладони у стражника остался тонкий порез. Еще через секунду острие оцарапало щеку другого воина. Оба степняка не сразу пришли в себя от замешательства: слишком быстро соблазн превратился в опасность.

— Эй! — воскликнул один. Воин потянулся к мечу; и тут лицо его исказилось от удивления и ужаса: он почувствовал, что дотянуться до рукоятки меча стоит ему огромных усилий. Он попытался что-то сказать своему товарищу, но язык не слушался.

Лакшми смеялась, глядя на двух здоровенных мужиков, которые один за другим свалились на землю и корчились в агонии. Они извивались, будто изнутри их терзали стальные крючья, глаза вылезли из орбит, пальцы судорожно хватали воздух.

— Вы что, и впрямь вздумали, что можете обладать мной? — со смехом говорила коварная вендижка, переступая через умирающих, дразня их своей наготой. — Простая солдатня не

смеет наслаждаться прекраснейшей женщиной мира, прекраснейшей, а вскоре – и самой могущественной. Мужичье вроде вас годно лишь на то, чтобы умирать по моей прихоти.

Женщина продолжала смеяться, пока два кочевника, последний раз конвульсивно дернувшись, не отошли в мир иной.

Лакшми быстро оделась. Выглянув из палатки, она увидела, что поблизости никого нет. Все на местах, готовятся к бою. Лакшми поспешила туда, где были привязаны лошади.

Конан стоял впереди войска. Степняки расположились в сухом русле реки на юго-востоке от Курганов. Позиция для атаки киммерийцу особо-то не нравилась. Воины лежали на брюхе, набившись, как сельди в бочке. Жалкое подобие боевых порядков растянулось на сотни шагов. До защитного вала далековато. На таком пространстве легче легкого получить стрелу в кишки. Но другого пути нет! Другого места, где столько воинов могли бы подойти к валу незамеченными с самого большого кургана, не было.

Помимо кольчуги и шлема, Конан прихватил и щит – самый большой, какой только смог подобрать. Не меньше двух футов в поперечнике, щит был отменно укреплен полосками вендийской стали. Такая надежная защита позволит в полную силу орудовать мечом.

Со стороны Курганов послышался шум. Зазвенели трубы, застучали барабаны, зацокали копыта.

– Они начали! – воскликнул Бартатуя, стоявший рядом с Конаном.

– Подождем еще несколько минут, – отозвался киммериец. Его воины заметно забеспокоились, вслушиваясь в шум боя.

– Не трогаться с места до приказа! – приказал Конан. – Иначе – верная смерть!

Сам он внимательно прислушивался к звукам движущихся войск. Когда шум переместился в северном направлении, киммериец вышел вперед и поднял щит.

– Вперед! – взревел великан варвар.

Степняки с кровожадным кличем двинулись за киммерийцем. Прикрывшись щитом, Конан устремился к склонам могильника. И вдруг топот сотен ног позади стал гуще. Конан обернулся. Гирканийцы порядочно отстали от своего предводителя.

– Вперед, сукины дети! Живее! – заорал варвар во всю глотку. – Вам что, жить надоело?!

Многие степняки делали жалкие попытки бежать так же резво, как могучий киммериец. Конан изрядно приуныл, увидев, что большинство кочевников никогда в своей жизни нормально не бегали. Мало кому из них доводилось протопать хотя бы пару сотен шагов. Они бы выглядели забавно, если бы им не грозило оказаться под градом вражеских стрел.

До безумия медленно степняки приближались к валу. На вершине маячил один-единственный часовой. Но когда кочевники подобрались к валу шагов на две-три, часовой затрубил в серебряный рог, и на валу мгновенно появились воины. Туча стрел обрушилась на гирканийцев.

Конан сгруппировался на бегу, как только мог, и прикрылся щитом. Он слышал свист стрел, крики падающих воинов...

– Быстрее, Кром вас раздери! – рычал он.

Степняки продолжали свое неторопливое движение, и Конан почувствовал, что сердце его готово вырваться из груди. Нет, так он не привык воевать! Конан видел, как многие воины, в одеждах различных гирканийских племен, отстают. Вперед рвались только одни ашкузы...

Когда кочевники подкатили к валу вплотную, воины наверху тут же изменили угол обстрела. Внезапно за спинами защитников появился ряд конников. Они принялись разить

стрелами степняков прямо поверх голов своих пеших товарищей. В результате стрелы посыпались гуще.

Конан нахмурился, видя потери гирканийцев, А ведь они еще не убили ни одного врага!

– Теперь все на вал! – прокричал он. – Еще несколько шагов, и нам будут не страшны их луки.

И в этот момент гирканийцев оглушил стук копыт. Справа и слева от наступающих кочевников появились Красные Орлы. В таком бою преимущество на стороне тяжелой конницы. Согарийцы рубили легковооруженных врагов, как облачка дыма. Мечи и копья вздымались и опускались, расплескивая кровь, кромсая плоть и дробя кости. Стрелы, словно диковинные змеи, вгрызались в ряды гирканийского воинства. Тяжелые, шипастые палицы вышибали из человеческих голов липкие ошметки мозга. Копыта разгоряченных схваткой лошадей хлюпали в месиве из крови и разрубленного мяса. Кое-кому из степняков удавалось подсечь сухожилия согарийских скакунов и добить упавшего всадника. Но по большей части сражение превратилось в беспощадную бойню. Беспомощных пехотинцев топтали, рубили, кололи.

Две линии всадников врезались в толпу кочевников, пытающихся пробиться ко входу на Курганы. Тут резни была особенно жестокой. Конные согарийцы секли гирканийцев, как серп пшеничные колосья.

Конан вышиб очередного врага из седла и повернулся к Бартатуе, который сражался с воином, скатившимся с раненой лошади.

– Дело плохо! – прохрипел киммериец. Учи-Каган извлек кинжал из тела убитого врага.
– Надо отступить и перегруппироваться, – пояснил Конан, – Так они нас всех перебьют!

– Да, – согласился Бартатуя.

Вражеская стрела чуть не ужалила кагана в лицо и впилась в горло стоящего рядом степняка. Воин рухнул, с губ его скользнула струйка крови.

– Назад! – громовым голосом прокричал Бартатуя. И подал сигнал к отступлению бьющимся поблизости воинам.

То же самое сделал и Конан. Постепенно, линия за линией, гирканийцы стали отходить. И еще многих степняков отыскали стрелы согарийцев.

Кован отступал, по-прежнему прикрываясь щитом. Одна стрела оцарапала варвару бедро, другая задела лодыжку. Только изощренное боевое мастерство да лучший, чем у других кочевников, доспех, спасли киммерийца от верной смерти.

Оказавшись вне досягаемости вражеских стрел, кочевники расстроили боевые порядки и разбились на небольшие группки. Учи-Каган с отчаянием и гневом смотрел на покинутое поле браны.

– Каковы потери?

– Тысячи. А у них – хорошо, если сотня погибла. Может, сто пятьдесят. Конан оглядел притихших воинов, усевшихся на землю. – И по крайней мере каждый третий ранен, многие – серьезно.

Они вновь соединились с северным крылом войска. В этих отрядах кочевники пострадали меньше, поскольку подступали к склонам не с такого дальнего расстояния, да и защищен северный вал был хуже.

Встретиться с тяжелой кавалерией гирканийцам не довелось. Выслушав донесения вождей, Бартатуя отвел Конана в сторону.

– Они знали! – зло проговорил каган. – Они знали, что атака с севера только уловка. Они

хорошо подготовились, выставили стрелков и конников именно к южному проходу. А тяжелая кавалерия стояла у западного и восточного краев вала, готовясь окружить нас, как только мы минуем линию пеших защитников. – Он помолчал. – Это Лакшми. Ведьма побывала прошлой ночью на Курганах и разболтала врагам весь мой план атаки. Как долго удастся скрывать это от остальных вождей? Кто станет уважать правителя, доверившего важнейшие секреты рабыне-чужестранке?

Конан ничего не ответил. Когда Бартатуя попросил совета, как организовать еще один штурм, киммериец вновь промолчал. Каган же продолжал злобствовать:

– Среди погибших – столько ашкузов, моих соплеменников! Именно на них держалась вся моя власть! А теперь придется начинать все сначала восстанавливать разрушенный союз, который основан именно на вере в мою непобедимость!

Конан увидел, что самоуверенный властитель, каким всегда выглядел Учи-Каган, превратился в простого человека, снедаемого сомнениями.

– Скажи же мне, Конан, как я могу спасти положение?

– Прежде всего – ничего не предпринимать до конца дня, – невозмутимо предложил киммериец. – Пусть люди отдохнут и соберутся с силами, помянут убитых друзей и родичей. А на закате мы снова атакуем. Для тех, кто боится сражаться в темноте, света будет еще достаточно.

Киммериец и каган глянули на вал. Враги ходили среди брошенных на поле тел, добивая раненых и вытаскивая из трупов стрелы.

– Они собрали все силы у этого прохода, – продолжил варвар, – а мы разобьемся на четыре группы и ударим сразу с четырех сторон. Жертв будет много, но такого, как сегодня, уже не случится. У врагов не хватит ни сил, ни оружия. А если б твои воины бегали порезве, потери можно было бы еще уменьшить. Но это, увы, невозможно.

– По крайней мере спасем свою честь, – хмыкнул Бартатуя. – Что бы потом ни случилось.

– Об этом будет время позаботиться, – сказал Конан. – Может, придется отложить кампанию до следующего года. Достаточно одной победы и хороших трофеев, чтобы твои воины полюбили тебя, как прежде. Потери можно возместить – подрастут новые, молодые бойцы. А это – ценный опыт. Теперь ты знаешь, как защищаются другие народы, когда ты вырезаешь их под корень и у них нет пути к отступлению.

Учи-Каган криво усмехнулся:

– Хорошо, что не нуждаюсь в утешении! От тебя его не дождешься.

Конан пожал плечами:

– Я никогда не чувствовал в нем нужды, зачем же оно тебе? Тем, кто создан для власти, незачем жалеть друг друга.

– Это правда, – кивнул Бартатуя. – Что ж, идем подбодрим людей...

Но тут нечто новое привлекло его внимание. К поросшему травой валу, прямо к ведущему на Курганы проходу, промчался чей-то конь. На скакуне несся некто в черном плаще.

– Эта ведьма опять здесь! – воскликнул Бартатуя. – Да сгниет она заживо!

– Хватит с нее, – ответил Конан, – если в ее прекрасное тело попадет ловкий лучник.

Но увы, эта надежда оказалась тщетной – Лакшми невредимой достигла Курганов.

– Ладно, – прокрипел Бартатуя, – там я ее и прикончу. Только бы не исчезла до конца сражения! Легкой смерти она не дождется... Ну идем, дела не ждут.

ГЛАВА 17

Солнце уже лизнуло земной окоем, когда Хондемир подготовил все необходимое для таинства. Эта мрачная волшба была посложнее всего, что колдуна приходилось делать прежде. В удаче он не сомневался – его вера в собственные силы была беспредельна.

Рядом с ним на алтаре распластерлась княжна Ишкала со связанными руками. Утром, пока Красные Орлы сражались с гирканийцами, колдуна ничего не стоило послать нескольких воинов за княжной. А потом согарийцы были заняты приготовлениями к новому сражению. Некому было проверить, как себя чувствует дочь князя.

В багровых лучах заката видна была гирканийская орда, разделившаяся на четыре отряда. Когда солнце опустилось за линию горизонта, все четыре крыла степного воинства двинулись на штурм.

– Они опять атакуют! – воскликнула Лакшми. Одетая лишь в набедренную повязку, она стояла у алтаря, помогая Хондемиру в последних приготовлениях. Мерзавка собственоручно, с дьявольской усмешкой на устах, сорвала с согарийской княжны одежды и повалила ее на алтарь. Время от времени Лакшми сладострастно пошлепывала лежащую девушку, как комнатное животное.

– Не важно, – отмахнулся Хондемир. – Через несколько минут они увидят нечто, что вышибет из них воинственный дух. Давай начинать.

Держа перед собой магический жезл, колдун начал петь, кидая в пламя алтаря предметы, которые Лакшми по очереди подавала ему. Постепенно небо над алтарем стало менять цвет. Глаза Ишкалы наполнились ужасом, но закричать она не могла – во рту у нее был кляп. Лакшми погладила княжну по голове и прошептала какие-то утешительные слова. Тем временем Хондемир занес над ней свой кривой нож.

– Когда они поймут, что побеждены, – объяснял Бартатуя воинам, кто-нибудь попробует пробиться. Внутри Курганов ездить верхом нельзя. Я уже выделил тысячу воинов на самых быстрых конях, чтобы преследовать тех, кто попытается уйти в степь. Вы слышали слова Конана. И помните, что случилось сегодня утром. Идите так быстро, как только сможете. Стрелять будут не так сильно, как с утра, и кавалерийской атаки не будет: им не поспеть в четыре места разом. Теперь по местам. Как только солнце окрасит степной ковыль, мы атакуем!

Войско разделилось на четыре крыла, и каждый двинулся к намеченному загодя месту. Даже теперь, после кровавой бойни, унесшей тысячи жизней, воинство степняков было так велико, что не каждый воин рассыпал слова Учи-Кагана. Командиры отрядов доносили до бойцов суть приказа. Степняки вновь воспряли духом, они опять жаждали крови святотатцев и готовы были умереть за поруганные могилы предков.

Конан и Бартатуя плечом к плечу готовились к атаке. Опять предстояло нападать с юга, у большого прохода. Бартатуя решил идти в бой впереди войска вместе с киммерийцем. Тогда степняки не дрогнут и не отступят. Не смогут же они бросить своего Учи-Кагана одного врагам на расправу?

Они крепко сжимали мечи, и блики солнца играли на хищной стали клинов. На горизонте полыхало кровавое зарево заката. Когда последний луч солнца вспыхнул над степью, Бартатуя поднял руку.

– Вперед! – закричал Учи-Каган.

Крик предводителя отозвался в рядах воинов. Несколько мгновений спустя его подхватили в трех других отрядах.

Конан устремился вперед легкой рысцой. Бартатуя, шедший рядом, изо всех сил старался не отстать от богатырской поступи варвара. Через некоторое время Конан оглянулся, чтобы посмотреть, сохраняют ли воины боевой порядок. Степняки наступали четырьмя неровными, далеко отстоящими друг от друга линиями. Ближе к валу это расстояние сократится. Если кочевники смещаются в одну бесформенную толпу, при вражеской контратаке они просто начнут давить друг друга я станут легкой мишенью, не успев даже воспользоваться мечами.

Свистнули первые стрелы. Как и предвидел Конан, смертоносный ливень был не таким густым, как в прошлой битве. Да и гирканийцы действовали уже не так беспомощно, как прежде, вроде бы научились кое-как пользоваться щитами. Многие заранее надели доспехи попрочнее, сняв их с убитых и раненых.

Когда наступающие были в ста шагах от вала, раздался стук копыт – еще одна конная атака. Красные Орлы летели вдоль склона, разбившись, по своему обыкновению, на два крыла. Вот они в двух местах атаковали гирканийские ряды! Но сейчас сделать это было уже не так просто. Как только кони врезались боевые порядки степняков, я воздухе мелькнули арканы. Кони и люди, захваченные петлями, валились на землю, где их легко добивали.

Конники падали один за другим. Увязая в кровавой суголовке, они становились легкой целью для аркана. Кавалерийская атака захлебывалась. Растерянные всадники, лошади без седоков, истекающие кровью раненые сбились в бесформенную толпу.

С леденящим душу боевым кличем киммерийцев Конан ринулся прямо сквозь вражеский строй к проходу в Курганы. Противник выстроился теперь в три ряда, прикрывая проход. На слишком近距离 Конан мог не опасаться стрел и действовать более стремительно.

Туранец с пикой наперевес кинулся на киммерийца, но короткий взмах меча лишил его и пики, и руки. Другой пытался достать неукротимого варвара саблей, но киммериец отразил выпад, потом краем щита ударили атакующего в лицо и рубанул упавшего воина по ребрам, пробив кольчугу и развалив тело практически пополам. Брызнула кровь, выползли на траву дымящиеся кишкы.

Тысяча гирканийцев, с пронзительными воплями и завываниями, атаковала туранское войско. Конан мельком увидел, как воин, вцепившись голыми руками в щит соперника, пытается сбить того с ног. Туранец вонзил нападающему гирканийцу меч в живот, но мгновение спустя упал сам – кочевник, умирая, впился зубами в глотку врагу.

Битва не на жизнь, а на смерть кипела на подступах к Курганам. Кровь все больше заливала редкую степную траву, все выше громоздились груды изрубленных тел.

Не желая увязать в этой бойне, Конан перепрыгнул через мертвые тела, по-кошачьи ловко изогнувшись, встал на ноги и двумя ударами сокрушил двух воинов – справа и слева от себя. Потом огляделся: вокруг раскинулись Курганы Спящих. Бартатуя последовал за киммерийцем, степняки тоже постарались не отстать от своих свирепых предводителей. Завида насыдающего врага, туранцы отступили в беспорядке. Вот теперь начнется настоящая резня!

Пока пьяная от крови орда крушила все вокруг, Конан пустился в погоню за туранцем, оседлавшим лошадь и попытавшимся улизнуть незамеченным. Чтобы бежать быстрее, Конан бросил щит и спрятал в ножны меч. В конце концов, туранец все равно нужен живым...

Всадник направлялся в самое сердце Курганов. Ему пришлось обогнуть невысокий погребальный холм. Конан быстро перебрался через могильник поверху и оттуда кинулся туранцу на плечи. Секундная борьба – и вот уже беглец простерся на траве. Глаза воина вылезли из орбит от ужаса, когда великан варвар приставил ему к горлу клинок.

– Хочешь жить – говори быстро, – прохрипел киммериец. – Где Хондемир и согарийская княжна?

– Там! – указал туранец. – На самом большом кургане! И вендейка там же. Они творят великую волшбу!

Конан посмотрел в ту сторону, куда указывал палец воина.

– Кром! – прорычал киммериец.

Он вскочил на ноги и огляделся, не обратив внимания, как улепетывал чудом спасшийся туранец. Взгляд Конана скользнул вверх, по склону высокого холма. И внезапно гнев и ярость варвара сменились ужасом.

Солнце уже зашло, в небе появились звезды. Но над большим курганом висело кипящее черное облако. В середине оно мерцало так ярко, что кровь в сравнении с этим пламенем могла показаться прозрачной водичкой. Звуки битвы умолкли. Ужасное зрелище наполняло страхом, куда большим, чем просто страх смерти.

Внутри красного пламени ворочалось НЕЧТО – большое, нелепое, бесформенное и... чернее черного.

– Что это? – спросил чей-то голос рядом с Конаном. Киммериец обернулся и увидел Бартатую. Учи-Каган был весь заляпан вражеской кровью, но сам, кажется, не пострадал. Взгляд его был также обращен к вершине большого кургана.

– Там колдун, – рассерженно прошипел Конан. – Затеял, гад, жуткие чары. Он может вызвать из другого мира тварь, которая убьет нас всех. И Лакшми там, рядом с ним.

Лицо Учи-Кагана исказилось от гнева.

– Он занимается своим нечистым ремеслом на могиле основателя моего рода! Идем, Конан, кровь еще должна пролиться!

Бартатая принял остервенело карабкаться на курган. Конан последовал за ним. Пока они взирали по крутым травянистым склонам холма, облако стало еще чернее, а красное свечение – ярче. Из кокона внутри кровавого пламени полезло странное существо: пара огромных глаз, окутанных сетью огромных щупальцев, – огромное неуклюжее головоногое, покрытое подобием чешуи.

Курган окутал странный запах – так пахнет на дне древнего высохшего моря. Существо раздирало кокон, пробиваясь в мир живых. Когда Конан и Учи-Каган достигли вершины, они увидели две человеческие фигуры, чернеющие на фоне багрового неба. Третье человеческое существо лежало перед ними навзничь. В поднятой руке одного из стоящих – того, что повыше, – блестел кинжал.

На мгновение рука с клинком задержалась, и в эту секунду Конан извлек меч из ножен и с размаху нанес удар.

Лакшми в мерцающем свете следила за кипящей битвой.

– Быстрее, колдун! – торопила вендейка. – Или скоро у тебя не останется армии, чтобы с триумфом войти в Аграпур.

– Еще немного, – успокоил ее Хондемир. Несколько минут он произносил про себя древние заклятия, которые не смог бы выговорить человеческий язык. – Еще одна небольшая формальность, и наши гости будут у меня в руках.

Лакшми задрожала, когда чудовище возникло в небе над курганом. Она не знала, бог это или демон, но ОНО источало зловещую, чуждую силу. Девушка, лежащая на алтаре, застыла в ужасе, когда существо обрело свои чудовищные очертания. Глаза княжны закатились, она потеряла сознание, лишь на миг представив ожидающую ее участь.

– Сейчас! – воскликнул Хондемир с дьявольским восторгом на лице. – Я вырву ей сердце, и Хозяин Тьмы станет моим слугой. А Бартатуя и вся его гирканийская орда превратятся в рабов! – Он поднял нож, и как раз в это мгновение демон разорвал остатки магического кокона.

Колдун склонился над обнаженной девушкой на алтаре. Достаточно одного глубоко разреза под левой грудью; потом надо быстро засунуть в рану руку и одним рывком извлечь еще бьющееся сердце – и подать его порождению преисподней, что явилось сюда по зову.

– Тебе, Хозяин Тьмы! – возопил колдун, и в это мгновение за спиной у него раздался какой-то шум.

С криком триумфа чародей занес клинок над жертвой. И вдруг застыл в недоумении – оружие не повиновалось ему. Мгновение спустя Хондемир понял, что у него больше нет правой руки. Его глаза расширились от ужаса – кровь хлынула из обрубка на обнаженное тело Ишканы. И вслед за этим щупальце чудовища обвилось вокруг колдуна.

Лакшми в отчаянии глядела, как изувеченный Хондемир поднимается в воздух, увлекаемый исчадием черной бездны, которое сам же и вызвал. Наконец щупальце остановило свое плавное движение и застыло над штандартом с конским черепом – символом ашкузов. Чудовище неторопливо отправило визжащего дурным голосом чародея в упрятанную под клубками щупальцев пасть.

Лакшми обернулась. Перед ней стоял Бартатуя.

– Любимый мой! – в отчаянии закричала перепуганная вендишка. – Это Хондемир во всем виноват! Проклятый маг заколдовал меня! Но теперь все кончено, разум вернулся ко мне! Пойдем скорей отсюда.

Крепкие ладони кагана сомкнулись на хрупкой шее прекрасной наложницы. Сильные пальцы лучника, не хуже веревки палача, сжали женщине горло. Лакшми закинула голову, задыхаясь. Лицо Бартатуи оставалось суровым и отрешенным. Наверное, кагану потребовалась вся его неукротимая воля, что бы вот так, собственоручно, задушить ту, которую он столь страстно любил. Однако ни искры сожаления не промелькнуло в холодных глазах степняка. Его хватка не ослабевала ни на мгновение. И все же каган не мог заставить себя сделать последнее усилие.

Лакшми судорожно трепыхалась. Отчаянным рывком подая вендишка сумела-таки дотянуться до набедренной повязки. Она кончиками пальцев вытащила отравленный кинжал, перехватила рукоять и вонзила клинок кагану в бедро. Бартатуя сначала не понял, что произошло. Потом весь выгнулся от страшной боли, захрипел – то ли молитву, то ли проклятие – и рухнул на землю, так и не разжав хватки, увлекая за собой Лакшми. Вендишка тщетно пыталась разорвать намертво сцепившиеся пальцы, но каган, даже приняв жуткую смерть, остался неумолим. Вдруг Лакшми заметила, что рядом с ней стоит еще кто-то. Это был киммериец. Конан, ее злейший враг, теперь был ее последней надеждой, и Лакшми протянула руки, моля о помощи.

Конан оторопело уставился на поверженного кагана. Потом перевел взгляд на Лакшми. Догадка осенила киммерийца: гнусная вендишская шлюха каким-нибудь подлым способом сумела убить гирканийского вождя! Вот дрянь! Потаскуха, что не стоит и одной золотой

монеты, прикончила великого воина. Да еще теперь тянет свои грязные лапки с мольбой помочь. У великана варвара, конечно, хватило бы сил разжать мертвые ладони Бартатуи. Но Конан лишь с сожалением посмотрел на погибшего друга. И смахнул вендейке в лицо. Потом он молча перешагнул через Лакшми, подошел к алтарю и принял разрезать путы, которыми была связана несчастная Ишкала.

В это время в темнеющих небесах безобразное чудовище пожирало останки злополучного чародея. Это был достойный конец самонадеянного претендента на турецкий престол.

Конан вскинул залитое кровью тело девушки на плечо и стал спускаться вниз по склону. Оглядываться киммериец не стал. Ему что-то очень не хотелось вновь заглянуть в остекленевшие, выкатившиеся глаза прекрасной вендейки.

Внизу царила полная неразбериха; воины не знали, бежать ли им или продолжать сражение. Чудовище, кажется, удовлетворилось чародеем и залезло обратно в свое облако, Конан снял плащ с одного из мертвецов и завернул в него Ишкалу. Потом киммериец неторопливо направился прочь от Курганов.

В укромном месте, в овраге, Кован нашел Мансура. Поэт по-прежнему лежал на земле, крепко связанный.

— Спокойно, — проворчал киммериец, разрезая веревки. — Теперь нам с тобой надо уносить ноги, и побыстрее. Бартатуя мертв. И вендейка тоже.

— А Ишкала? — воскликнул Мансур.

— Вот она. Я завернул ее в плащ. Девчонка твоя отделалась легким испугом. Скоро придет в себя. А нам неплохо бы найти лошадей. Сейчас здесь начнется полный кавардак, и мы, может быть, сумеем улизнуть незамеченными.

Они выбрались из оврага и принялись спешно разыскивать коней. Вокруг было полно воинов, но на киммерийца и его спутников никто не обращал ни малейшего внимания. Многие гирканцы выбирались из Курганов, унося на руках раненых товарищей. Особо безнадежных надо было водрузить в седла, чтобы они не умерли ночью пешими. После пережитого ужаса степняки выглядели будто пьяные.

Конан нашел коней в том месте, где они с Мансуром оставили их. Рядом стояла лошадь с дорожными припасами и запасные кони. Сев верхом и положив бесчувственную Ишкалу на седло Конану, они услышали за спиной пронзительный стон. Это был погребальный плач степняков.

— Кто-то набрался храбрости подняться на большой курган, — объяснил Конан. — Они нашли тело Бартатуи. Теперь они не скоро оправятся. Пора ехать.

На пятый день изнурительной скачки по степи маленький отряд Конана приметил вдалеке на юго-востоке двух всадников.

— Кто это? — испугано спросила Ишкала, Княжна путешествовала одетая в запасную рубаху Конана. Босые ноги девушки были черны от степного загара. Из плаща, в который завернула ее Конан по пути с Курганов, она сделала себе некое подобие капюшона.

— Пока не подъедем поближе, не поймем, — сказал киммериец. — Два человека — это не опасно.

Они двинулись дальше, и вскоре лицо Конана озарила улыбка: он узнал тех, кто скакал им навстречу.

— Видишь, Фауд, — прокричал Рустуф своему напарнику. — Я говорил, что с киммерийцем какая-то жалкая песчаная буря не совладает! Как дела, Конан?

– Отлично. В том смысле, что я жив и относительно здоров.

– Мы с Фаудом собирались в западные земли, – сообщил Рустуф. – Хочу найти своих братьев-козаков, а Фауд мечтает вновь увидеть башни Аграпура.

– Я поеду с тобой, – проговорил Конан. – Степняки поймали меня как раз по дороге на запад.

– Нет, Конан, – встрял в разговор Мансур, – ты должен ехать с нами в Согарию! Князь примет тебя с честью. Ты получишь земли, богатства, а также достойный пост в нашем войске.

Киммериец покачал головой:

– Не хочу я больше связываться со всякими правителями. А особенно с вашим князем. Он наверняка не забыл, как я разорил его крепость. Нет уж, пойду на запад. Такова моя судьба.

Перед тем, как попрощаться, Мансур отвел Конана в сторону.

– Спасибо тебе, – сказал юноша. – Как жаль, что я не участвовал в последней битве. Я так и не сумел освободить Ишкану.

– Ручаюсь, что ты не станешь посвящать ее в такие мелочи, – ухмыльнулся киммериец. – А уж в твоих стихах вся эта история точно будет выглядеть по-другому. Ты не первый поэт, которого я встречаю.

Когда юные согарийцы отъехали прочь, три воина повернули коней на запад.

– Бартатуя погиб, – сообщил Конан.

– Никто не бессмертен, – философски заметил Рустуф, – Многие мечтали покорять мир – а находили только быструю гибель.

– Бартатуя мог хотя бы попробовать, – проговорил Конан. – Это был великий человек, может быть величайший, кого мне довелось знать. И погиб из-за обыкновенной шлюхи.

– Все равно, – пожал плечами козак. – Не думаю, что мне понравился бы мир, где только один правитель. Прежде всего, такой царь стал бы больше всего печься о том, чтобы в казну налоги поступали без перебоев. Нет, мне нравится, когда много маленьких царей и маленьких войн. Это мир, где парни вроде нас могут раздобыть себе какую-нибудь заваленную корону.

Воины засмеялись и направили своих коней дальше на закат, по бескрайней зеленой степи.